

18+

Анна Олеговна Князева

Наше щедрое на жертвы время

Ужасы, медицина, сделано
с ИИ

Анна Князева

**Наше щедрое на жертвы время.
Ужасы, медицина, сделано с ИИ**

«Издательские решения»

Князева А. О.

Наше щедрое на жертвы время. Ужасы, медицина, сделано с ИИ /
А. О. Князева — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это
сборник с элементами фантастики об опасностях больших городов
и городской паранойе. Любые совпадения имён, лиц и их действий с данными
историями случайно и сами истории являются вымышленными. Поэтому
данный материал не может использоваться при предъявлении любых
юридических претензий. Книга содержит нецензурную брань.

© Князева А. О.

© Издательские решения

Содержание

Наше щедрое на жертвы время	6
Глава 1. Древняя проблема	6
Глава 2. Человечность	19
Шизофреники в проклятом особняке	25
Глава 1	25
Глава 2	39
Глава 3	53
Плесень и инвалид	65
Глава 1	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Наше щедрое на жертвы время Ужасы, медицина, сделано с ИИ

Анна Олеговна Князева

© Анна Олеговна Князева, 2026

ISBN 978-5-0070-0864-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наше щедрое на жертвы время

Глава 1. Древняя проблема

Наверное, это было возможно в древности... Наверное, возможно и в наше щедрое на жертвы время... От таких историй скорость укачивания в момент езды в транспорте только ещё выше, так что, если вестибулярный аппарат у вас слабый, то банально, утая суть этой книги, читать её я вам не рекомендую. Прошлое хоронит наши цели у Цинковых гробов павших жертв, а живые в шоке и ненависти переживают последствия кошмаров погибших; тюрьмы на южных направлениях полнятся цыганами, господствующими в жаре и криминальной харизме, пока у них есть влияние в обществе, а это эпицентрично как процесс движения людей в стаде сам по себе, словно вечная легенда о Боге Ра; о чокающихся миллиардерах в шике именовании своих дворянских семей. У этого человека абстрагированность мышления пока была щадящей, а окружающую явь он воспринимал естественной и всегда до боли знакомой, иногда шокирующей его хромосомы так, словно его зомбируют, но, хоть это лишь воображение социальных масс, циник в нём был абсолютно бессмертен; о временах реальных в лике фантомов мыслей остальных людей он злобно шутил и выдавал лыком бредятину, как ночами фельдшеры в госпиталях и больницах; если дьявольское эгоистическое плацебо начинало обують его, то в его жизни брала начало Каторга с Гонениями. Имя его — Михаил Евгеньевич Обоянец. Он часто менял место жительства из-за своего циничного подхода к жизни. Чайдл фри путь даровал ему жизнь как в кошмаре одиночества с разными женщинами. Для описания дальнейшего его быта, когда он жил в сельской местности, нужно описать слово жом. Жом — это многозначное слово, но в данном контексте это оборудование для выжимания жидкости из разных материалов. Жом у него на селе находился всегда под рукой, чтобы выполнять заказы местных и заработать хороший доход от квалифицированного замещения фабрики соков и маслособойни целевым комплексом своего труда, но, ясное дело, безденежные жители иногда напрашивались с ним подработать за гроши от лени ездить на фабрику в соседней деревне на расстояние более 1,5 км. Так шли его майские будни в местах приятных для него мгновений, местах акающих людей, составляющих сельское общество, лесами, полными ёжиков, пчёл и членистоногих. На заработок от пищевого ремесла на селе он ездил в большие города, путешествовал. Выдающимся музыкантом и любителем попутешествовать по Российской Федерации с ним был его друг Михаил Петрович Абаянец, который ездил по гастролям, сопровождая хоры и квартеты; Михаил Евгеньевич хотел экстаза и приключений в своей любви с женщинами, но вот их беременность он невинно избегал; закрывая глаза он знал эту мимолётность хорошего в жизни, цену лёгкого пути и естество везения, которое становилось экватором явных опасностей для всех в начале нового человеческого времени. Михаил Петрович обожал развлечения с ним в компании, но вот женщин он часто избегал ввиду своей брезгливости ко многим классам людей. Этот мир часто казался двум мужчинам огромным и неизведанным, каждый день принося им новые открытия и новый секс с женщинами. Божественность мужчины щекотала человеческие нервы шляховатых женщин и дам, когда двое мужчин оставляли их свободными от брака. В эти времена люди верили в чудеса и не боялись мечтать о невозможном. Михаил Евгеньевич Обоянец жил выходцем с поселения Новосибирской области на востоке от города. Полноводное стекание рек накрывало сёла, добавляя местным работы, если они не были рабочими местных фабрик; иначе никто свои семьи бы здесь не прокормил, так как лишь фабрики искали человеческие ресурсы для банальнейшего там труда. В этот День Михаил в одиночку прогуливался по маленькой деревушке, на берегу пересекающей деревню речки, где любил отдыхать Михаил Петрович Абаянец, когда был ещё юношей. Щека была мокра капающими

слезами от тихого плача о мёртвом папе в его недрах памяти и о естественной истории этого далёкого места, где часть природного ландшафта навивала ностальгию и делала разум яснее. Воля этого мужчины питала его яркие эмоции от созерцания здесь природы, но вдруг откуда-то из леса раздался крики; Михаил подозревал катастрофу из неизвестного ему в этом лесу места и этично направился изведать источник современного щегольства молодых людей, устраивающих своими криками фокусы и хороводы ужаса среди дикого поля у окраины леса; вдруг у него по телу пошла сыпь и заболел шейный отдел спины, как и на макушке головы теперь господствовала боль. Он был необычным для своего времени — не верил в простые объяснения и искал ответы в звёздах, в шелесте листьев и в журчании воды. В лесу он увидел раненного в живот выстрелом пистолета мужчину, который говорил только по-английски. Звали его Элон.

— Я приехал сюда со своей группой геологов. Помогите найти остальных, они ранены! Они убьют их! — кричал Михаилу Элон в слезах.

— Вам нужно в больницу, — сказал Михаил, — я сам поищу.

— У меня не ловит телефон, — пожаловался англичанин на английском.

Михаилу пришлось на этом месте оставить большую палку и взвалить его на свой хребет, чтобы дотащить до ближайшего медика в местном посёлке. Хромой иногда ковылял сам по жгущей болью твёрдой Земле, шурясь от абстрагированности нерва (от боли) сквозь инстинктивную радость местных банкиров в тёплых домах и проходящих мимо них, которые ходили около этого леса с мечтами о деньгах, дабы им вернули господ сельские щедрые по ипотекам платы и флаги белые здесь не помогают никому, ибо ясно это каждому в Российской Федерации. В поселении все врачи посчитали этого раненного англичанина странным, но Михаил знал: где-то там, за горизонтом, скрывается не только истина, но и нанёсшие ему травму убийцы. Когда он заплатил врачу за первую помощь, он узнал, что лечивший англичанина доктор сам с села Обоянь в России, откуда предположительно произошёл фамильный род самого Михаила Евгеньевича Обоянца. Это село расположено в Тверской области, в Торжокском районе, недалеко от города Торжок. Многие оттуда уезжали в поселения Новосибирска от безысходности или безработицы. Немного времени спустя англичанин поправится и Михаил Евгеньевич, последний раз представил красоту природы смешанных лесов с поющими птицами и белочками, устремившись за его товарищами на Юг этих мест, где царит рык лесных царей в естественной яви дикого мира, где у убийц нет ничего человеческого при целенаправленном шпионаже за людьми; скрывается группа врагов вероятно на южном эпицентре местных лесов, господствуя над географическими полезными феноменами и ресурсами здесь, и группа англичанина явно исследованиями лесной геологии им мешала черпать ресурсы незаконно. Михаил решил твёрдо найти их, планируя с заложниками скрыться в селении, похожем на Обоянь по проекту улиц, так как там лучше климат и медицинские центры есть, а заложена там типичная планировка с центральной улицей. Юг Новосибирска опасен, как в сути небезопасен и сам Юг России. Искал Михаил группу геологов несколько дней, спускаясь в лес с привалами всё глубже. Каждое утро он поднимался на холм, откуда открывался вид на бескрайние просторы, чтобы осматривать дальнейший путь. Он наблюдал за птицами, которые, казалось, знали тайны ветров, за облаками, которые писали на небе загадочные письма. И однажды ему пришла в голову невероятная мысль: «а что, если их уже убили? Но нужно тогда найти тела, я же сам взялся за поиски, а по всем моим обращениям МЧС ничего так и не делает». Дни и ночи напролёт Михаил вёл поиски, изучая попутно местных птиц, их строение, их движения. Куда его ведёт этот путь? Так он набрёл на огромный комплекс неизвестного ему назначения, стоявший глубоко в лесу; Михаил ощутил удушье и шок от навевающихся догадок жатвы и запахов крови здесь, а его ушной центр ощущал вибрации от оборудования в этом здании, которое можно бы было перепутать с мясокомбинатом; связь на его телефоне появилась и он целенаправленно набрал жену, которую хотел ещё разок услышать, но при звонке пошла переадресация и шёпот в трубке мужским голосом сказал ему шёпотом: «Ты ещё нико-

гда не женился. Забыл, да?» Его человеческая суть встрепенулась и задрожала от страха осознания, что им уже манипулируют; его спасал цинизм и жизненные знания от паники на эту выходку неизвестных ему здесь людей, а часы где-то громко тикают и начинает темнеть, — ему открылись вдруг ворота здания и сама по себе открылась дверь входа внутрь; он не стал никуда спешить и в удушении от страха открыл чат на телефоне, надеясь, что ещё не поздно опять попытаться вызвать МЧС, что щадящее отношение к людям этими службами не повод игнора подобных обстоятельств. Михаил отправил в службу на канале telegram сообщение и вошёл внутрь. Он шёл по тёмному коридору с редкими дешёвыми лампочками, оглядывая странные конструкции из металла и дерева, прыгал через ямы в полу, пытаясь кричать людей из пропавшей группы, пытаясь преодолеть пугающую вокруг тишину в темноте. Пока он шёл в коридоре, воняющем мясом и кровью он думал о своей жизни в деревне. Многие смеялись над ним, называли безумцем, но он не сдавался. Вдруг из одного кабинета, среди множества дверей здесь вышел неизвестный ему мужчина: в тюремных лохмотьях, а в руках его был нож и вырезанный их женщины половой орган. Он улыбнулся Михаилу широкой улыбкой и ринулся нанести по нему удар. Михаил бледный от боли всего тела пытался тоже побежать, но не смог — все мышцы от чего сковало. Убийца ударил со всей дури его в затылок и Михаил Евгеньевич отключился в обморок. Когда Михаил очнулся, его тело пробиравал тремор и он был привязан к кровати со старым матрасом; в комнату заходили рабочие, олицетворяя заведомо своим от бедности и тяжбы видом человеческий садизм и жажду бить другую рождённую земную плоть; Михаил бы юркнул на экватор с толпой шаманящих гениев и бесстрашных телохранителей, будь у него сейчас хотя бы свобода от верёвок, которыми его привязали к кровати, но шок забирал у него силы и не позволял его явственному обзору и физической силе даже понять происходящее; были среди садистов в лохмотьях и щеглы, были и взрослые мужчины, которые за пределами этого здания считались хорошими и харизматичными людьми до эйфории своих эмоций, но с каждым ударом скальпелями по плоти Михаила они выдирали из под его кожи нервы без наркоза и являли свой фантом ужаса греха человеческого; от боли Михаил не мог отключиться, так как его ударили в участок головы, отвечающий за сон; чёрная игла царила вокруг его криков, словно это был рёв гиены, но ни один человек не издевается вечно в своей радости чужой боли и Михаил впал в шок через семь часов так и привязанный с ненавистью ко всем людям, а под этим зданием твердь издавала свой плач; где же Господь, когда такое случается?! У этих людей не было цели и не было йода его раны обработать, а вырванный нерв так и болел в нём, как с ним болело само Солнце в гневе на рабочих, что посчитали это своим развлечением очередной раз убийства; молодцы эти ребятки, цепляйте практику крепче. Апокалипсис правления овощей-садистов, вырывающих нервы из плоти воцарился и в городах за стенами этого здания, фанатично рабочие от боли вырывали из рук и ног нервы своих жён, а те травмированные могли лишь им позволять над собой такое господство в тяжбе шока и от боли потери возможности ходит и личностной дезориентации. Рабочим всё можно в России. (В реальной жизни это избиения, а в прямом контексте описанное очень редко происходило). Это произошло за несколько дней. Михаил отвязался от кровати и хотел пить, едва сдерживая истерику своего рассудка от пронзающей боли выдрванного нерва из правой руки и левой ноги. Он волочил ногу и даже уже не думал обороняться, так как эта боль только вызывала у него чувство невозможности жить и жажду умереть. Он вышел из здания и медленно поковылял по лесу, но уже достаточно далеко от здания он снова упал от боли без чувств, а тело его тряслось в нервных судорогах. В городах экстрасенсы, целители в городах тоже стали мутировавшими чудищами, но любили выдирать нервы из половых органов людей, оставшихся людьми, что обычно было смертельно, но их жертвы лишались рассудка моментально. Однако все они остались человеческим подвидом. Чудовищ люди из своих сделали сами, когда наркоманам полиция стала попускать драть кору головного мозга выбранных ими жертв среди других семей от наркотической ломки, изображая целителей и мифических чудовищ в состояниях ломки.

В условиях зависимости и отсутствия своих наркотиков они мутировали все и стали драть от своей боли нервы из тел людей руками и специальными хоботами у себя на затылке, которые выросли на их телах по воле самой природы. Однако мутировавшие так и назывались у обычных людей. Они стали жить в отдельных зданиях и только выходили охотиться. Эти ставшие чудищами люди иногда вынужденно оставляли города и охотились из леса на поселенцев. Всем убитым выдирали нервы и иногда головной мозг с половыми органами. Все эти события стали началом новых изменений мира, которые сами люди сотворили себе. Он ещё бился в лесу в конвульсиях, и никто не помог бы ничем, даже найди его кто-то сейчас. Высшее во что людей верят не помогло бы ему, так как всё это не существует в жестокой реальности, как не существует сам результат садизма, а лишь получается устрашение каннибализмом; школьник доводил дома женщину до суицида, так как его папочка миллиардер — он приходил к ней домой и бил по голове железной палкой, и женщина лишь боялась потерять работу, терпя издевательство в собственном доме, но потом у тирана началось слабоумие и миг его наслаждения стал явлю страшнейшего проклятья в потере церебральной системой вообще этой возможности, так как она не рассчитана на каннибализм и в этом случае часто отказывает; он не мог любить вообще с рождения и тоже мутировал в чудище; мальчик выдрал женщине заживо половые органы и начал их есть от онемения. Дальше я применю метафорически слово черносотенный. В политическом лексиконе термин «черносотенный» стал синонимом крайне реакционных, антисемитских и шовинистических взглядов. В левых кругах это слово приобрело дополнительное значение, обозначая погромщиков и реакционеров. У Михаила наконец прекратились конвульсии, и он очнулся изменённым человеком в этой фантастической эпопее естественности и яви, а южные ёлки вились вокруг него и его черносотенный и даже истерический настрой юлил от мрачности и гнева к этому тёмному будущему. Что же будет дальше? Линия его ходьбы выпрямилась, а травма от рук людей в том здании зажила; он не знал ни почему, ни сколько пролежал в этом лесу, а пить он хотел агониальным желанием; дошёл он к деревеньке в смятении, а там женщины перед телеобъективами бегают — трупы убитых на деньги господ снимают для телевидения, словно школьницы, с целью понравиться им; мытарствующих от них отогнали в сторону, чтобы шептались поодаль от сентиментальных репортажей творящих видео актрис; моментами ему было интересно это наблюдать, но его целью было попросить у местных воды; ресурсов и денег у него не было с собой и, если бы при просьбе ему хоть воды дали, — ужас был в том, что вода платная и северяне отказали ему без денег в снабжении. С работой здесь в деревушке тоже было туго. Предложил он какой-то старушке помочь за воду по хозяйству, но та его побрезговала из леса и послала ещё дальше, чем место, откуда он сюда пришёл. Ему пришлось спросить где ближайший водоём и после часа пути там он и напился. Он осознал, что в город уже не вернуться, испачкавшись в лесу. Очень люди агрессивные стали. Что с ними?

— Очень прошу Вас, подскажите как мне дойти до шоссе в этом странном месте, я честно не бомж, — спросил он идущую по дороге из деревни женщину.

Её платье с надписью «Дерись и побеждай» было спортивным и сидело на ней привлекательно. Однако она даже не ответила ему, просто проигнорировав. Крылья птиц, парящих в небе, словно оглушали его, как будто его ударяли тонкими прутьями в темя, но он держался, как полноправная часть природы и сам нашёл шоссе, продолжая путь вдоль него. Легонько продолжая шаги он разглядывал проезжающие по шоссе автомобили и вспоминал как когда-то сам учился в школе и любил писать истории о целеустремлённости человечества, о пути и ужасе женской участи в любви при естестве их наивности и шаловливости, потому что каждая — это леди с дьявольским сердцем, полным ненависти к Богу и храму именно мужскому, где, надеюсь, царит гнев на дьявольскую суть в сражении Христовом, которого, увы, на самом деле нет. А что это? Это вопрос природы. Шовинизм и феминизм, где писккой каждый являет себя Богом другому независимо от его пола и веры. В жизни всё элементарно. Женщина хочет

доминировать в сексе и мужчина тоже, вот и дьявол с богом появляются в психушках даже иногда. Он от всего этого сейчас был далёк, так как пережил удаление нерва из конечностей без наркоза заживо. Ему ничего уже вокруг даже не казалось... он только шёл вперёд, опьянённый пониманием, что никому не нужен. Так он топал словно слабая ярка по полю вдоль шоссе, одержимый хотением оказаться в Йоркшере, в Афинах, но не около дорожного пути без воды. Он вообще не знал, что дальше делать, и все-таки шел вперёд. Шелест деревьев и жара как на экваторе мучили его с каждым шагом к экрану времени, который от былых ран навивал ему злые грёзы о любви и мести в недрах его «я»; (на дороге действительно могут быть установлены монументы (кенотафы) около шоссе. Это распространенное явление в России и других странах) он достиг какой-то монумент, совершенно не знакомый ему; от парадоксальности тут нахождения монумента (кенотафа) его голову забили скорее юридические моменты такого явления, чем метафизические или религиозные, и он шёпотом проматерился и зевнул; если путь и продолжать, то лишь бы дальше ещё ужасов до радости бесью не встретилось, а то будет и мафия дальше с приглашением и радушным приёмом последний в жизни раз. Иносказательность обстановки щемила ему душу в момент перехода через магистраль уже к городу, при том, что он ершился от проезжающих мимо Лад, пахнувших хуже дьявольских выделений и фекалий в дикости человеческой природы, а вежливостью вся эта история не пахнет и подавно, если уже не лицемерить о давлении общества в Российской Федерации на людей с большими жизненными проблемами и вопросами; а в городе он первым видел рекламный дорожный баннер «Альфа-Катки по всей стране и КЭШБЭК 50% от Альфа-Банка» и ему поплохело до потери жизни, иступившееся его восприятие от созерцания агрессивной рекламы невольно отключилось и он упал в шоке в обморок опять, не дойдя до первого городского дома даже; любой юморист бы ему не посочувствовал от естественной на такой кошмар человеческой реакции во снах наивных людишек, но реального мира, где солнце не только благо, но и палящий гневный монстр, что, как дьявол, может подпалить и «я» у человека, и с юмором покончить моментально. Такт естества человеческой обыденности шёл своим чередом. Бред так ясно освещал человеческие умы, что никто не мог и не хотел опомниться в азарте социальной игры всем обществом. Это город... и хорошо, что он упал без чувств именно в городе. Ему не вызвали только так больницу, так как все подумали, что он бомж без денег. Никто его ссадины и йодом не смазал: «Пусть хоть так умрёт» — сказали люди. Обруч времени крутился вокруг него, навивая воспоминания о жизни в деревушке и вот... Он проснулся и всё ещё измученный хотел пить с выданными монстрами нервами. Он опомнился, положил кусок картона с помойки и напрошайничал на улице на стакан воды. Вдруг он, напившись наконец воды, весь окровавленный услышал разговор парня и девушки:

— Но у тебя со мной секс был! Теперь ты дура ебанутая! Вы бабы дуры! Все вы дуры!

Девушка заревела от оскорбления, но что ему ответить нас это не нашлась. Парень жениться явно не планировал и сказал это ей просто отшить. В голову Михаила Евгеньевича Обоянца ударила злоба от охренения этого парня. Он метнулся к нему и взял его одной рукой за горло, сжимая ему кадык. Тот разревелся, и Михаил в презрении отшвырнул его от себя, промолчав вообще. Парень убежал, думая, что Михаил убийца.

— Ты кто? — удивилась девушка его поступку. В её мыслях уже была картина их любви, но Михаил ей сказал на вопрос только:

— Ты дура ебанутая, — и пошёл от неё дальше. Она его бесила ещё больше, чем её парень.

Это «ты» у общества щемило его мягкое человеческое сердце и в такие моменты, он был мужчиной, одержимым собственной невинностью перед бабами и просто злыми щенками, что ненавидели жёсткие факты с фанатичной настороженностью. «Дура ебанутая» в этом городе звучало голосами людей на каждом углу, у каждого забора и туалета, особенно общественного.

Он подошёл к хоккейному стадиону, но на билеты и аренду коньков у него не было денег и, всё что он мог сделать, это идти дальше.

Он набрёл, ощутив, что хромота от выдранного из ноги нерва стала проходить, но ощутить ногу как прежде он не мог, на ругающих своих знакомых женщин мужиков:

— Таки Я больше ничему не буду учиться у этой дуры. Уже который год эта препод со мной занимается и всё без толку. Её Аня, кстати, звать.

Его товарищ не верит в эту хрень:

— Ты сам не учишь ничего.

— А зачем мне учиться? Я итак богат.

Михаил Евгеньевич Обоянец мог слушать повтор стандартного диалога людей об учёбе и богатстве много часов, но он уже знал, что дальше они скажут: учатся только дебилы в краткости, — но он учёл, что у него слабость рефлекса от потери нервов, когда их выдрали монстры в том здании, откуда он сюда добрался. На самом деле у людей остаётся восемь основных действий: испражнение (покакать, отлить), поговорить (одному или с кем-то), ходьба (движение), когда люди смотрят, то они неизбежно осматривая не делают ничего, поэтому ещё смотреть (ничего не делать ещё слушая и нюхая — это одновременно всегда на практике), сон (у кого-то наркота аналогом сна), действия руками (миллион названий, суть одна), разрушение (включая убийство, гадить, чтобы что-то делать дальше из разрушенного, включая охоту и любые виды добычи, производства из разрушенного), секс (спаривание, чтобы размножиться), кушают ещё и пьют (потребление съедобного) — он мечтал бы сделать всё это разом, если выживет, но о смерти даже в его положении он и не думал. Эмансипации отголоском человеческой мечты давили ему грудь, но он шёл по городу дальше, вдоль провонявших бензином автомобильных дорог. Его мучения от голода уже два дня пешего пути в поисках помощи по этому городу звезда на орбите оценила подвигом, которого достоин монумент, но этот момент человеческой жизни никто никогда не оценит. Магистр социальных наук сказал бы, что люди просто не умеют ценить друг друга, так как экономически выгодней неоценённый никем раб с большими способностями. Маг сказал бы ему в этом пути, что все его мечты завтра станут явью, но моментально он оставлял позади все свои грёзы, топая дальше шаг за шагом. Мрак впереди наступал ночами его шагов, а он как мразь всё не умирает. Монстр в нём в один из дней взял верх, и он убил кирпичом мутировавшего человека, который выдирает нерв спинного мозга у какой-то старушки, чтобы удовлетворить свою нужду в соках её старенькой плоти. Мир изменился, и эти монстры здесь доминировали относительно каждого социального класса людей, имея обособленный социальный статус. Мокро становилось от дождя, а Михаил из-за убийства был вынужден из города уходить, что он и сделал, проходя вдоль междугороднего шоссе. Математический склад ума не давал ему сгинути в этом пути: он пил даже из луж и ел даже с кустов, лишь бы не было много там инфекции и бензина.

Солнце беспощадно решило наказать этим мужчиной человечество и в один из дней своих шагов, когда он уже от голода был готов умирать, он поел с куста, и наелся, а попив из реки — напился. Он теперь нуждался только в одежде, обуви и квартире, но спать он уже и на траве умел. Зачем ему квартира? В один из дней путешествия вдоль шоссе, он увидел бежавшую из города девушку. Они познакомились, и она пошла с ним, так как бежала от убийц, которым городские власти неофициально разрешили её устранение для собственных нужд. Два дня с ним, и она привыкла к нему и его частому молчанию. Только изредка он спрашивал у неё куда она хочет поворачивать в процессе этого пути. Античная её одежда и знатный вид со стройной талией целиком сломили его выдержку в один из дней, и они переспали на траве. В Жизни Михаила, проходящей вдоль дорог и шоссе, Экономического Смысла и экологии, естественным образом, не было настолько, что злобный ёж представляется невольно в облици человека, проткнутого в спину тысячами копий (только не копий документов, паспорта. Копьями, копьё). А как ему без глюков? Представить глюк от скуки он не мог сдержаться

хоть на миг. (В следующем предложении я использую сложное географическое прилагательное Йеменский — это прилагательное, которое относится к Йемену, стране на юге Аравийского полуострова. Законное наказание в Йемене. В расчете на душу населения Йемен имеет один из самых высоких показателей приведения смертных приговоров в исполнение в мире. Смертная казнь обычно приводится в исполнение путем расстрела, и казни иногда проводятся публично.) Идет он по дороге и представляет себе молча эти глюкнутые фантомы, как в беседе на «ты», и, если бы хоть лишку хлопотал он в этом пути, но его щемящее сердце теперь фантазировало лишь о цели расплаты с людьми, как в процессе Йеменской казни фанатиками или тамошним правлением. К чему он так думал? К заработку. Когда герой твёрдо решает о мести, на казни все, как и в Йемене, может актуализироваться в значительной степени жизненности вопроса и благости цели самого, щемящего раненное сердце героя, возмездия. Шлепки его ног и девушки с ним раздавались по мокрой почве после дождя у дороги к очередному городу Российской Федерации, а цель его разъяряла его хотение геройское; словно царь он вёл женщину в малоизвестный ерундовый город, что так напоминал издавна отложения яхонта на горной породе, и при ничтожности, был зверски велик и украшен небоскрёбами, являя путникам радуго южного яркого благочестия; до города оказалось не просто пройти — до проходного пункта нужно пройти в гору пешими. Банкоматы на проходной в город заполнили всё и будто истребили отцов и царей — только алчностью денег веяло здесь. В отдалении от пункта Михаил лишь рад был пути до этого шокирующего органы чувств места. В Москве эхо эпицентра человеческого ужаса, щемящего хлопотами аскетов и скептиков (остальные шизофреники, биполярные и т.д.) в звонкой пляске семей в вечной любви и ясности женского очарования, а часы города словно его афиша, олицетворяют целое королевство, современные классы бояр в щегольстве олухов и лохов, но в прямой выправке спин и дарующих радости в целеустремлении к успеху и победе. (Примечание автора: в следующем предложении я использую слово юстиция. Уточню значение слова: Юстиция — это комплексная система, объединяющая законодательство, правонарушения и судопроизводство. Термин происходит от латинского слова *justitia*, что означает «справедливость, законность»). Начали Михаил с женщиной по имени Полина по дороге уже в чертах столичных окраин свой благородный путь в воняющих почти кровью йеменских смертников лохмотьях, и мягкой поступью по треснутым пешеходным путям, вдоль проложенных строителями улиц, Михаил дьяволом смеялся над ситуацией самой московской юстиции. Только выкинет тебя раненым из стада и больше не вернуться никогда. Они пытались даже просто заговорить с прохожими на счёт жилья, а люди стали выдавать фантастические новые слова в их адрес криками на всю улицу Днепра (Днепропетровская (в районе Царицыно, Южный административный округ)), так что ночевали они тут под мостами и в парках естественного назначения; Орнамент радужных фантазий аргументировал радушие горожан в их искреннем добре и творчестве Москвы; шептали в цепи грёз мошенники о фанатизме и мечтах, но всем любви и эго для господства в этих снах. Новые подвиги Михаила и Полины впереди, а в стране инфляция и повышение ставки рефинансирования ЦБ России. Пятитысячные купюры летают по Москве и вот он — новый день РФ.

Миллиардеры (или большие владельцы капитала) — это всегда в социуме формальные единицы хранения денежных масс. Им просто определённые круги дают эту власть миллиардера, как бы выбирая его лидером потребительской пирамиды или линии (тенденции). Потребление неизбежно составляет человеческое стадо, иначе теряет смысл сама экономика ввиду простого факта, что в одиночку миллиардер не сохраняет в конкуренции групп индивидов свой капитал. Могут быть исключения, но в этом случае миллиардер косвенно вынужден снабжать разные обратившиеся к нему стаи. Всё равно он при самостоятельности и своей власти кормит стаю. Это ещё и биологический закон как по Дарвину.

Потребительская пирамида — это группы индивидов в составе экономике социума любой формы административного управления. Люди ввиду их генетического уклада неиз-

бежно группируются пирамидами, где низший слой не преодолевает выживание и умирает жертвой. По крайней мере так сейчас. Идея коммунизма лечит этот дефект и способствует развитию верха от опыта нижних сильнейших. Середину (средний класс потребления) смена административного уклада не должна трогать вообще. Далее смотрите пирамиды по социологии.

Потребительская линия (тенденция) — этот тип социального формирования групп подразумевает объединения в форме равенства при схожем потреблении. Точно также содержит указанные выше уровни от большего потребления с возможностями добычи к самому низшему, но при снижении потребления человек формирует независимость или замещение потребления, отдаляясь от труппы индивидов.

Таким образом, капитал миллиардеров всегда является необоснованным, если не структурирован в передачу деятельных индивидов в указанных направлениях, как и капитал самих индивидов. Миллиардер формально (миллионер) — это точка сбора капитала, как и само государство при отсутствии спонсирования потребления теряет свой смысл в вопросах управления страной. Начинается тирания во имя поклонения власти, так как индивиды пополняют низшие слои социума от бедности и начинают умирать в отсутствии возможностей выживания.

И что всё это было? А это, ребята, тоже в основе Москва. Москва творит свои купюры, ну а они творят Москву. Михаил взял с Полиной паузу, но всё равно нужно двигаться дальше по столице. Они одни в Москве среди толпы, что безразлична к ним — всем до звезды. Москве потребуется длительный период жёсткой денежно кредитной политики, а то купюры будут, но в итоге нет самой Москвы.

В пути время иногда тянулось, а иногда летело быстро. Наши герои попрошайничали в переходах и изредка покупали поесть, но продолжали путь из города пешком. (Примечание автора: Епанча (также встречается название «япанча», «япончица») — это старинная верхняя одежда) Московское царство при вере во Христа загоралось гордыней и корыстью местной еретической злости, словно это времена Йемена наступают здесь; разная природа, разные народы, да и Москва меньше Йемена, а суть убийства неизменна; в переводе взгляда злого гуляли Михаил с Полиной и точили лясы холодно и сурово о делах жителей здесь, о католических хорах, где в антрактах отдыхает тварь и недоступна никому епанча; зоркий глаз Михаила обнаружил толпу мутировавших, что вырывали нервы из тела какого-то мужчины; несчастный кричал о помощи, но всем было страшно, кроме самих голодных монстров, что под предводительством мутировавшего когда-то флотоводца (Примечание автора: Флотоводец — это морской военачальник, командующий военно-морскими силами или флотом) охотились на оставшихся людьми; Михаил и Полина шепетильно отходили за поворот, чтобы как йеменские солдаты, не вступать с ними в бой. (Примечание автора: Чужанин — это народнопоэтическое и просторечное обозначение чужого человека, незнакомца) Чужане ушли от хитрых исчадий Ада с грязнеющими лохмотьями на себе, будучи в шоке от увиденного мрака и жатвы толпой мутировавших фантомов на неизвестного им человека, а было их там четверо; они держали пеший ход к Южному выходу из столицы, так как путь их Адов был Ясен, но им Ненавистен в их естестве человеческом. (Примечание автора: Еврейские поселения и места религиозного культа исторически концентрировались в центральных и прилегающих районах Москвы, а не в южной части города) Древнееврейского творчества не осталось, да и не было, в этих местах юга Москвы, потому что известная Синагога на Большой Бронной располагалась в центре города, а им хорошо от испитой воды из автомата; ёлками украшен был выход из города по шоссе и Полина с Михаилом шли по тропе хоровода трупов, что разили расправой евреям с любовью к своему будущему, являя умам путников мрак своего гнева, но Михаил собрал отломленные ветви и сделал факел к ночи, купив в киосках много зажигалок и на заправке розжиг; теперь они напрошайничали и у них были хотя бы небольшие запасы денег на дальнейший путь по

РФ; уже в лесу Михаил использовал купленные клочки бумаги и разжёг костёр, но факел он сберёг; Полина сидела у костра пока не уснула в глубокой ночи.

— Полина, это твой сон, — прошептал Михаил своей спящей спутнице и уснул уже к утру.

Имя Полины ласкало его слух, как и её ночью сопение. Йодоформ (трийодметан) — это органическое соединение йода с химической формулой $C_10H_9I_3$, представляющее собой жёлтые кристаллы с характерным сильным запахом. Завтра здесь, вне столицы, он будет использовать добытый в столице Йодоформ, что является известным антисептиком, имея в рюкзаке, купленном на подати столичных, эфир, спирт и хлороформ в тюбиках, — всё это он купил в столице легко (Примечание: Йодоформ практически нерастворим в воде и является антисептиком. Не путать с Йодом); Йод у него в запасе они часто использовали для обработки ссадин, если йодоформ не использовали в виде присыпки к повязкам на ранения от падений и неудач пешей ходьбы; в один из дней пешего путешествия до первой деревни они смогли поймать Газель и в конце поездки до деревни порядочно с водителем рассчитались на часть сбережённых денег; (Примечание автора: Заправила — это разговорное существительное, обозначающее человека, который играет в чём-либо ведущую роль) деревенский Заправила Узнал о них до их пришествия сюда, а Михаилу Становилось жутко от его спокойствия; (Примечание автора: Амфора — это древний керамический сосуд с характерной формой, предназначенный для хранения и транспортировки различных жидкостей и сыпучих продуктов) Заправила подарил Михаилу в честь их визита свою амфору в дальнейший им путь, убедив их здесь не оставаться надолго; (Примечание автора: Ячея — это устаревшее специальное название для углубления или отверстия, обычно входящего в повторяющуюся структуру подобных элементов. Является синонимом слова ячейка) новая ячея в этой деревушке радовала Полину с Михаилом комфортом и удобством, представляя собой чистый и уютный пустой коттедж, который заправила не мог сдать в аренду, разрешив им тут пожить; (Примечание автора: Типология — это Использование обобщенных, идеализированных моделей) это Типология деревень юга Подмоскovie — Крупные населенные пункты с развитой инфраструктурой (Центральные усадьбы); у Женщин Тут Рождаемость высокая до недовольства ими другими региональными поселениями, что означает их успех в жизни здесь.

В виде присыпки:

Нанести тонким слоем на пораженный участок;

Захватить здоровую ткань на 2—3 см вокруг раны;

Процедуру повторять по показаниям врача.

Любовь Полины и Михаила Евгеньевича Обоянца расцветала в этой деревеньке Подмоскovie. Божия любовь оберегала их жизни.

Абаша — город в западной части Грузии, административный центр Абашского муниципалитета в регионе Самегрело-Верхняя Сванетия. Разжившись работой и заработком Михаил смог купить за наличку от пищевого производства свой собственный коттедж в этой же деревеньке; они с Полиной поехали в Абашу отдыхать и посмотреть город. С 1964 года Абаша населённая преимущественно грузинами была признана городом. И высота над уровнем моря здесь 23 метра навивала Михаилу светлые впечатления от местной природы и погоды. Абашка — это термин, обозначающий жителя или уроженку города Абаша. Полина неплохо ладила с абашками все их дни отдыха здесь. Между извилистыми реками Абаша и Ногела раскинулись бескрайние просторы, где природа создала свой неповторимый мир. Здесь, в объятиях мягкого климата Самегрело, царствует удивительная гармония земли и воды.

Широкие долины, окаймленные зелеными берегами, пестрят разноцветьем полей. Весной здесь расцветают нежные первоцветы, а летом колышутся под ветром золотистые хлеба. Вдоль берегов рек тянутся густые заросли камыша, где находят приют многочисленные пернатые.

Реки, словно две серебряные ленты, извиваются между холмами, питая своими водами плодородные земли. Их воды, то спокойные и зеркально-гладкие, то бурлящие на перекатах, создают неповторимую симфонию природы. В их глубинах плещутся рыбы, а на поверхности играют солнечные блики.

Воздух здесь особенный — свежий, напоенный ароматами цветущих садов и спелых фруктов. Вдоль дорог раскинулись фруктовые сады, где весной яблоневые и грушевые деревья утопают в бело-розовом цвету.

Местные леса, хоть и не слишком обширные, хранят свою таинственную красоту. Здесь можно встретить вековые деревья, чьи стволы увиты плющом, а кроны создают причудливые узоры на фоне голубого неба. В лесу царит особая атмосфера — шелест листьев, пение птиц и далекий шум воды создают неповторимую симфонию природы.

Поля, словно лоскутное одеяло, раскинулись между холмами. Здесь выращивают богатый урожай, который кормит местных жителей. В сезон сбора урожая воздух наполняется ароматом спелых колосьев и свежестью земли.

Эта земля, благословенная реками, дарит своим обитателям изобилие и красоту, сохраняя в себе величие природы и мудрость веков. (Примечание автора: Описание взято с опубликованных путешественниками данных).

Уменьшительные движения — это особая манера движений, характеризующаяся:

Мягкостью и плавностью исполнения

Небольшими амплитудами действий

Ласковым характером проявления

Особым эмоциональным окрасом

(Примечание автора: Уменьшительные — уменьшающие что-либо) Рассвет в Абаше окрасил небо в тревожные тона. Первые лучи солнца едва пробивались сквозь пелену тумана, когда Михаил и Полина оказались в ловушке. Они появились внезапно — люди-монстры (мутировавшие, что вырывают нервы из плоти), их глаза горели неестественным огнём желания причинять боль. Уменьшительные движения их рук выдавали звериную ловкость, а в воздухе повисла тяжёлая вонь разложения от крови на их одежде. Михаил, сжимая в руках нож (до 10 см), первым вступил в бой. Его движения были точны и расчётливы. Полина, вооружённая охотничьим ножом (более 10 см), прикрывала тыл. Монстры наступали, их окровавленные чужой кровью руки тянулись к жертвам. Один из них, самый крупный, бросился на Полину. Она увернулась в последний момент, но почувствовала, как что-то холодное скользнуло по плечу. Михаил зарезал троих, пользуясь ранее нанесённым такими же в лесном неизвестном ему здании ранами, которые они боялись даже тронуть. Полина, используя момент, метнулась к ближайшему врагу, её скальпель блеснул в лучах рассвета.

Битва становилась всё яростнее. Мутировавшие, пытаясь сломить их унижительными обзывательствами, пытались оглушить их, чтобы выдрать нервы из тел и полакомиться их соками. Их пальцы, словно клещи, тянулись к нервным узлам на шее.

— Держись! — крикнул Михаил, бросая Полине спрей с серной кислотой.

Она поймала его на лету, отразив атаку очередного монстра. В этот момент солнце окончательно взошло, заливая поле боя золотистым светом. Только мутировавшие не боялись свет, так как тоже имели его благословение в своём проклятье.

Монстры начали отступать, когда их осталось четверо: их движения становились всё более хаотичными. Михаил и Полина, объединив усилия, нанесли решающий удар. Серная кислота и острые удары ножами завершили бой.

Тишина опустилась на поле битвы. Раннее утро в Абаше вновь стало спокойным. Михаил и Полина, тяжело дыша, осматривали последствия схватки. Их победа над каннибалами только начиналась, но этот бой они выиграли.

— Они, наверное, сегодня многих убили, — прошептала Полина, глядя на исчезающие в тумане силуэты поверженных монстров.

Михаил кивнул. Впереди их ждали новые испытания, но они были готовы к ним.

(Примечание автора: Евхаристия (от древнегреческого *εὐχαριστία* — «благодарение, благодарность»; Юдофоб — это человек, испытывающий неприязнь или ненависть к евреям и всему, что связано с еврейской культурой) — одно из центральных таинств христианской церкви, в ходе которого происходит освящение хлеба и вина и их последующее приобщение верующими) Селение радовалось их возвращению домой из Грузии, наполненное реализацией мер экологичности и сельского щебета пташек в ежегодном порядке их пения; Михаил регулярно у своих знакомых фармацевтов пополнял запасы Йодоформа, чтобы обрабатывать полученные в результате сельского труда раны; недалеко отстроенные храмы проводили евхаристию по церковному укладу так юрко, что на всю округу веяло любовью Христовой и чистотой священного в прелюдии храмового торжества; Йод Михаил тоже прикупал коробками, потому он тоже был полезен при ссадинах, продолжая нелёгкий деревенский труд; вечерами он брал емкость и разводил Йодоформ в полезный раствор высокого качества, но иногда его сердце щемило желание суицида; желание суицида принятым ядом вызывал у него юдофоб, ненавидевший христианство, и его сердце щемили формы различного желания убийств во имя его счастья за счёт смерти совершившего суицид. Михаил не ведал своего врага.

В один из дней юдофоб распылил яд у их дома и Полина, надышавшись, умерла от сердечного приступа, а сам Михаил в этот момент работал на селе. Он вернулся домой и увидел умершую жену, которая не успела родить его ребёнка. Юдофоб продолжал мучиться от жажды смертей во имя своего счастья всё равно; такие люди не насытятся смертями, если они не пошли на реальные при ненависти действия. Михаил вызвал скорую, нотариуса, и просто лил слёзы сильного горя. Полина для него была всем. Юдофоб же переборщил. Оставь он мысли о дальнейших попытках убийства, Михаил бы о нём и не узнал. Но он ночью, когда Михаил плакал, а скорая уже увезла жену в морг, снова распылил яд в его дом. Михаил закашлял и упал, но утром он очнулся и осознал, что его просто тоже пытались убить. Но кто? Он не ведал и даже искать не пошёл, а юдофоб был уверен в успехе. Но дни шли дальше, будучи более жестокими к человеческому горю, чем самые беспощадные убийцы. Михаил продолжал работать. Копил деньги и жил теперь один. Если бы этого поступка не было, Полина была бы уже матерью его первого ребёнка. Михаил не выдержал и воззвал к священному имени своего врага. Солнце убило в ту же ночь юдофоба смертью от сердца, но без яда вообще. Михаил его так и не узнал, как и его имени по звуку.

Село это ещё не знало выдирающих нервы из плоти людей новых мутировавших, что когда-то были людьми. Такие монстры не были редкостью уже к этим временам. На въезде в село возвышался старый деревянный шлагбаум, поскрипывавший от каждого порыва ветра и давно уже ставший символом деревенской неторопливости и простоты; местные, как обычно, ерзали по селу, пытаясь заработать денег, но яснее некуда то, что жизнь тут кипела громом и молнией, разрушая старое в бытии эпоса великой шалости людей, юлящих и хвалящих свои фамилии, что творили их жизни и веру в Богов; щель бытия, тем не менее, была теперь открыта, освещая новые тенденции свежим юмором стихии на земле. Капитальный ремонт однушки в текущем году обошёлся уже в 1,6 млн рублей Михаилу — это на 10% больше, чем в годы его жизни на прежнем селе. Это увеличивало не только количество смертей от отсутствия денег, но и число убийств людей людьми, исключая при этом мутировавших, что убивали вообще каждый день. Саких же мутировавших обычный человек остановить не мог — у них людей превосходила даже регенерация. Михаил убивал их в разы легче, чем смог бы другой человек. Иногда он специально ездил в города, искал их и беспощадно убивал по шесть и более бывших человек. И это было законно, так как государство их просто боялось, не считая тех мутировавших, что защитили свои позиции в структурах самого государства. Они считались полноправ-

ными людьми, но их убийство разрешалось формально, с учётом факта, что обычные люди не могли им ничего противопоставить.

Михаил никогда не думал, что столкнётся с подобным кошмаром. Были мгновения, когда он сомневался в реальности происходящего, но боль и ужас в глазах жертв говорили сами за себя. Он не раз в лесу видел умирающих от голода женщин и мужчин, которых заживо доедали животные и насекомые. Тёмные фигуры появились словно из ниоткуда. Их глаза светились неестественной жадой крови другого человека, а красивые человеческие пальцы оканчивались остриженными ногтями, потому что они пользовались кастетами и скальпелями, а мозг их излучал режущий кожу шум вообще по их усилию. И это не Сатана создал их. Это планета в гнев усилила их человеческий век (век — это песнь планеты, как время). Она пела ими, и сама убивала им жертву, если у них нет оружия. Монстры двигались с пугающей грацией, их тела изгибались в невозможных позах.

Михаил успел заметить, как один из мутантов схватил человека. Тот кричал всего секунду, прежде чем мутировавший былой человеком вцепился в его череп своими жуткими руками и начал выкрикивать скрипящий звук, от которого череп жертвы сам раскололся. Были слышны отвратительные хлюпающие звуки, когда монстр начал извлекать нервные волокна. Сжав в руках нож (до 10 см), Михаил бросился в атаку. Первый же удар попал в цель, заставив мутанта замереть. Но остальные уже обернулись на звук его крика. При этом Михаил был устойчив к их крикам и звучанию в природе, а потому лишь не смог ударить. Их глаза горели жадой убийства. Бой превратился в смертельный танец. Михаил уворачивался от нацеленных на него скальпелей, бил ножом (до 10 см), но монстров было слишком много. Они нападали со всех сторон, их движения становились всё быстрее и точнее. Внезапно один из мутантов прыгнул. Михаил успел заметить, как блеснул его скальпель, нацеленный прямо в висок. Время будто замедлилось. Были мгновения, когда он понял — это конец. Но что-то внутри него восстало против этой мысли. С яростным криком Михаил встретил противника ударом. Нож (до 10 см) вошёл точно между глаз мутанта, и тот отлетел, корчась в судорогах. Победа далась дорогой ценой. Михаил стоял, тяжело дыша, среди тел поверженных монстров. Его руки дрожали, но он знал — это ещё не конец. Эти твари вернутся, и в следующий раз их будет больше.

(Примечание автора: Ятаган — это холодное оружие с характерным клинком, сочетающее в себе свойства рубящего, режущего и колющего оружия) Михаил гордился ятаганом, который глава на селе ему подарил с большой любовью и уважением, в связи с чем характерны были и события всеобщего уважения к Михаилу здесь. Для него это было важно. (Примечание автора: Завязить — это разговорный глагол, означающий погрузить или воткнуть что-либо во что-то вязкое или тесное, дав при этом увязнуть) Михаил уже работал на пищевом производстве с конвейерами, как технолог. Во время проверки производственной линии он заметил, что конвейерная лента начала завязить в вязком продукте, из-за чего процесс упаковки полуфабрикатов серьёзно замедлился; главным решением была регулярная чистка конвейера от остатков продукта в перерывах от производства; Господствующие человеческие паразиты жаждали глумиться над ужасом окружающей среды, часто умирая от рук мутировавших, которые этим несли пользу человечеству, от коего были зависимы в своей охоте. Паразитирующие начали нападения группами на священнослужителей и те тоже защищаться при их удаче организованности не могли. Иногда случалось, что священник не умер, так как на паразитирующих шла группа мутировавших, и, насытившись ими, мутантам священник уже нужен был лишь в церкви. Этот миг жатвы, конечно, напугал священника, что узрел мутантов жуткими демонами с дьявольским шёпотом, несущим ужас иллюзии и крах любви во тьму, уверовав только геенну огненную с Адом; щелчок от потолка услышал дома лежебока-Михаил в преддверии человеческого фанатизма. Священник по имени Аввакум стучал в его двери, и он ему открыл.

Аввакум с порога прокричал:

— Открой-ка дверь, добрый человек! По нужде духовной пришел.

Михаил открывает дверь.

— Проходите, батюшка, добро пожаловать!

Аввакум уважительно продолжил:

— Благословляю тебя, сын мой. Видишь, какая беда пришла к нам... Стали паразиты-бесы множиться, что греховодники теперь открыто рабыней именуют народ Божий! Терпеть больше нельзя! Доколе будем молчать?

— Что же вы предлагаете, отец- Аввакум?

Аввакум ответил ему:

— Нужно защищать храм Господень и веру православную от всякой скверны! Люди-то ведь слабее стали духом, боятся противостать... Надо поднимать голос за правду, показать пример остальным христианам. Собери народ праведный вокруг себя да Расскажи, как Господь велит поступать.

— Но ведь власти могут наказать...

Аввакум возмутился:

— Истину говорить бояться?! Тогда зачем мы крестились? Если каждый станет себе потворствовать, то скоро и вовсе вера наша погибнет! Вспомним святых мучеников, кровь свою проливших ради веры истинной. Мы должны последовать их примеру, не отступив перед лицом гонений.

— А как начать борьбу?

Аввакум покорно произнёс:

— Начнем молитвой и словом истины. Обличим зло словами прямыми и ясными, покажем людям пути спасения и защиты церкви. Кто пойдет со мной вперед, тот получит помощь Господа нашего Иисуса Христа.

— Хорошо, отец, я вас поддержу. Подниму слово свое и скажу правду народу нашему.

Аввакум завершил разговор и откланялся:

— Вот так бы каждый верующий поступил! Вместе одолеем злодеев, укрепимся в вере и защитим святыни наши от поругания. Спаси господи!

Фанатиком религии Михаил Евгеньевич не был, так как ещё будучи юношей постоянно видел смерти верующих от экзорцизма и еретичества, даже в сельской школе при монастыре, когда ещё были живы его родители; это лицемерие было для него злободневным сном и неким естественным явлением от любых людей; юношей он также был законченный циник и оклеветаться от комплекса мечтателя он не мог; для него главное избежать контузию фанатика или шовиниста и сбросить груз радушия, убогости и злости даже. Однако, что он один сделает с местным криминалом? А если они ещё и из столицы здесь? Он понимал, что священник сказал ему дело.

Глава 2. Человечность

Михаил Евгеньевич, вдохновленный стремлением к справедливости и свободе, собрал вокруг себя группу единомышленников для сражения с угнетением и несправедливостью. Он использовал различные стратегии, чтобы объединить людей против паразитирующих систем. Михаил начал с проведения лекций и семинаров, где подробно рассказывал о проблемах угнетения и рабства. Он подчеркивал важность осознания этих проблем для каждого гражданина, и какие последствия они имеют для общества в целом. Михаил активно использовал социальные сети и интернет для распространения информации. Он создавал видео, статьи и подкасты, призывающие людей присоединяться к движению за свободу и права человека. Виртуальные платформы помогли ему охватить более широкую аудиторию. Понимая важность поддержки и сотрудничества, Михаил организовал локальные группы, где люди могли обсуждать проблемы и делиться идеями. Эти группы стали основой для более организованных действий. Михаил подчеркивал необходимость мирных акций как способа привлечь внимание к проблемам и донести свои требования до властей. Он организовывал протесты, марши и пикеты, которые проводились с соблюдением всех законных процедур. Осознавая важность законности своих действий, Михаил тесно сотрудничал с юристами, чтобы защитить своих приверженцев от возможных репрессий. Это также стимулировало легальные инициативы по изменению законодательных норм. Михаил искал поддержки и понимания за рубежом. Он налаживал связи с международными организациями, борющимися за права человека, чтобы привлечь внимание к проблемам на международной арене. Благодаря этим подходам, Михаил Евгеньевич смог создать мощное движение, которое бросило вызов существующим системам угнетения и вдохновило многих, кого обошла эволюция в паразита или хищника, на борьбу за права и свободы.

(Примечание автора: Щепоть — небольшое количество какого-либо сыпучего вещества, которое можно взять тремя сложенными пальцами) У дороги к селу кто-то завопил и Ад в этих местах брал своё начало вопреки молитвам людей. Семейства села, где проживал и сам Михаил Евгеньевич, отпускали юношей для борьбы за свой дом с наступающими монстрами-людьми, если бы об этом хоть не знали в самой Москве, но знал там каждый и плевать на это при том всем было на Земле: и мужчинам, и женщинам, и от Хамов до Могучих человеческих Господ; Пришлось действовать самим, а Михаил Евгеньевич вытащил свои запасы йодоформа и отдал медикам своей группы; Абы тактика не подвела их к Божьей лани Рая на «Том свете» и помог Йодоформ при шрамах и ранах, а надобно его присыпкой лишь Щепоть и снова ты дышишь. Семья Абашковых ранее уже закупила огнестрельное оружие. Все были готовы к сражению.

Над подмосковным селом сгустились сумерки, когда Михаил Евгеньевич понял — враг уже близко. Паразиты расползлись по улицам, превращая жителей в безвольных марионеток, чьи глаза горели неестественным огнём. Группа Михаила — десять отважных душ — заняла оборону у старой церкви. Они знали: отступать некуда. За их спинами были дома, семьи, память предков. Первые мутанты появились внезапно. Их тела не исказились до неузнаваемости, а они были только краше обычного человечества старого типа, словно изящные модели с наращённым маникюром и скальпелями в руках, превратившимися в смертоносные лезвия. Михаил видел, как один из них схватил бежавшего человека, как раздался жуткий хруст — существо, бывшее человеком, вырывало нервы прямо из живого тела. Бойцы держались из последних сил. Пули свистели в воздухе, отскакивая от бронированных тел чудовищ-людей. Все они ещё недавно были людьми — теперь они служили проводниками для нового хищного вида былого каннибала. В самый тяжёлый момент, когда казалось, что всё потеряно, Михаил заметил, как из-за горизонта поднимается рассвет.словно сама природа встала на их сторону.

— За Людей! За свободу! К победе! — крикнул Михаил, бросаясь в атаку.

Его люди последовали за ним. В этом бою они не просто сражались за территорию — они боролись за человечность, за право жить, за будущее. Один за другим падали мутанты, разбрызгивая увы тоже красную кровь, а не чёрную жижу вместо крови. Но с каждым убитым существом появлялось ощущение, что победа всё ближе. К полудню село было очищено. Но радость была недолгой — Михаил знал, что это только начало. Мутировавшие твари не простят поражения. Они вернутся, чтобы забрать то, что считают своим. Но пока над селом снова развевался флаг, а в окнах зажигались огни. Жизнь продолжалась, и люди были готовы защищать её до последнего вздоха. Своим союзникам Михаил был искренне благодарен и даже покорен.

(Примечание автора: Аутентичный — это прилагательное, происходящее от древнегреческого слова αὐθεντικός, что означает «подлинный», «настоящий»). Своим реваншем ереси и Сатанизма твари, бывшие людьми, моментально ждать не заставили своё возвращение к сельчанам и Южный свет освещал тонны распылённого Михаилом йодоформа по Аутентичному пейзажу сельской России в ненастье их нападения. Больше нечем было от них сейчас отбиться, так как никто к их возвращению не был готов. Ну приобщил Михаил, послав связного в деревню недалеко ещё людей к бою. Тьма окутала переулочек села, когда монстр-тварь, похожий на человека, и всё в нём было красиво, вышел из тени.

— Ты же понимаешь, что мы тебя ненавидим искренне! — сказал монстр в облике красивого юноши Михаилу.

Михаил не стал ничего ему отвечать. Он ведь не женщина болтать с ними. Михаил внимательно следил за тварь-человеком. Его глаза горели красным светом, а из груди вырывался низкий, вибрирующий звук, способный оглушить любого, кто окажется слишком близко. Михаил, вооружённый ножом и фонарём, стоял, напротив. Монстр медленно приближался, его нож оставлял глубокие царапины на асфальте, когда его звук мозга пересекал лезвие.

— Угу, страшно, — Михаил попятился от него назад, уподобившись матери человеческой от страха.

Воздух наполнился запахом металла и чего-то гнилостного.

— Опомнись... Ты не пройдёшь, — прошептал Михаил, сжимая нож.

— Сумасшедший, — с улыбкой прошипел красивый юноша.

— Проклят всякий, верующий в сумасшествие. Подходи, — прошептал Михаил, ожидая его действия.

Монстр завывал мелодией, похожей на ультразвук, и его крик эхом разнёсся по переулку села. Михаил почувствовал, как вибрирует земля под ногами, и понял, что монстр использует свои способности, чтобы оглушить его. Он закрыл уши руками, но это не помогло. Звук усиливался, заставляя голову пульсировать от боли.

В этот момент Михаил заметил, что монстр отвлёкся. Он бросился вперёд, целясь ножом в его грудь, но монстр оказался быстрее. Его когти пронесли мимо, оставив глубокие порезы на руке Михаила. Кровь хлынула, но он не отступил.

— Понимаешь, я не сдамся! Я ещё и выиграю! — закричал он по-тупому совершенно, бросаясь в атаку.

Монстр взмахнул когтями, пытаясь достать до шеи Михаила, но тот успел увернуться, и когти лишь слегка задел его плечо. В ответ Михаил ударил ножом, целясь в глаз монстра. Лезвие вошло глубоко, и монстр взвыл от боли. Его крик был настолько громким, что Михаил упал на колени, теряя сознание. На асфальте остались лишь следы когтей и капли крови. Михаил знал, что это не конец.

Когда он пришёл в себя, монстр лежал мёртвый на бетонном полу. Михаил знал, что это не конец. И... Снова... Когда Михаил очнулся, его тело пробирав тремор и он был привязан к кровати со старым матрасом; в комнату заходили рабочие, олицетворяя заведомо своим от бедности и тяжбы видом человеческий садизм и жажду бить другую рождённую земную плоть; Михаил бы юркнул на экватор с толпой шаманящих гениев и бесстрашных телохранителей,

будь у него сейчас хотя бы свобода от верёвок, которыми его привязали к кровати, но шок забирал у него силы и не позволял его явственному обзору и физической силе даже понять происходящее; были среди садистов в лохмотьях и щеглы, были и взрослые мужчины, которые за пределами этого здания считались хорошими и харизматичными людьми до эйфории своих эмоций, но с каждым ударом скальпелями по плоти Михаила они выдирали из под его кожи нервы без наркоза и являли свой фантом ужаса греха человеческого; от боли Михаил не мог отключиться, так как его ударили в участок головы, отвечающий за сон; чёрная игла царила вокруг его криков, словно это был рёв гиены, но ни один человек не издевается вечно в своей радости чужой боли и Михаил впал в шок через семь часов так и привязанный с ненавистью ко всем людям, а под этим зданием твердь издавала свой плач; где же Господь, когда такое случается?! У этих людей не было цели и не было йода его раны обработать, а вырванный нерв так и болел в нём, как с ним болело само Солнце в гневе на рабочих, что посчитали это своим развлечением очередной раз убийства; молодцы эти ребятки, цепляйте практику крепче. Апокалипсис правления овощей-садистов, вырывающих нервы из плоти воцарялся и в городах за стенами этого здания, фанатично рабочие от боли вырывали из рук и ног нервы своих жён, а те травмированные могли лишь им позволять над собой такое господство в тягбе шока и от боли потери возможности ходит и личностной дезориентации. Рабочим всё можно в России. Это произошло снова точно также, как и в прошлый раз. Он снова встал в итоге, выпутавшись из-под каната в онемении всех чувств, с вырванным нервом из виска, но даже голова не кружилась. Он вышел из здания и узнал его. Нужно выйти из леса.

Вдруг мимо него прошла мимо красивая девочка и, вдруг остановилась. У неё было ангельское лицо и длинные блондинистые волосы с голубыми глазами. Она предложила ему:

— Здравствуйте! Я этот лес хорошо знаю. Вам помочь выйти?

— Благодарю! — ответил он ей радостно, и они пошли.

Они шли два часа и вдруг вышли из зарослей четверо мутировавших. В Бога многие верят, но в реальной жизни его, как по вере, просто нет. Каждый умерший свидетель отсутствия этой сказки, как и монстра-Сатаны. Нет этих идеалов в реальной природе, что для многих страшнее, чем даже сама эта история. Жестокость природы же может быть более страшной. Реальной человеческой природы при том.

Темнота обволакивала заброшенный склад и здание со множеством кабинетов, где он был... впереди... куда они вернулись снова, когда он услышал низкий, вибрирующий звук. Будто кто-то терзал струны невидимого инструмента прямо у него в мозгу. Свет фонаря выхватил из мрака силуэт — нечто похожее на идеального человека с журнала, но искаженное ужасом до неузнаваемости. Существо возвышалось над лесной травой, его конечности неестественно изгибались, а глаза блестели в тусклом свете. В руках монстр-человек держал набор хирургических инструментов, покрытых темными подтеками. Внезапно воздух наполнился пронзительным воем — это монстр использовал свою смертоносную способность. Его мозг генерировал ультразвуковые волны, от которых закладывало уши, а череп будто разрывало изнутри. Михаил бросился в сторону, уворачиваясь от первого удара скальпелем. Монстр двигался с пугающей грацией, его инструменты рассекали воздух в опасной близости от лица. Взмах — и по дереву пробежала глубокая царапина. Красавец с журнал повалил Михаила на землю. Существо издало хриплый смех, от которого по спине пробежал мороз. Оно подняло скальпель, готовясь извлечь нервы из еще живой жертвы, но Михаил успел достать йодоформ. Первая доза присыпки начала жечь бронированную кожу монстра, не причинив вреда. Вторая — на плечо — заставила его отступить. Воспользовавшись моментом, Михаил метнул в существо раствор йодоформа в эфире.

Ослепляющая вспышка глаз монстра от боли и грохот его мозга от гнева на мгновение дезориентировали Михаила, но он быстро пришел в себя, его глаза засветились алым, а из горла вырвался истошный крик.

Трое других мутировавших терпеливо ждали и не вмешивались.

Михаил чувствовал, как вибрируют кости, как пульсирует кровь в венах. Монстр приближался, его скальпель оставлял, служа проводником волновых ударов его мозга, глубокие борозды на лесном ландшафте. В его глазах читалась жажда расправы, а в руках зловеще поблескивали медицинские инструменты.

Последний рывок — и монстр оказался в пределах досягаемости. Что делать Михаил теперь не знал. Растерялся. Йодоформ закончился. Что же ему делать? Пока он думал, тот его и долбанул по голове скальпелем. Он должен был умереть во имя его счастья, но почему-то встал вопреки законам даже биологии. Странно... почему? Что ему не умирается? Мощный удар в лоб кулаком парализовал существо, его тело содрогнулось в конвульсиях.

Когда монстр упал на траву, Михаил увидел, как из его рта потекла красная кровь. Победа была горькой — он знал, что рядом ещё трое, и они продолжают охотиться в темноте. Где та девочка? Человека не найти. Да и человек ли она? Он пошёл дальше. (Примечание автора: Юбончик — это уменьшительно-ласкательная форма слова «юбка». Используется как неформальное, разговорное обозначение короткой или изящной юбки). Великие философы корчились бы в этом лесном мраке, что мягко окутывал его в процессе ходьбы; Да радостного не было здесь ничего, чтобы Михаил заметил приятный слуху шелест листьев — даже она отдавалась фантомом устрашающего ум беса, Истребляющего лик человеческий как в Аду и угасающего нравственностью в Родах женских и бабских, в юбончиках топающих по щебню; ходил он до утра, но из лесу не вышел, узнав округу, откуда начал путь. Его тело не болело уже, а сам он был бледен как мертвец, но, хотя бы не гнил. Пить ему уже не хотелось, да и кто ему бы дал? Ему хотелось лишь отдохнуть, но вдруг снова один из монстров появился перед ним. Красивая полная женщина, блондинка. Опять же — она не была вообще похожа на монстра до момента, как вцепилась зубами ему в нерв живота. К счастью, он в психозе свернул ей шею, отполз потом и не понимал, как у него хватило на это силы. Михаил пошёл по тёмному лесу дальше, погружённый в свои мысли. Вечерний лес казался непривычно тихим, лишь изредка нарушаемым далёким эхом кричащих его монстров. Внезапно его внимание привлёк странный шорох за спиной. Он обернулся и замер.

Перед ним стояла она — Рузанна. Но это была не обычная женщина. Её глаза светились неестественным голубым светом, а кожа отливала металлическим блеском. Длинные пальцы оканчивались острыми, словно бритвы, когтями.

— Кто ты? — прошептал Михаил, отступая назад.

Существо рассмеялось, и смех её звучал как тысячи колокольчиков, переплетающихся в жуткую мелодию.

— Я Рузанна, — проговорила она голосом, от которого по спине пробежал холодок. — А ты... ты станешь моим новым экспериментом.

Монстр-женщина сделала шаг вперёд, и Михаил увидел, как её руки начали меняться — когти удлинились, а между ними появились странные, похожие на лезвия наросты.

Он бросился бежать, но было поздно. Существо оказалось быстрее. Её когти рассекли воздух в миллиметре от его лица. Михаил почувствовал, как холод её дыхания коснулся его кожи.

— Не бойся, — прошептала Рузанна, — это будет... интересно.

В этот момент Михаил заметил в её руках странный предмет, похожий на топор. Монстр подняла его, и в воздухе разлилось сильное эхо от удара. Михаил понял — это его единственный шанс. Собрав все силы, он бросился в сторону, уходя от топора.

За спиной раздался яростный крик. Рузанна не собиралась сдаваться. Но Михаил уже мчался вперёд, зная, что эта встреча — только начало их противостояния.

Он не знал, что ждёт его впереди, но одно было ясно — с этой женщиной-монстром шутки плохи. И её имя — Рузанна — навсегда отпечаталось в его памяти как предупреждение об опасности.

Он убежал достаточно далеко и его замучила одышка; с ним оставался лишь фонтан эмоций и ожидание монстров, что ищут его здесь. Горчица с хлебушком грезилась ему... щемило желудок от голода, а сердце от тоски по мёртвой жене. «Я убью этих мразей!» — вскрикнул он и монстры обнаружили его безоружным. Жатва в этом лесу давила на сознание. Ужас жалил его в грудь. Юноша и женщина стояли перед ним, оценивая в баловстве способы его прикончить. Хорошие люди. И это были почти люди, просто мутировали, да и только. В их движениях не было звериной агрессии — только холодный расчёт и какая-то извращённая любознательность. Они словно проводили эксперимент, изучая, как лучше причинить боль, как вернее добраться до самых уязвимых мест в теле.

Их кожа была неестественно бледной, с проступающими венами, а пальцы оканчивались тонкими, острыми когтями. Но в выражении лиц читалось нечто человеческое — почти что любопытство, смешанное с жадой познания. Они были похожи на детей, играющих с новой игрушкой, не понимающих, что причиняют боль.

— Смотрите, как интересно... — прошептала женщина, проводя когтем по его щеке. Её голос был хриплым, но в нём слышались отголоски прежней человечности.

Юноша кивнул, его движения были плавными, почти грациозными. Они действительно были почти людьми — те же пропорции тела, те же черты лица, те же эмоции. Только теперь их сущность исказилась, превратилась в нечто иное, жуткое и притягательное одновременно.

В их глазах читалась не просто жажда убийства — жажда познания, желание понять, как работает человеческое тело, как можно причинить максимальную боль. Они были учёными в своей извращённой форме, исследователями, погружёнными в изучение самых тёмных сторон человеческой природы.

И в этом было что-то особенно жуткое — осознавать, что перед тобой стоят существа, которые ещё недавно были людьми, которые сохранили часть своего разума, но извратили её до неузнаваемости.

Бой начался внезапно. Юноша бросился первым, его движения были стремительными и расчётливыми. Он взмахнул рукой, и когти просвистели в сантиметре от лица Михаила, но тот был готов — увернулся с грацией хищника, а его тело изгибалось в невозможных позах.

Женщина двигалась медленнее, но её удары были точны и смертоносны. Она кружила вокруг Михаила, словно танцуя, выбирая момент для решающего удара. Их глаза горели холодным огнём, в них читалась уверенность в своей победе.

Михаил встретил их натиск серией молниеносных ударов. Его бледное тело всё было в крови, мышцы вздулись, превращая его в подобие живого мертвеца. Юноша парировал атаку, но женщина не успела — её задело краем удара, и она отлетела к дереву.

— Не так быстро, как вам кажется! — прошипел Михаил, его голос был искажён гневом, наполнен эхом чужих страданий.

Юноша бросился на помощь женщине, но та уже пришла в себя. Вместе они образовали смертельный дуэт: один отвлекал, другой наносил удары. Их когти оставляли глубокие борозды на деревьях, а воздух звенел от напряжения.

Михаил давно был измотан. Его движения становились медленнее, а в глазах промелькнуло удивление. Они сражались не просто как мутанты — они сражались как люди, защищающие свою человечность.

Финальный удар нанесён был слаженно: юноша отвёл внимание, а женщина нанесла точный удар в уязвимое место. Михаила затрясло в судорогах, и он издал жуткий вой, повалившись на траве в судорогах.

Победа монстров была горькой. Они спасли свою человечность, съев центральный нерв головного мозга Михаила, но цена оказалась высока. Женщина тяжело дышала, её тело покрывали раны, но в глазах светилась гордость — они остались людьми, несмотря ни на что.

Шизофреники в проклятом особняке

Глава 1

Темнота сгустилась вокруг старого заброшенного особняка, окутывая его мрачной тишиной. Луна, окутанная светом Сеты, устраивая пир человеческими трупами, словно бледное пятно на ночном небе, слабо освещала дорогу, ведущую к этому зловещему месту. «Скрежет» металла раздался внезапно, заставив сердце замереть от ужаса. Колдунья шептала на газ около бочек: «На самом деле... На самом деле... Ты хочешь секс и суицид на самом деле...» — навивая проклятье на свои жертвы. Что-то двигалось внутри дома, издавая глухие звуки, словно невидимая сила пробуждалась от долгого сна... Мужчина притворялся ночью плодом только что занявшейся с мужем сексом женщине, а колдунья шептала ей: «На самом деле... На самом деле...» — ходит колдунья возле старого особняка в ночной сорочке около бочек с газом в хижине леса недалеко...

Дрожащий свет фонаря едва проникал сквозь густые тени, открывая взгляду лишь фрагменты разрушенных стен и обломков мебели. Каждый шорох казался предвестником чего-то ужасного, скрывающегося в темноте. Но вот впереди показались очертания старинного камина, в котором мерцали угли, отбрасывая зловещие отсветы на стены. Два больных психически шизофреника в поисках причины своих состояний попали сюда. Последний сигнал зловещих эмоций поступил в их души именно отсюда — из старого заброшенного особняка, расположенного глубоко в лесу. Страшное сумасшествие измучило бы их всё равно на смерть. Они решились принять вызов и пришли сюда. Под покровом ночи сумасшедшие безумцы прибыли на место. Влас и Андрей аккуратно подошли к дому, держась подальше от окон, чтобы избежать обнаружения. Когда они вошли внутрь, их встретила мрачная атмосфера запустения и страха. Свет фонарей едва пробивался сквозь густую тьму, позволяя увидеть лишь контуры разрушенной обстановки. Пахло газом... Пахло телами мёртвых... Пахло чем-то невымытым... Как в больницах России...

Каждый шорох казался предвестником чего-то ужасного, скрывающегося в темноте. Тем не менее, они продолжали двигаться дальше, внимательно прислушиваясь к каждому звуку: «На самом деле... На самом деле...». Вскоре впереди показались очертания старинного камина, в котором мерцали угли, отбрасывая зловещие отсветы на стены. Шизофреники понимали, что каждый следующий шаг может стать последним, но чувство долга и стремление раскрыть тайну своей болезни заставляли их идти вперёд. Именно здесь начиналась самая опасная часть их миссии, полная загадок и смертельных ловушек. Откуда-то издали послышался тихий звук, похожий на стук ложечки о тарелку. Затем запахло жареным мясом, и откуда-то сверху донёсся аппетитный аромат специй. Это было странно и жутко одновременно. Герои медленно двинулись вперёд, стараясь ступать тише, но шаги гулко отдавались эхом в пустых комнатах. — Ты слышишь это? — прошептал один из них, останавливаясь возле двери в зал. Из-за неё доносились приглушённые голоса и смех. Они осторожно толкнули дверь, и перед ними открылся просторный обеденный зал, украшенный старинной мебелью и покрытый паутиной. Стол был накрыт роскошным бельём, уставлен блюдами с изысканными кушаньями, а свечи горели ровным пламенем, создавая атмосферу таинственного торжества. Но самое странное ждало их впереди: вокруг стола сидело множество существ, напоминающих людей, но искажённых страхом и болью. Их лица были покрыты ранами, глаза тусклые, а движения замедлены и неуклюжи. Они поедали пищу, словно автоматы, не обращая внимания ни на гостей, ни друг на друга. И тут из глубины зала раздался голос, глубокий и хриплый: — Добро пожаловать на наш пир, друзья мои...

Сердца забились быстрее, дыхание перехватило, а сознание отказывалось верить увиденному. Влас напряжённо всматривался в темноту, готовый в любую секунду отразить атаку неизвестного врага. Его пальцы крепко сжимали рукоять пистолета, готовясь выстрелить в любого, кто осмелится приблизиться. Однако комната оставалась пустой, и единственным звуком оставался треск дров в камине. Вдруг луч света упал на старый портрет, висящий над камином. Лицо мужчины на картине казалось знакомым, но Андрей не мог вспомнить, где видел его раньше. Пока он разглядывал картину, краем глаза заметил движение слева. Быстро повернувшись, он увидел, как дверь тихо открылась сама собой. Это был фокус, которым пользовались профессиональные убийцы. Влас мгновенно отреагировал, бросившись к выходу, ожидая засады. Но вместо врагов он обнаружил лестницу, ведущую вниз, в подполье. Но они не пошли туда и оглянулись на пиршество снова. За столом восседал высокий мужчина, одетый в богато расшитый кафтан светло-жёлтого цвета, украшенный драгоценными камнями и золотыми нитями. Его лицо было тёмным, почти чёрным, с глубокими впадинами глазниц, окружёнными сетью тонких морщин. Густые чёрные волосы спадали на плечи, слегка блестя в свете свечей. Однако больше всего внимание привлекали его руки — длинные, тонкие пальцы заканчивались стриженным под корень ногтями, покрытыми кровью отравленных женских жертв во имя его счастья. На шее висел массивный медальон с изображением мусульманского месяца, сверкавший красным светом в полутьме комнаты. Его взгляд был холодным и расчётливым, в нём читалась древняя мудрость и жестокость. Этот царь обладал невероятной силой и властью, способные подчинить себе даже самые сильные существа. Он сидел неподвижно, наблюдая за гостями, словно оценивая их реакцию на происходящее. Именно он организовал этот страшный пир, пригласив тех, кого считал достойными присоединиться к нему. Его целью было создать армию верных слуг, готовых служить ему беспрекословно. Теперь же он ждал момента, когда сможет окончательно подчинить шизофреников своей воле, превратив их в ещё одну группу несчастных пленников, вынужденных вечно находиться рядом с ним. Темнота сгустилась вокруг Андрея, окутывая его мрачными мыслями. Влас стоял перед столом пиршества, чувствуя, как ледяной ветер проникает под одежду из окон особняка с улицы, обжигая кожу. Сердце бешено колотилось в груди, а ладони стали влажными от волнения. Несмотря на страх, он понимал, что должен действовать — слишком много вопросов оставалось без ответов. Медленно подойдя к пирующим, Влас оказался в огромном зале с ними, наполненном тенями и призраками прошлого. Каждые несколько секунд раздавался скрип половиц, усиливавший ощущение тревоги. Казалось, дом сам дышит, наблюдая за каждым его движением. По мере продвижения вперед напряжение нарастало. Внезапно перед глазами промелькнул силуэт женщины в белом платье с тёмной кожей и кудрявыми чёрными волосами, толстой и пожилой, быстро растворившийся в темноте коридора, отдававшийся эхо: «На самом деле... На самом деле...». Страшный шепот прорезал тишину, повторяя одно слово снова и снова: «Уходи... На самом деле... Катастрофа... На самом деле...» Но уйти было невозможно — любопытство и желание разгадать тайну тянули его глубже. И вдруг, среди всех звуков и образов, возникла одна мысль, пульсирующая в голове: «Пенсионерка с бочкой газа плюс жизнь равна смерти». Эта фраза звучала всё громче, пока не превратилась в крик отчаяния, разрывающий пространство особняка. Она была ключом ко всему происходящему, подсказкой, ведущей к истине. Но какой ценой?

Теперь Влас чувствовал себя пойманным в ловушку собственного сознания, терзаемого видениями и сомнениями. Шизофрения началась снова, чего он боялся больше всех тут чудовищ. Чем ближе он приближался к разгадке, тем сильнее становилась угроза шизофрении, исходившая от самого здания с газом. Единственный выход заключался в том, чтобы выяснить правду, несмотря на риск потерять рассудок навсегда. А что он с диагнозом сохранит его? Сомнения мигом его покинули. Ветер с окон особняка нес с собой тяжелый запах гнили и чего-то древнего, что не должно было проснуться. Полы в трапезном зале, вымощенные мра-

мором, стукали под ногами, будто живым камнем, будто земля дышала сквозь них, вбирая в себя страх каждого, кто осмеливался ступить сюда. И тогда Андрей увидел жука. Он полз по кости, валяющейся около огромного стола, — черный, с маслянистым блеском, размером с человеческий кулак. Его хитиновый панцирь был покрыт рунами, словно выжженными адским огнем. И глаза. У жука не было глаз. Вместо них — два вертикальных разреза, из которых сочился яд, густой, как смола, и пульсировал в такт невидимому сердцу под землей. Андрей замер. Он не мог отвести взгляд. Жук медленно поднял голову, будто чувствуя его страх. Затем раздался звук — не скрип, не стрекот, а шепот, сотни голосов, льющихся из его ротовых придатков. Голоса мертвецов. Голоса тех, кого он уже съел. И вдруг жук взлетел. Его крылья раскрылись — не прозрачные, как у обычного насекомого, а черные, как крылья ворона, но тонкие, как у всех насекомых. Он повис в воздухе, и вокруг него начали появляться другие. Один. Пять. Сто. Из трещин в полу, из пустых глазниц валяющихся по углам черепов и скелетов, из разорванных одежд на трупах — они выползали, стрекоча, шурша, шепча. Они не атаковали. Они ждали. Жук впереди, самый большой, самый древний, — он был не просто насекомым. Он был стражем. Хранителем порога. И он знал: Андрей пришел не случайно. Он пришел, чтобы найти правду. Но правда — это не то, что можно увидеть. Это то, что вползает в тебя. И когда первый жук коснулся его руки, Андрей понял: он уже не сможет уйти. Потому что внутри него уже что-то шевельнулось. Что-то черное. Что-то, что голодно. Его страх паразита внутри был неопишуем. Его трясло от безвыходного положения и неизбежности ожидания мучений. «Скрежет» металла раздался внезапно вновь, заставив сердце Власа замереть от ужаса. Он выбежал от страха на обломанное крыльцо особняка, где ветер выл в пустых глазницах окон, а дверь перед ним — ржавая, перекошенная, захлопнулась, будто её кто-то захлопнул изнутри — и вновь медленно приоткрылась сама по себе. — Этот особняк... — прошептал Влас, дрожа. Он не должен был быть здесь. Этот особняк был покинут двадцать лет назад. Сгорел дотла, по словам соседей. А потом — забыт. Заброшен. Заговорён. Но вот он. Целый. Неприкосновенный. Стоит, как будто ждал. Он же навёл об особняке из своих снов справки... Зачем он приехал?!

Влас сделал шаг. Потом ещё один. Доски под ногами не скрипели — они впитывали звук, будто дом ел каждый шорох, каждое дыхание. Внутри пахло мокрой штукатуркой и чем-то сладковатым — разложением. Стены были покрыты трещинами, но не от времени. Эти трещины были нанесены. Кто-то царапал их. Много раз. Снизу-вверх. Как будто пытался выбраться. Он не заметил их сразу. На полу — следы. Мокрые, липкие. Не похожие на человеческие. Слишком длинные пальцы. Слишком глубокие отпечатки. Они вели к лестнице, ведущей в подвал. В тот самый подвал, который они видели ранее. И оттуда — доносился стук. Не ритмичный. Не механический. Он был живым. Будто что-то стучало костяшками пальцев... или челюстью. Влас потянулся к фонарику. Рука дрожала. Когда свет вспыхнул, он увидел: на стене, прямо перед ним, висела фотография. Его. Детский портрет. Тот самый, что сгорел с домом. Но здесь он был цел. И на обратной стороне — надпись: «Ты обещал вернуться. Мы ждали. Мы всегда здесь. Мы — твой дом». И тогда он понял. Это не призраки. Не привидения. Дом — живой. Он помнил всё. Каждый крик. Каждую слезу. Каждую тайну, закопанную под фундамент. И теперь он требовал плату за молчание. Стук стал громче. Дверь в подвал дрогнула. И из щели потекла тьма — густая, маслянистая, как кровь, но теплая. Она ползла по полу, обвивая его ботинки. Влас попытался отступить — но дверь за спиной захлопнулась с грохотом. Он остался один. С особняком, который ему пытались впарить его былым домом. И тем, что в нём росло. Андрей сидел на холодном полу подвала, прижимая руки к животу, будто мог остановить то, что происходило внутри. Жук не шевелился. Он не полз. Он всасывался. С каждым вдохом Андрей чувствовал, как его тело становится чужим. Кожа натянулась, будто под ней что-то растёт. Вены на шее пульсировали не в такт сердцу — они бились в ритме, которого не должно быть. А ночью... ночью он слышал шёпот, проводя здесь сутки за сутками.

Не извне. Изнутри. «Ты не человек. Ты — сосуд. Ты — дверь», — шептал голос, похожий на скрежет хитина о кость. Он вспомнил колдунью. Её глаза, чёрные, как бочки, в которые она шептала проклятья. Её слова: «На самом деле... Ты хочешь секс и суицид на самом деле...» — не были бредом. Это были ключи. Открывали двери в разум. И Андрей открыл. Теперь враг был не снаружи в иллюзиях многих, но враг остался снаружи для него, шизофреника. Враг был внутри особняка, а он поражён паразитом. И он не хотел его убить, так как понимал, что уже от него умрёт. Он хотел отомстить суке с её «На самом деле... На самом деле...». Жук пил кровь. Он словно пил страх, воспоминания, желания. Каждая капля эмоции — как нектар. Особенно — отчаяние. Особенно — мысли о смерти. Колдунья знала: чем ближе человек к самоуничтожению, тем тоньше становится грань между мирами. И это просто ложь, так как смерть возвращает правду, очищая ложь для умершего, но иногда оставляя его среди живых во их наказание, если грех не будет искуплен. И жук — это насекомое. Это посланник гнева на людей, существо из промежутка между снами и явью Земли о страданиях их, которое вселяется в тех, кто уже почти сдался. Андрей попытался вырвать его. Ножом. Осколком стекла. Но раны затягивались мгновенно. А из разрезов вместо крови сочилась голубая кровь, и в ней — мерцали синие лучи. Однажды утром он проснулся и понял: он больше не помнит лицо своей матери. Вечером — забыл, как зовут его собаку. А на третий день он улыбнулся впервые за годы. Потому что жука выжгло иммунитетом. Вдруг он вспомнил снова в миг всё забытое, но ещё был в оцепенении. И теперь это уже не был Андрей трясся в подвале. Это оно (Сета) использовало его тело, чтобы своё несчастное животное доделать под напавшее насекомое, что в природе иногда бывает. Говорило его голосом. Смотрело его глазами. И искало новых жертв доделывать. Потому что один враг внутри — это будет тенденция на всех людей. Нужно больше. Много больше. И тогда, в полночь, Андрей подошёл к зеркалу, улыбнулся — и прошептал, как когда-то колдунья, чтобы оно нашло её по свету: «На самом деле... Ты хочешь секс и суицид на самом деле...». И из его рта, медленно, одна за другой, выпадали синие струны лучей «белого света», смешанные с солнцем. Он отправился искать её экстремистом по особняку. Что-то двигалось внутри этого огромного дома, издавая глухие звуки, словно невидимая сила пробуждалась от долгого сна. Стены дрожали, не от ветра, а от пульса, медленного и тяжёлого, как сердце гигантского зверя под фундаментом. Пыль с потолка осыпалась не просто так — она падала по спирали, будто втягивалась в невидимый вихрь посреди комнаты. Влас стоял, не в силах пошевелиться. Его взгляд был прикован к полу, где пластины мрамора начали расходиться, будто их кто-то поднимал изнутри. Треск нарастал. Не мрамор ломало — оно вздыхало, как будто дом впервые за десятилетия вдохнул. И тогда он услышал гром. Но не с неба. Гром был внутри особняка. Он не гремел над головой — он вывалился из стен, как удар барабана, от которого лопнули барабанные перепонки. Влас упал на колени, руки сами потянулись к ушам, но звук шёл не снаружи. Он проникал через кости, вибрировал в зубах, в позвоночнике, в самом мозге. Это был не раскат грозы. Это был зов. Из темноты под лестницей что-то выкатилось. Не тень. Не тело. Это был отпечаток звука — волна искажённого воздуха, оставившая за собой трещины на стенах, как от удара молнии. А следом — второй удар. И третий. Каждый — ближе. Каждый — громче. Каждый — с именем. Влас... Влас... Влас...

Это не эхо. Это ответ. Дом знал его. И не просто знал — ждал. Он хранил каждое слово, каждый крик, каждый шаг, сделанный здесь двадцать лет назад. И теперь, когда Влас вернулся, дом проснулся, чтобы вернуть долг. Пол начал проваливаться. Не под ногами — под памятью. Картинки прошлого всплывали в воздухе, как кадры из старой плёнки: его мать, зовущая с кухни... брат, играющий в подвале... и тот день, когда дверь в чулан сама закрылась. Когда он кричал. Когда его не слышали. Но теперь слышали. Гром ударил в последний раз — и весь дом накренился, как корабль в шторм. Стены потекли, будто воск. Окна выгнулись наружу. И из центра, из самого сердца, из той самой чёрной дыры под лестницей, поднялась рука.

Не человеческая. Слишком длинная. Слишком блестящая. Хитиновая. И Влас понял: это не призрак. Не демон. Это звезда!

Это — дом помнит её гнев. Он не просто жив. Он воскресил их всех. И теперь требует, чтобы Влас остался навсегда. Потому что гром — это не предупреждение. Это — приглашение в семью. В неродную ему семью, убивающую здесь. Он опомнился. Это специальное зомбирование звуком просто. Они его разводят. Он пошёл искать убийц как экстремист. Влас и Андрей шли по обугленным коридорам старого особняка, где стены до сих пор хранили запах гнили и дешёвого парфюма. В руках у них были фонари, но свет не проникал далеко — тьма здесь впитывала лучи, как губка. Они искали тех, кто играл с их разумом. Тех, кто притворялся мертвыми. Кто вливался в их сны. Кто шептал: «На самом деле...» — и заставлял сомневаться в реальности. И они нашли их. В подвале, среди ржавых цепей и разбитых экранов, сидели зомбиры — не мертвецы, а бывшие психиатры, психологи, гадалки и мистики с экстрасенсами, беглые из закрытых клиник, собравшие диссонансную технологию внушения. Они использовали нейроимпульсные генераторы, маскированные под медицинское оборудование, чтобы внедрять галлюцинации, внушать страх, ломать личность. Их метод — психотехника: звуки, ритмы, повторяющиеся фразы, запускающие распад сознания. Влас видел, как один из них — в очках с треснувшими стёклами — улыбался, глядя на запись: на экране он сам, Андрей, лежит на кушетке, а голос колдуньи шепчет: «На самом деле... ты хочешь секс и суицид на самом деле...» — и его тело содрогается, как от удара током. — Это вы... — прохрипел Андрей. — Вы вселяли в нас вас. Они бросились на них. Удары были грубыми, отчаянными. Кулаки, ноги, цепи — всё, что попало под руку. Зомбиры не сопротивлялись. Они смеялись. Даже когда их били, они смеялись. Потому что знали: внушение уже сработало. Они связали их, вытащили на улицу, в лес, к хижине у бочек с газом. Там, в ночной сорочке, стояла колдунья — та самая, из их кошмаров. Но теперь она была просто женщиной. Сломанной. Глаза пустые. Губы шевелятся: «На самом деле...» — и больше ничего. — Мы нашли их — крикнул Влас в мобильный телефон. — Преступники Они нас похищали Внушали Заставляли видеть монстров!

Не приехала полиция. Спокойная. Холодная. Офицеры спали дальше дома. Осмотрели бочки, хижину, оборудование они самостоятельно и без полиции. Потом посмотрели друг на друга. Долго.словно взвешивая ситуацию. — Граждане, — раздался голос полицейского утром у них за спинами, — вы двое числитесь пропавшими с психиатрической лечебницы «Горизонт-7». Вы сбежали три недели назад. Эти люди — ваша команда терапевтов. Вы их похитили, выкрали оборудование, повредили. Вы устроили пожар в подвале. И вы... — он посмотрел на Андрея, — вбили себе в голову, что вас преследуют. Влас хотел кричать. Андрей — смеяться. Но оба замолчали, потому что вдруг вспомнили: они не помнили, как попали в особняк. Не помнили, кто их привёз. Не помнили, зачем у них в карманах лежали ключи от наручников. Их посадили в машину. Без наручников. Смирно. Потому что внутри уже не было борьбы. А в подвале, под слоем пепла, жук шевельнулся. И из трещины в стене донёсся шёпот: «На самом деле... вы уже не вы... на самом деле...»

Машина тронулась. А в хижине загорелся экран. На нём — их лица. И надпись: «Терапия продолжается. Фаза 3: самоидентификация.»

Дожди, проливавшиеся над городом последние дни, как будто сполна вылили свою тяжесть на крышу старого особняка, где чудом уцелели Влас и Андрей. Их глаза, полые от пережитого ужаса, всё ещё были полны недоумения, когда они впервые услышали слова врача из лечебницы «Горизонт-7». Этот серый, неприметный дом, окружённый высокими стенами и густыми деревьями, был последним местом, где они надеялись найти спасение.

Пёс, словно призрачный силуэт в пелене дождя, стремительно пронёсся мимо Власа и Андрея. Его шерсть была мокрой и включенной, а глаза казались безумными. Мужчины невольно отпрянули, их сердца забились чаще от страха. Они слышали лишь глухой топот

лап по лужам и ощутили порывы ветра, вызванные пронёсшимся мимо животным. Дождь усилился, превращая и без того мрачную картину в настоящую какофонию звуков и образов. Влас и Андрей ощутили себя ещё более потерянными и одинокими в этом враждебном мире, где даже животные казались безумными и опасными. Они заметили, что пёс не был похож на обычных домашних собак — его поведение и внешний вид выдавали что-то нечеловеческое, потустороннее. Возможно, это был лишь плод их воображения, уставшего от напряжения и стресса, или же действительно нечто сверхъестественное обитало в этих местах. Влас и Андрей переглянулись, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Влас и Андрей стояли у ворот психиатрической лечебницы «Горизонт-7», их лица были бледны, а глаза — полны тревоги. Их отказывались госпитализировать, ссылаясь на то, что у них лица уже как у «сомов, мычащих в реальной катастрофе». Эти слова звучали как насмешка, но для них они были символом безумия и отчаяния. Они переглянулись, замечая в глазах друг друга отражение собственной безысходности, но ничего было не поделать. Влас и Андрей вернулись домой уставшие и опустошённые. Они понимали, что им предстоит многое обдумать и решить, но сейчас их беспокоила более насущная проблема — у них не было денег даже на самое необходимое. Они бросили беглый взгляд на свои скромные пожитки и поняли, что все их средства ушли на пережитое в этом особняке. Теперь же у них не было даже мыла, чтобы помыться. Влас предложил поискать какие-нибудь растения, которые могли бы заменить мыло в качестве натурального средства для гигиены, но Андрей понимал, что это временное решение. Он решил, что нужно как можно скорее найти работу или способ заработать деньги. Друзья начали обсуждать, как можно быстро заработать, не теряя времени. Они вспомнили о своих навыках и решили, что могут попробовать выполнить какую-нибудь работу на дому или найти подработку, связанную с их умениями. Летний вечер плавно перетекал в прохладу, но в маленькой квартирке на окраине города было жарко от кипящих идей. Двое друзей — Влас и Андрей — сидели, сгрудившись вокруг ноутбука, и обсуждали свое будущее. Безработица, как невидимый враг, подкрадывалась к каждому из них, и перспективы казались туманными. Но сегодня что-то изменилось. «Андрей, я нашёл кое-что!» — воскликнул Влас с глазами, горящими энтузиазмом. «Смотри! Это объявление об удаленной работе. По нашей специальности! И, судя по описанию, платят неплохо.»

В воздухе повисла тишина, наполненная предвкушением. Затем Андрей, всегда самый прагматичный из них, произнес: «Удаленка? Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но... почему бы и нет?»

«Именно!» — подхватил Влас решительным голосом. «Мы уже давно говорим, что нужно что-то менять. Эта возможность — именно то, что нам нужно. Мы должны ухватиться за нее!»

Андрей, выдержав молчание, кивнул, его взгляд был прикован к экрану. «Да, это наш шанс. Мы не можем его упустить.»

Так, с этого момента, друзья-психи решили действовать. Они погрузились в интернет, изучая различные предложения, сравнивая условия, анализируя потенциальные риски. Каждый новый вариант тщательно обсуждался, взвешивались все «за» и «против». Наконец, они остановились на нескольких наиболее перспективных. Один из них, тот самый, который нашёл Влас, особенно привлек их внимание. Удаленная работа, возможность работать из дома, используя свои навыки и знания — это казалось идеальным решением их проблем. «Напряглись, взялись за эту идею,» — как будто сам для себя проговорил Андрей, и в его голосе звучала новая решимость. Они начали активно готовить свои резюме, каждый раз перечитывая их по нескольку раз, стараясь подчеркнуть свои сильные стороны и опыт. Рассылка резюме превратилась в настоящий марафон, каждый день они отправляли десятки писем, надеясь на ответ. Проходили дни, недели. Надежда то вспыхивала, то угасала. Но друзья не сдавались. Они поддерживали друг друга, делились новостями, вместе искали новые пути. И вот, однажды, когда они уже почти потеряли веру, раздался долгожданный звонок. «Нам ответили!» — радостно

крикнул Влас, голосом, дрожащим от волнения. «И это тот самый проект! Они готовы нас взять!»

В этот момент вся усталость и сомнения как рукой сняло. Они «уцепились за этот шанс», как за спасательный круг, и быстро приступили к работе. Первые дни были наполнены суматохой и адаптацией, но друзья были полны решимости. «Мы выжмем максимум из этой возможности,» — уверенно заявил Андрей, его глаза горели огнем. «Мы добьемся успеха.»

И они действительно работали не покладая рук. Каждый день был наполнен напряженным трудом. Жилы на их шеях чуть напряглись от напряжения, когда они вникали в каждую деталь задания, когда искали самые оптимальные решения, когда стремились к совершенству. Но это напряжение не пугало их, наоборот, оно придавало им уверенности и сил. Они чувствовали, что находятся на правильном пути, что их усилия не напрасны. Они взялись за каждую мелочь, каждый аспект задачи, делая все возможное, чтобы выполнить ее на высшем уровне. Их упорство и настойчивость были вознаграждены. Работа была выполнена качественно, в срок, и даже превзошла ожидания заказчика. Друзья получили заслуженное вознаграждение, но самым ценным было не только это. Они доказали себе, что способны на многое, когда действуют сообща, когда верят в свои силы и не боятся трудностей. Они работали не покладая рук, и жилы на их шеях чуть напряглись от напряжения, но это напряжение придавало им уверенности и сил. Влас и Андрей устроились на удалённую работу, которая требовала от них много времени и внимания. Они работали в маленьком, но уютном доме на окраине города. Их рабочий стол был завален бумагами, книгами и ноутбуками, а в углу стояла большая коробка с их вещами из больницы. На стенах висели постеры с мотивационными цитатами, которые они нашли в интернете. Каждое утро они просыпались в 6:00, чтобы успеть выполнить свои задачи до обеда. Они работали по 8 часов в день, но иногда задерживались, если нужно было закончить важный проект. Влас отвечал за написание текстов, а Андрей — за редактирование и корректуру. Они старались делать всё качественно и быстро, чтобы не подвести заказчиков. Однако иногда их мысли возвращались к событиям в больнице. Они помнили, как темнота сгущалась вокруг старого заброшенного особняка, окутывая его мрачной тишиной. Вспоминались тени, которые мелькали в углах, и странные звуки, которые доносились из глубины здания. Влас и Андрей пытались забыть об этом, но иногда эти воспоминания всплывали в их сознании, вызывая тревогу и беспокойство. Однажды вечером, когда они закончили работу и сидели за чашкой чая, Андрей сказал: — Знаешь, Влас, иногда мне кажется, что мы попали в какой-то кошмар. Эта больница, этот особняк... Всё это кажется нереальным. Но мы должны забыть об этом и двигаться дальше. Влас кивнул, соглашаясь с другом. Он понимал, что они должны сосредоточиться на своей работе и не позволять прошлому мешать им. Но иногда ему тоже казалось, что тьма, которая окружала их в больнице, никуда не исчезла, а просто спряталась в глубине их сознания. Они продолжали работать, выполняя всё более сложные задачи. Однажды им предложили написать статью о загадочном пуде зерна, который, по слухам, был найден в старом особняке. Влас и Андрей решили принять это предложение, надеясь, что это поможет им отвлечься от мрачных воспоминаний. Они начали изучать не только историю зерна, но и как пуд зерна оказался в особняке. Началось расследование. Влас и Андрей погрузились в архивы, перелопатили кучу старых газет и документов, пытаясь выстроить цепочку событий, которая привела к появлению пуда зерна в заброшенном здании. Они искали любые упоминания: договоры о поставках, инвентарные списки, отчёты управляющих имением. Сначала им казалось, что это простая задача — найти запись о доставке зерна. Но чем глубже они копали, тем больше загадок возникало. В одних документах особняк числился как охотничий домик знатного рода, в других — как складские помещения, в-третьих — как уединённая лечебница. Ни в одном из отчётов не было прямого указания на хранение зерна. Андрей скрупулёзно анализировал карты местности разных эпох, пытаясь понять логистику: откуда могли привезти зерно, какие были пути подвоза. Влас тем временем изучал символику и обычаи того времени

— вдруг пуд зерна имел ритуальное значение? Они даже связались с краеведами и историками, но те лишь пожимали плечами: «Загадка, покрытая мраком веков!»

Однажды Влас наткнулся на пожелтевший листок с частично выцветшим текстом — фрагмент переписки между управляющим имением и купцом. Там упоминался «особый заказ» на доставку пуда отборного зерна «для ритуала очищения». Дата письма совпадала с периодом, когда особняк переоборудовали под лечебницу. — Андрей, кажется, мы на верном пути! — воскликнул Влас, размахивая находкой. — Это не просто зерно! Оно было частью какого-то обряда. Может, этот пуд должен был «очистить» особняк от злых духов или болезней?

Андрей задумчиво потёр подбородок: — Если так, то где сейчас это зерно? Пролежало сотни лет? Или его использовали по назначению, а память о ритуале затерялась?

Они решили проверить подвал особняка — единственное место, где теоретически мог сохраниться пуд зерна спустя столько лет. Их воображение рисовало картины: запечатанный деревянный ящик, покрытый пылью веков, с зерном, превратившимся в окаменелость... или, наоборот, зерно, чудесным образом сохранившее свои свойства. Расследование набирало обороты. Теперь у Власа и Андрея была не просто статья — а настоящая детективная история, где пуд зерна становился ключом к разгадке тайн старинного особняка. Однажды вечером, работая над статьёй, Влас заметил, что на одном из старых постеров на стене изображена женщина с пудом муки в руках. Он показал это изображение Андрею, и они начали обсуждать, что это может значить. Вдруг Влас прошиб холодный пот — эта самая женщина! — Андрей, ты помнишь ту жуткую ночь в особняке? — прошептал он, не отрывая взгляда от постера. — Эта женщина... Она была там! Та самая зомбирша, которая бродила по коридорам и кричала нам: «На самом деле... На самом деле...»

Андрей побледнел, мгновенно вспомнив кошмарную сцену: полутёмный зал, мерцающий свет луны сквозь разбитые окна, и фигуру женщины, застывшей в неестественной позе. Её голос, словно эхо из прошлого, до сих пор звучал в ушах: монотонный, заиклившийся, будто она пыталась донести до них некую страшную истину. — Но как это возможно? — дрожащим голосом спросил Андрей. — На постере она выглядит совершенно иначе — стилизованный образ, почти плакат! А в особняке... это была живая... ну, или неживая... сущность!

Влас провёл рукой по постеру, будто пытаясь стереть изображение: — Похоже, мы столкнулись с чем-то гораздо более сложным, чем просто загадка пуда. Эта женщина — ключ ко всему. Её образ связывает прошлое и настоящее, реальность и кошмар. «На самом деле...» — что она хотела сказать? Что скрывалось за этими словами?

Они переглянулись, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Теперь пазл складывался иначе: пуд муки, таинственная женщина, заброшенный особняк, древние сокровища... Всё это было частями одной мрачной головоломки. — Нужно вернуться в особняк, — твёрдо сказал Андрей. — На этот раз мы должны выяснить всё до конца. Узнать, кто она такая, почему её изображение оказалось на постере, и что означали её слова. Возможно, это разгадка всего кошмара, в который мы попали. Влас кивнул, ощущая, как сердце колотится в груди. Их расследование вышло на совершенно новый уровень — теперь на кону стояло не просто раскрытие тайны, а, возможно, спасение от древнего проклятия, связанного с этой женщиной и её загадочной фразой. — Может быть, это ключ к разгадке? — предположил Влас. — Возможно, пуд чего-то — зерна, муки или другого товара — имеет какое-то символическое значение, связанное с особняком. Андрей согласился, и они решили продолжить исследование. Они провели несколько ночей, изучая старинные книги и журналы, пытаясь найти хоть какую-то связь между пудом зерна и особняком. И наконец, они нашли старую рукопись, в которой говорилось о том, что пуд золота был символом богатства и власти, а особняк — местом, где хранились древние сокровища, взвешенные когда-то в пудах серебра и драгоценных камней. — Вот это да! — воскликнул Влас. — Теперь у нас есть зацепка. Мы должны вернуться в особняк и найти эти сокровища. Это может быть наш шанс выбраться из этого кошмара и начать новую жизнь.

Возможно, там до сих пор хранятся сундуки с пудами драгоценных металлов или редких специй, которые когда-то считались ценнее золота!

Андрей кивнул, понимая, что их работа над статьёй была не напрасной. Они собрали все свои вещи и отправились к особняку, чувствуя, что наконец-то нашли путь к разгадке тайны пудов, спрятанных в стенах этого мрачного здания. — Вспомни, как она выглядела, — тихо сказал Влас, глядя на постер. — Это точно была она. Не просто женщина... а именно та, что стояла в коридоре. Татарка, лет, наверное, за шестьдесят. Средней полноты, не тяжёлая, но с такой... плотной, земной статью, будто из камня высеченная. — Да, — кивнул Андрей, сглотнув. — Белая сорочка — старомодная, с кружевами по воротнику, но вся измятая, будто её вынули из сундука после десятилетий. А волосы... кучерявые, густые, но растрёпанные, как будто ветер их терзал. Седина пробивается, но не вся, ещё много тёмного — чёрного, как уголь. И эти кольца... будто огонь вокруг её головы. — Глаза... — Влас замолчал, будто боялся произнести. — Карие. Глубокие, тёмные, как колодцы. Но не пустые. Наоборот — в них столько... боли. Умных, уставших. Как у человека, который видел слишком много. Она смотрела на нас не как призрак, а как... как мать, которая пытается предупредить детей, но не может говорить внятно. — У неё было такое лицо... — продолжил Андрей, — будто вырезанное из старого дерева. Морщины — не от возраста, а от пережитого. Глубокие складки у рта, будто она всю жизнь молчала, сжав губы. Брови чуть нахмурены, как будто в постоянной тревоге. И взгляд... не злой, не пугающий. А серьёзный. Утомлённый. Как будто она не просто бродит там — она *несёт* что-то. Бремя. — Да, — прошептал Влас. — И в этом вся суть. Она не хотела нас напугать. Она пыталась сказать: «На самом деле...» — и не могла закончить. Как будто сама не знает, или как будто заклинание не даёт. Это не зомбириша, Андрей. Это... хранилище. Или жертва. Они замолчали, глядя на постер. Теперь он уже не казался просто старым рекламным плакатом. Женщина на нём смотрела прямо на них — с теми же карими глазами, с тем же усталым выражением лица. И в её позе, в сжатых пальцах, держащих пуд муки, читалась не сила, а долг. Обязанность. Как будто она всё ещё что-то охраняет. Или ждёт, когда кто-то, наконец, поймёт. Собравшись с духом, они начали готовиться к новой экспедиции в особняк. В воздухе витало ощущение, что на этот раз их ждёт не просто поиск сокровищ, а столкновение с чем-то потусторонним, что хранило свои секреты веками. И только разгадав тайну зомбириши с пудом муки, они смогут вырваться из цепких объятий прошлого. Дрожащий свет фонаря едва пробивался сквозь густую пелену тьмы, выхватывая из мрака лишь обломки прошлого — осколки стекла, покосившиеся дверные косяки, обвалившиеся куски штукатурки. Каждый шаг отзывался эхом, будто стены помнили каждый звук, произнесённый здесь столетия назад. Воздух был тяжёлым, пропитанным плесенью и забвением, а тени, словно живые, шевелились в углах, будто прятались от света. Каждый шорох — скрип половиц, шелест паутины, падение пыли — звучал как предупреждение, будто сам дом шептал: «Вы не одни. Что-то ждёт. Что-то знает, что вы здесь». Они помнили, как темнота сгушалась вокруг особняка, окутывая его мрачной тишиной. Вспоминались тени, мелькавшие в окнах, и голоса, будто доносящиеся из-под земли. Влас и Андрей пытались забыть об этом, но воспоминания, как корни, врастали в сознание — незаметно, но неумолимо, вызывая тревогу, словно они всё ещё были не спасёнными, а бегущими. Они подошли к двери особняка, запертой на ржавый замок, будто веками хранившей тайну. Влас достал старый ключ — потёртый, с причудливым узором на рукоятке, найденный между страницами потрёпанной книги по истории сельского хозяйства. Ключ вошёл в замок с трудом, но, наконец, раздался глухой щелчок. Дверь скрипнула, будто стонала от боли, и медленно открылась, впуская их в мир, застывший во времени. Внутри было сыро, прохладно, как в подzemелье. Воздух пах плесенью, старым деревом и чем-то ещё — едва уловимым, но тревожным, будто запах забытой молитвы. И в этой сырости, в этом мраке, вдруг прозвучало в их мыслях: «Нужно найти пуд зерна». Но не как ценность. Не как клад. А как антихайп — как символ отказа от суеты, от погони за сенсациями, от навязанных смыс-

лов. Пуд зерна — это не золото, не алмазы, не древние артефакты. Это — жизнь. Это — труд. Это — настоящее. В мире, где всё кричит, где каждый день появляются новые «сверхценные» находки, пуд зерна — это вызов. Это напоминание: истинная ценность — в простом, в выращенном, в пережитом. Он не блестит, не шумит, не продаётся на аукционах. Он просто есть. Как дыхание. Как память. Как правда, которую нельзя сфальсифицировать. Найти пуд зерна — значит отказаться от иллюзий, признать: спасение не в сокровищах, а в правде. Архитектура особняка, несмотря на запустение, поражала контрастом: массивные русские балки, тяжёлые дубовые двери, но при этом — лёгкость форм, открытые пространства, сквозные арки, напоминающие старинные дома в Осаке. Не японская минималистичная строгость, а её тень — будто кто-то изучал традиции азиатской архитектуры и переложил их на русскую почву. Стены, будто дышащие, с узкими окнами-щелями, напоминали шогунские усадьбы, где каждый элемент — не украшение, а смысл. Даже руины дышали гармонией. Они начали искать в комнатах, которые будто были частью забытой выставки Экспо-67. Одна — с обоями в стиле «Хрустальный павильон», с фрагментами стеклянных вставок, отражающих свет, как в экспозиции «Человек и его мир». Другая — с остатками конструкций, напоминающих «Дом будущего» — стальные каркасы, пластиковые панели, давно потрескавшиеся, но всё ещё хранящие дух техно-оптимизма. В третьей — фрагменты текстильных инсталляций, как в павильоне «Материя и форма», где нити переплетались в абстрактные узоры, теперь превратившиеся в паутину времени. Вдруг Андрей остановился у стены, за которой скрипнула доска. Он отодвинул обломок шкафа — и увидел сундук, почти целиком покрытый пылью и паутиной, будто его специально скрывали. Они открыли его — внутри лежал потрёпанный дневник, переплетённый кожей, с выжженным на обложке символом — колосьями, переплетёнными с ключом. Влас начал читать: «Я, Иван Петрович Вольнов, последний владелец особняка, пишу эти строки в полном одиночестве. Я искал сокровища — золото, драгоценности, древние манускрипты. Я рвал землю, ломал стены, вывозил целые комнаты. Но сокровище — не в богатстве. Оно — в зерне. В пуде зерна, который мой дед привёз с собой из Сибири. Он говорил: «Пока есть зерно — есть жизнь. Пока есть жизнь — есть память». Я не понимал. Я думал, он сошёл с ума. Но теперь я знаю: он спрятал его не ради ценности, а ради испытания. Кто найдёт пуд зерна — тот поймёт: сила не в накоплении, а в принятии. Пуд — это не вес. Это мера души. И тот, кто его найдёт, должен будет пройти три фазы: страх, боль, разум. И только тогда поймёт: особняк — не тюрьма. Это храм памяти. И я... я не смог. Я умер, так и не найдя его. Но, возможно, вы — другие. Возможно, вы — те, кого он ждал». Они замолчали. Слова дневника висели в воздухе, как туман. Они пошли к чердаку — по скрипучей лестнице, где каждая ступенька будто предупреждала: «Ты не должен подниматься». Чердак оказался огромным, с высокими стропилами, перекликающимися с чердаками старых особняков в Осаке — не для хранения, а для медитации. Там, где в японских домах были сёдзи и татами, здесь — деревянные платформы, обломки мебели, сложенные в идеальные квадраты, как будто кто-то соблюдал древний порядок. На стенах — странные символы: колосья, ключи, глаза, переплетённые в узоры, напоминающие иероглифы. В центре — сундук. На нём — книга. Старая, с переплётом из неизвестной кожи, с выжженным на обложке пудом, держащим зерно. — Мы нашли её — прошептал Влас, открывая её. Внутри — не текст, а образы. Они читали, и перед ними разворачивались сцены: Первая фаза — страх. Они видели себя в больнице «Горизонт-7», слышали голоса врачей, ощущали уколы. Они бежали по коридорам, но двери закрывались. И везде — она: женщина с пудом муки. Шепчет: «На самом деле...» — и исчезает. Вторая фаза — боль. Они падают. Их бьют. Кости ломаются. Кровь. Но они идут. Потому что знают: это не тело болит. Это душа освобождается. Третья фаза — разум. Они видят: особняк — не здание. Это символ. Пуд зерна — не предмет. Это вызов. А женщина — не призрак. Это память. И её слова: «На самом деле...» — это начало истины. «На самом деле — вы уже свободны». И вдруг — тишина. Свет. Книга погасла. Туман рассеялся. Первая фаза — страх — накрыла их,

как чёрная волна, и в одно мгновение особняк обратился в заброшенную психиатрическую лечебницу «Горизонт-7» — не просто разрушенное здание, а монумент современного забвения, словно вырванный из архитектурных кошмаров постиндустриального упадка. Это был типичный образец советской медицинской архитектуры, пережившей своё время: длинные, как тоннели, корпуса из серого бетона, с узкими окнами-бункерами, решётками, давно сорванными с петель, и крышей, обвалившейся в нескольких местах, будто небо решило заглянуть внутрь. На доске объявлений, покрытой плесенью и царапинами, ещё держалась потускневшая табличка: «Государственная психиатрическая лечебница №7 «Горизонт»». Буквы выцвели, но читались — как проклятие. Фасад был облуплен, стены покрыты граффити, словно городские духи пытались оставить здесь свои заклинания. Входные двери — вырваны, оставив чёрный зев, ведущий в подземелье. Внутри — полный коллапс: потолки провисли, как мокрые простыни, арматура торчала наружу, как рёбра у скелета. Полы — треснувшие, покрытые слоем пыли, в которой застряли осколки фарфоровых унитазов, обломки каталок, ржавые капельницы. В углах — руины мебели: разломанные койки, матрасы, пропитанные чем-то тёмным, и повсюду — запах. Он бил в нос сразу: вонь мочи пожилых женщин и стариков, кислая, сладковатая, с металлическим привкусом, будто в воздухе висело нечто живое, разлагающееся. Смешивалась с запахом гниющих тканей, рвоты, давно не стиранного белья. Воздух был плотным, как сироп, и каждый вдох вызывал спазм в горле. Влас и Андрей чувствовали, как этот смрад проникает в лёгкие, оседает в мозгу, вызывая тошноту, головокружение, желание просто упасть и больше не вставать. Но хуже всего был шлейф газа — едва уловимый, почти не пахнущий, но проникающий в сознание. Он не раздражал дыхательные пути, а действовал тоньше: парализовал волю. Это был не просто химикат — это была атмосфера забвения. Стоило сделать несколько шагов — и тело начинало тяжелеть. Веки опускались. Мысли замедлялись, будто погружались в вязкий сон. Хочется лечь. Забыть. Перестать бороться. Этот газ — не убивал. Он поглощал. Он делал человека частью здания. Стеной. Тенью. Призраком. Влас и Андрей стояли в коридоре, одетые в лохмотья, которые когда-то были больничными рубашками — серыми, в пятнах не то крови, не то кофе, не то рвоты. Ткани висели на них, как на вешалках: порванные в рукавах, разорванные по швам, с вырванными пуговицами. Подошвы босых ног были в ссадинах — они шли босиком по стеклу и щебню, не чувствуя боли, потому что тело будто не принадлежало им. Успокоительные, влитые в вены годами, сделали своё дело: мышцы вялые, движения — как в воде, медленные, неуверенные. Голова кружилась, будто внутри вращался тяжёлый диск. Каждое движение давалось с усилием, будто их тянули вниз невидимые цепи. Их глаза — мутные, белки покрыты сеткой лопнувших сосудов. Зрачки — расширены, не реагируют на свет. Взгляд пустой, рассеянный. Влас пытался сфокусироваться на стене — и вдруг видел, как кирпичи начинают дышать. Андрей слышал шёпот за спиной — но при повороте — никого. Их сознание было раздроблено, как зеркало после удара. Они не помнили, кто они. Не помнили, зачем пришли. Даже имена всплывали с трудом, как утопающие. Они шли по коридору — тёмному, с провисшими проводами, свисающими с потолка, как змеи. Стены — пустые, ободранные, с остатками граффити: «Помогите», «Они не люди», «Я не сумасшедший». На полу — следы босых ног, высохшие, как будто оставленные десятилетия назад. Они шли, не зная куда, не понимая, зачем. Только инстинкт: «Нужно уйти. Должен быть выход». Но каждый поворот вёл в тупик. Они заходили в палаты — глухие, как гробницы, с обломанными дверями, запёртыми извне. Стены — в пятнах, потолки — в плесени. В углу — ржавая умывальник, в другом — обломок кровати с пружинами, торчащими, как кости. Они пытались выбить окно — но стёкла были бронированные, покрытые сеткой. Они бросались к выходу — дверь захлопывалась с лязгом, будто её кто-то закрыл изнутри. Они оказывались в камерах-ловушках, где не было ни окон, ни вентиляции, только железная дверь с глазком. Их запирали. Они кричали. Никто не отвечал. — Выход — хрипел Влас, царапая ржавую ручку. — Откройте! Мы не больные! Мы не должны быть здесь!

Внезапно — шаги. Четыре фигуры в длинных, грязных халатах, с масками на лицах, вышли из тени. Их одежда напоминала медицинские костюмы, но потрёпанные, с пятнами, на одних — резиновые перчатки, на других — очки с треснутыми линзами. Они двигались плавно, почти бесшумно, как роботы. Без эмоций. Без слов. Они скрутили Власа и Андрея, как животных. Прижали к полу, связали руки и ноги проводами от капельниц. Влас пытался сопротивляться — но мышцы не слушались. Андрей кричал — но звук умирал в горле. Их потащили по коридору, оставляя за собой кровавые следы. Затем привязали к ржавым кроватям — ремнями, врезающимися в кожу. И вот — иглы. Холодные. Быстрые. Капельницы, наполненные мутной жидкостью, начали капать в вены. Сознание начало таять. Сознание Власа начало таять — не резко, не как падение, а как медленное растворение в тумане. Сначала исчезла боль в ногах — не сразу, не резко, а поэтапно, как будто кто-то выключал свет в комнате постепенно, от угла к углу. У Власа это началось с пальцев стоп. Он лежал на боку, прижавшись щекой к холодному бетону, и вдруг почувствовал, как жжение в подошвах — то самое, что мучило его с момента побега, когда он шёл по стеклу и щебню, — вдруг стало таять. Сначала — как онемение после удара. Потом — как будто кожа перестала принадлежать телу. Он попытался пошевелить пальцами — и почувствовал движение, но без ощущения. Это было странно: он знал, что шевелит, но не чувствовал, как шевелит. Словно ноги стали чужими, как протезы, подключённые к мозгу проводами, которые кто-то начал отсоединять. Потом онемение поползло вверх — через свод стопы, через лодыжки, по икроножным мышцам, будто по венам разливался лёд. Каждый сантиметр кожи терял связь с сознанием. Он помнил, как боль была — острая, пульсирующая, с каждым шагом отдававшая в позвоночник. Но теперь её не стало. Не утихла. Не ослабла. Исчезла, как будто её никогда и не было. И в этом отсутствии боли было что-то неправильное, почти страшное — ведь боль была единственным, что напоминало: «Ты жив. Ты чувствуешь. Ты здесь». А теперь и это пропало. Он попытался встать — и упал. Не из-за боли. А потому что не чувствовал опоры. Ноги были, но он не знал, где они находятся в пространстве. Он смотрел на них — и видел только мёртвые конечности, приросшие к полу. Потом — ощущение пола под ладонями. Потом — звук собственного дыхания. Он смотрел на руки, но они будто отдалялись: пальцы стали прозрачными, будто сделанными из дыма. Он пытался вспомнить, как его зовут — и имя всплывало, как пузырь на поверхности болота: «Влас... Влас...» — и тут же лопалось. Его мысли больше не складывались в предложения. Они превратились в обрывки, в звуки, в цвета. Он видел цифру 7 — и вдруг понимал, что это не число, а запах плесени. Пытался вспомнить лицо Андрея — и видел вместо него стену с трещиной, похожей на улыбку. Он чувствовал, как время перестаёт течь — оно стало вязким, как смола. Прошое, настоящее, будущее — всё слилось в одно: здесь и сейчас, но без «здесь» и без «сейчас».

Он не знал, лежит или стоит. И это было не метафорой. Это было анатомическое отключение — полный разрыв между телом и сознанием. У Власа пропала проприоцепция — способность чувствовать положение тела в пространстве. Он не ощущал ни пола под спиной, ни ремней на запястьях, ни угла кровати, впившегося в бедро. Его кожа перестала различать давление, вибрацию, температуру. Он знал, что привязан, но не чувствовал верёвок. Он знал, что лежит, но мозг интерпретировал это как парение — как будто он висит в тёмной воде, без верха и низа. Его вестибулярный аппарат будто выключился: никакого ощущения гравитации. Он не мог сказать, наклонён ли он вперёд, назад, вбок — всё было нейтрально, как в космосе. Его мышцы находились в состоянии гипотонии — они не расслабились, они перестали отвечать на команды мозга. Нервные импульсы не доходили. Он пытался сжать кулак — и видел, как пальцы шевелятся, но не чувствовал сокращения мышц. Это было как наблюдать за чужим телом в зеркале. Даже дыхание он ощущал не в груди, а где-то внутри черепа — как пульсацию, отдельную от лёгких. Его зрение раздвоилось: он видел два перекрывающихся мира — один реальный (тусклый, с ржавыми трубами на потолке), другой — внутренний (туманный,

с плавающими пятнами). Он не мог понять, где кончается зрение и начинается галлюцинация. Он не знал, жив или мёртв. Дни проистекали не как время — а как повторение одного и того же сна, в котором нет ни начала, ни конца. Никаких часов. Влас и Андрей сидели в палате заброшенной психиатрической лечебницы. Время здесь потеряло смысл. Часы давно остановились, и никто не знал, сколько прошло с тех пор, как они оказались в этом месте. Палата была пустой, если не считать двух кроватей, стоявших у противоположных стен. На одной лежал Влас, на другой — Андрей. Они были привязаны к спинкам, чтобы не смогли сбежать. Их тела были покрыты капельницами, через которые в них вливали успокоительные препараты. Свет в палате был тусклым и мигающим, создавая иллюзию, что время от времени он гаснет и загорается вновь. Тени от мебели и кроватей плясали на стенах, словно живые существа. Андрей смотрел на Власа, пытаясь уловить хоть намёк на то, что происходит. Но лицо друга было неподвижным, словно маска. Глаза его были пусты, и казалось, что он погружён в свои мысли. Влас чувствовал, как его сознание начинает растворяться. Мысли становились всё более размытыми, а реальность — всё более призрачной. Он слышал голоса, но не мог понять, чьи они. Видел образы, но не мог определить, реальны они или нет. Андрей тоже чувствовал, как его разум погружается в хаос. Он пытался бороться с успокоительными, но с каждой минутой это становилось всё труднее. Его тело становилось тяжёлым, а мысли — вязкими, как густой сироп. Они сидели в тишине, нарушаемой только звуком капель, падающих в капельницы, и тихим шорохом теней. Время здесь потеряло свою власть. Часы остановились, и никто не знал, сколько времени прошло с тех пор, как они оказались в этом месте. Никакого света за окном. Влас и Андрей находились в заброшенной психиатрической лечебнице, где время потеряло своё значение. Свет в палате был тусклым и мерцающим, создавая ощущение, что он то гаснет, то загорается вновь. Это мерцание вызывало иллюзию, что тени от мебели и кроватей движутся по стенам, словно живые существа. Палата была почти пустой, если не считать двух кроватей у противоположных стен. Каждая из них была прикована к спинкам, чтобы пациенты не могли сбежать. Их тела были покрыты множеством капельниц, через которые им вливали успокоительные препараты. Эти капельницы издавали тихий, монотонный звук, напоминающий о течении времени, которое здесь остановилось. Воздух был спёртым, наполненным запахом лекарств и сырости. На стенах висели старые, выцветшие плакаты с предупреждениями о правилах поведения, которые давно никто не читал. Потолок был покрыт паутиной трещин, через которые просачивался слабый свет, создавая на полу причудливые узоры. На полу лежал слой пыли, который никто не убирал. Старые, скрипучие половицы прогибались под весом кроватей, добавляя к общей атмосфере заброшенности. В углу комнаты стояла старая тумбочка, покрытая толстым слоем грязи, на которой лежали несколько пустых бутылок из-под лекарств и старые журналы, давно потерявшие обложки. Свет в палате был настолько тусклым, что невозможно было разглядеть что-либо дальше вытянутой руки. Влас и Андрей, привязанные к кроватям, не могли даже встать, чтобы осмотреться. Они были погружены в забвение, их сознание было затуманено препаратами, и они не могли вспомнить, как оказались в этом месте. Единственное, что они слышали, — это звук капель, падающих в капельницы, и тихий шорох теней, которые, казалось, оживали в темноте. Никаких дней недели. В заброшенной психиатрической лечебнице дни недели утратили всякое значение. За стенами здания время словно остановилось, и даже персонал, если он ещё был, не мог понять, сколько дней прошло с последнего визита. Свет в палате становился всё более тусклым, создавая ощущение, что он то загорается, то гаснет вновь, погружая Власа и Андрея в вечную ночь. Процесс кормления пациентов проходил без каких-либо признаков регулярности. Персонал, если он появлялся, делал это в самые неожиданные моменты, словно они не имели ни расписания, ни графика. Звук шагов, шорох одежды и скрип дверей эхом разносились по палате, вызывая у Власа и Андрея чувство ещё большей дезориентации. Когда кто-то из персонала наконец появлялся, он подходил к их кроватям и молча начинал вливать через капельницы очередную порцию успо-

коительных препаратов. Это происходило в полной тишине, нарушаемой лишь тихим звуком капель, падающих в стеклянные сосуды. Влас и Андрей, погружённые в состояние забвения, не могли даже реагировать на происходящее. Их тела были настолько ослаблены препаратами, что они не могли ни двигаться, ни говорить. Единственным их ощущением были холодные прикосновения капельниц и тяжёлый запах лекарств, заполняющий палату. По мере того как время шло, их состояние ухудшалось. Они всё больше погружались в мир иллюзий и кошмаров, где тени оживали, а каждый шорох воспринимался как угроза. Ни один из них не мог вспомнить, как они оказались в этом месте, и надежда на спасение угасала с каждым новым днём, которого здесь не было. Только цикл, в котором всё вращалось вокруг трёх действий: еда — сон — забвение. Процесс кормления пациентов проходил без каких-либо признаков регулярности. Персонал, если он появлялся, делал это в самые неожиданные моменты. Влас и Андрей не могли предугадать, когда именно к ним подойдёт кто-то из медработников. Когда кто-то из персонала наконец появлялся, он подходил к их кроватям и молча начинал вливать через капельницы очередную порцию питательных и успокоительных препаратов, замаскированных под еду в жидком виде. Это происходило в полной тишине, нарушаемой лишь тихим звуком капель, падающих в стеклянные сосуды. Пациенты не могли даже реагировать на происходящее из-за ослабленного состояния. Сон Власа и Андрея был тревожным и прерывистым. Свет в палате становился всё более тусклым, создавая ощущение, что он то загорается, то гаснет вновь, погружая пациентов в состояние полудрёмы. Шорохи и звуки шагов эхом разносились по палате, нарушая хрупкое спокойствие сна. Иногда им казалось, что кто-то стоит у их кроватей и наблюдает, но в следующий момент они снова погружались в забытие. Влас и Андрей были погружены в состояние забвения из-за действия успокоительных препаратов. Их тела были настолько ослаблены, что они не могли ни двигаться, ни говорить. Единственным их ощущением были холодные прикосновения капельниц и тяжёлый запах лекарств, заполнявший палату. С каждым днём их состояние ухудшалось. Они всё больше погружались в мир иллюзий и кошмаров, где тени оживали, а каждый шорох воспринимался как угроза. Они не могли ни вспомнить, как оказались в этом месте, ни вырваться из этого замкнутого круга. Надежда на спасение угасала с каждым новым днём, которого здесь не имело смысла считать. И каждый раз — всё глубже в пустоту. В сознании Власа и Андрея царила тьма, наполненная кошмарами и иллюзиями. Они ощущали, как с каждым днём погружаются всё глубже в пустоту, из которой нет выхода. Мысли путались, образы искажались, и реальность становилась всё более призрачной. Они не могли сосредоточиться ни на чём конкретном, их сознание было заполнено страхом и безысходностью. В этой темноте они видели тени, которые оживали и преследовали их, слышали шорохи, которые казались угрожающими и зловещими.

Глава 2

Память отказывала им, они не могли вспомнить, как оказались в этом месте, что привело их сюда. Время потеряло свой смысл, дни сливались в один бесконечный кошмар. Надежда на спасение становилась всё более призрачной, и они чувствовали, что каждый новый день лишь углубляет их погружение в эту бездну. Их сознание теряло связь с реальностью, границы между сном и явью стирались. Они ощущали себя trapped (словно в ловушке) в этом мире иллюзий, где каждое движение и каждый звук были лишь отражением их собственного страха и отчаяния. Они пытались найти выход, но каждый раз оказывалось, что пути назад нет. Их сознание становилось всё более хрупким, и они чувствовали, что с каждым мгновением всё ближе к краю пропасти, из которой невозможно выбраться. Каждое «утро» — если так можно назвать момент, когда капельница заканчивала капать, и в коридоре раздавались шаги, — начиналось одинаково. Сначала — звон металла. Где-то вдалеке открывалась дверь. Появлялись они — в своих гримах, в серых халатах, с лицами, нарисованными чужой логикой. Без слов. Без взгляда. Они подходили к кроватям, проверяли ремни, вынимали иглы, вставляли новые — и один из них, с треснутыми очками, подносил к губам Власа пластиковую ложку. — Проглоти, — говорил он, но голос звучал, как из динамика, искажённо, с эхом. На ложке — жидкая каша: серая, тёплая, без запаха. Она не была противной. Она не была вкусной. Она просто существовала, как вода, как воздух. Влас глотал не потому что хотел, а потому что это рефлекс как у собаки, слюна которой течёт при звуке колокольчика. Он не чувствовал голода. Он не чувствовал сытости. Он просто проглатывал, и это означало: «ещё один день». Андрей делал то же самое. Он смотрел в сторону, пока его кормили, как ребёнка. Его глаза — пустые. Глаза Андрея в этот момент были абсолютно пустыми, лишёнными какого-либо выражения или мысли. В них не было ни намёка на узнавание или интерес к происходящему. Они казались безжизненными зеркалами, отражающими лишь тусклый свет, проникающий через пыльные окна заброшенной психиатрической лечебницы. Его взгляд был устремлён вдаль, но не видел ничего, словно он находился в своём собственном мире, куда не достигали звуки и запахи реальности. В этих глазах читалась глубокая печаль и безысходность, они были словно застывшими в вечном кошмаре. Его рот — открывался. Рот Андрея открывался медленно и с трудом. Его движения были скованными и неуклюжими. Нижняя челюсть опускалась, обнажая зубы, при этом было заметно, как напряжены мышцы лица. Губы Андрея слегка дрожали, когда он пытался поднести ложку ко рту и затем проглотить кашу. Видно было, что процесс приёма пищи требует от него значительных усилий. Он глотал. И снова — ничего. После еды — туалет. Влас и Андрей поднялись со своих мест. Влас двинулся уверенно и легко, в то время как Андрей шёл медленно и аккуратно. Его движения были обдуманными, чтобы сохранить равновесие и устойчивость. Андрей подошёл к туалету, опираясь при необходимости на окружающие предметы для поддержки. Влас открыл дверь туалета для Андрея и убедился, что всё в порядке. Затем Влас также воспользовался туалетом. Оба действовали спокойно и сосредоточенно. После того как они закончили, Влас помог Андрею привести себя в порядок и выйти из туалета, проявляя заботу и внимание. Их отвязывали, но не полностью. Руки оставались в ремнях, только на ноги надевали резиновые петли, чтобы не упали. Их вели по коридору — медленно, как статуи на верёвках. В туалетную комнату — с обломанным унитазом, в котором плескалась тёмная жижа. Они мочились стоя, не стесняясь. Не потому что привыкли. А потому что стыд исчез, как и всё остальное. Они не чувствовали ни тепла мочи, ни запаха. Они просто выполняли действие, как роботы. Потом — обратно на кровать. Ремни. Новые капельницы. Мутная жидкость — цвета старого молока — начинает капать в вену. И вот — сознание начинает таять. И тогда приходит главный вопрос, который больше не формулируется словами, а живёт в самом существовании, как тень: — Он не знал, жив или мёртв. Каждый из них не знал, жив он здесь или мёртв. Не знал — и не хотел

знать, потому что знание требует усилия. А усилия — боли. А боли — уже нет. Только пустота, в которой даже вопрос «жив ли я?» теряет смысл. Влас лежал и смотрел в потолок. Он не моргал. Он не думал. Он просто был — или, может, не был. Он пытался вспомнить, каково это — чувствовать радость. И не мог. Пытался вспомнить, каково это — испытывать страх. И тоже не мог. Он не чувствовал ни любви, ни ненависти, ни тоски, ни надежды. Он не чувствовал ничего, кроме лёгкого давления в груди — как будто сердце бьётся, но не для него. Он думал: «Если я не чувствую боли — я жив?»

«Если я не помню прошлое — я существую?»

«Если я не хочу выйти — я пленник или свободен?»

Но мысли не развивались. Они возникали — и тут же тонули, как камни в чёрной воде. Он не плакал. Он не кричал. Он не молился. Он просто принимал. Как дождь. Как снег. Как смерть. И в этом принятии было что-то ужасающе спокойное. Он не боролся. Он не сопротивлялся. Он растворялся — как соль в воде. И чем глубже он погружался в забвение, тем сильнее становилось ощущение: «Может, я уже умер. Может, это и есть ад — не огонь, не крики, а тишина. Не суд. Не наказание. А просто — отсутствие.»

Андрей чувствовал то же, но иначе. Для него вопрос «жив ли я?» не был философским. Он был физическим. Он пытался пошевелить пальцем — и видел, как он двигается. Но не чувствовал. Он слышал собственное дыхание — но оно будто шло из другого тела. Он смотрел на руки — и не узнавал их. Они были слишком бледные. Слишком тонкие. Слишком чужие. Он думал: «Если я не чувствую себя — я ли это?»

«Если я не помню, кто я — кто тогда лежит здесь?»

«Если я не хочу уйти — я погибаю или уже погиб?»

И вдруг — слеза. Одна. По щеке. Он не плакал. Он не чувствовал грусти. Но слеза была. Как рефлекс. Как утечка жидкости из сломанного механизма. И в этой слезе — всё. Вся его человечность. Вся боль. Вся память. Вся надежда. Она скатилась по виску, упала на подушку — и впиталась, как капля дождя в пустыне. Он не знал, жив или мёртв. Но эта слеза — доказывала, что где-то глубоко, под слоями препаратов, страха, забвения, что-то ещё боролось. Не за жизнь. А за право помнить, что он был жив. И пока это что-то было — он не мог быть мёртвым. Даже если сам в это не верил. Он не знал, был ли он когда-нибудь человеком. Его «я» — как лёд на солнце: сначала края начали стекать, потом — углы, потом — вся суть. Осталась только пустота, тёплая, убаюкивающая, как колыбель. Голова — как ватная. Глаза — закрылись. Они забыли, где они. Забыли, кто они. Забыли, что вообще что-то забыли. Андрей чувствовал это позже — но глубже: боль исчезла иначе — изнутри. Он сидел, прислонившись к стене, и вдруг почувствовал, как пульсация в коленях — тупая, но постоянная, от долгого бега и падений — вдруг оборвалась. Не стихла. Оборвалась, как нить, перерезанная ножницами. Он даже вздрогнул — не от боли, а от странного ощущения пустоты. Будто в коленях были дыры, а не суставы. У Андрея отключение было ещё глубже. Он не просто не знал, лежит или стоит — он не знал, есть ли у него тело вообще. Его сенсорная кора перестала обрабатывать входящие сигналы. Он ощущал отсутствие границ. Руки, ноги, голова — всё слилось в единое, бесформенное ощущение существования, как будто он стал облаком сознания, подвешенным в пустоте. Он не чувствовал ремни на груди, хотя они врезались в кожу. Он не чувствовал иглу в вене, хотя по ней капала мутная жидкость. Он не чувствовал холода, хотя бетон под ним был влажным и ледяным. Его телесная карта в мозге расплылась: — руки были где-то далеко, — ноги — вовсе исчезли, — голова — будто плавала отдельно, в темноте. Он пытался вспомнить, каково это — стоять, и вспоминал только ощущение давления на подошвы. Но теперь его не было. Он пытался вспомнить, каково это — лежать, и вспоминал давление на лопатки, на затылок. Но и этого не было. Он существовал — но без тела. Только мысль, и пустота, и ритм капельницы, и шум в ушах, и грим. Да, грим. Потому что те, кто возвращали их в забвение, выглядели не как люди. Они были в медицинских халатах, но не белых, а серых, как пепел, с

пятнами, похожими на старую кровь. Их лица — скрыты под масками, но не хирургическими, а резиновыми, с неправильными чертами — будто нарисованными. Глаза — затемнённые, как у кукол. Руки — в резиновых перчатках, но слишком длинных, с пальцами, загнутыми под неестественным углом. Они двигались плавно, синхронно, без спешки, как актёры в театре абсурда. Их действия — ритуальны. Они не разговаривали. Они шептали, но не слова — звуки, похожие на старые магнитофонные записи, прокрученные в обратную сторону. Их лица — не лица, а маски, натянутые на череп. Неестественные улыбки. Слишком широкие губы. Глаза — не мигают. Это был грим, но не театральный. Грим реальности. Как будто сами законы восприятия были искажены, и эти существа — продукт иллюзии, созданной больницей, лекарствами, страхом. Они подходили к кроватям. Одни держали Власа. Другие — Андрея. Они не били. Не кричали. Они просто делали свою работу, как будто накачивание людей снотворным — это последний акт заботы. Один из них — с маской, похожей на лицо старого врача, с морщинами, нарисованными чёрной краской, — наклонился к Андрею. Его губы шевельнулись: — Ты уже не страдаешь. Это и есть покой. И ввёл иглу. Медленно. Без спешки. Как художник, завершающий картину. Андрей не сопротивлялся. Он смотрел в потолок. И не знал, лежит или стоит. Он уже не знал, жив он или давно мёртв. Он только чувствовал, как сознание тает, и как грим реальности становится единственной правдой. Потом — тепло. Нет, не тепло. Иллюзия тепла. Он почувствовал, как по бёдрам разливается приятная, ленивая волна — как после горячей ванны. Но он знал: пол холодный, а тело — в ссадинах. Это было обманом нервной системы, обманом, созданным препаратами, влитыми в его вены. Он понял: боль не ушла — её просто выключили. Как свет. Как звук. Как память. Он попытался вспомнить, как боль чувствовалась — и не смог. Он помнил, что была боль. Но не помнил, какая. Он не мог вспомнить, где именно болело. Он не мог вспомнить, был ли это укол, резь, жар, давление — ничего. Только абстрактное знание: «Раньше было плохо. Сейчас — нет». И в этом отсутствии боли он вдруг почувствовал свободу — но не настоящую. Искусственную. Ту, что даётся не через исцеление, а через отключение. Он понял: если боль — это сигнал, что ты жив, то её отсутствие — сигнал, что ты уже не совсем человек. Ты — тень. Ты — оболочка. Ты — то, что остаётся, когда всё, что связывает с реальностью, отрезано. И всё же — в этой пустоте, в этом онемении, было облегчение. Приятное. Гипнотическое. Как если бы мир, наконец, сказал: «Хватит. Отдыхай. Боль больше не твоя». И он сдался. Не потому что хотел, а потому что не было сил чувствовать. Для него растворение началось изнутри. Сначала — сердце. Оно не остановилось, но изменилось в ритме: удары стали не синхронны с дыханием, а будто отдельной жизнью. Потом — тело. Оно больше не принадлежало ему. Он чувствовал, как руки и ноги отключаются, один за другим, как лампочки, гаснущие в длинном коридоре. Он пытался пошевелить пальцем — и не мог понять, сделал он это или нет. Его сознание погрузилось в пелену препаратов, которые вливались в вены. Это был не просто сон — это был отказ от реальности. Он видел образы: — себя в детстве, — мать, которая зовёт его на ужин, — статью, которую они писали с Власом, — женщину с пудом муки. Но каждый образ расплывался, как акварель под дождём. Он пытался ухватиться за воспоминание — и оно ускользало. Он пытался крикнуть — и голос растворился в гортани. Он пытался плакать — но слёз не было. Только лёгкая истома, приятная слабость, желание не думать, не чувствовать, не быть. Его мысли не исчезали — они превращались в звуки: — шипение капельницы, — гул в ушах, — далёкий смех, — шёпот: «Ты уже не ты». Он перестал сопротивляться. Он сдался. И в этом сдаче было что-то почти святое — как если бы он, наконец, понял: борьба — иллюзия. А истина — в отсутствии. Его сознание растаяло — не как лёд, а как дым от сигареты, унесённый сквозняком. Осталась только пустота, и в ней — тишина, и в тишине — одно слово, едва слышное: «...свободен...»

Дни сливались в однообразие: Приносили еду — жидкую кашу, тёплую, без вкуса. Они ели, не чувствуя. Водили в туалет — грязную яму, где пол был скользким от мочи. Они мочились, не стесняясь. Затем — сон. Глубокий, тяжёлый, без снов. Просыпались — и снова забы-

вали. Ели — и снова забывали. Жили — и не знали, что живут. Но однажды — Андрей вспомнил. Не сразу. Сначала — образ: дом на окраине города. Потом — голос: «Мы писали статью...»

И наконец — правда: «Это не больница. Это особняк. Это испытание. Мы должны уйти». Он схватил Власа за руку — дрожащую, холодную, но живую. — Влас... Влас, слушай! Мы не больные! Это не реальность! Это... это ловушка! Мы должны бежать!

Влас медленно поднял голову, его глаза были полны усталости и недоумения. Он смотрел на Андрея, как на человека, внезапно сошедшего с ума. Его голос был мягким, но твёрдым, как будто он пытался убедить не только Андрея, но и самого себя. — Андрей, что ты говоришь? Мы здесь не для того, чтобы убегать. Мы здесь, чтобы помочь людям. Мы выполняем важную миссию. Он сделал шаг назад, как будто пытаясь отстраниться от слов Андрея. Его взгляд метнулся по комнате, как будто искал подтверждение своим словам в окружающей обстановке. Влас провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями. — Это не ловушка. Это реальность. Мы здесь по своей воле. Мы должны завершить то, что начали. Его голос дрожал, но он старался говорить уверенно. Влас сделал ещё один шаг назад, его плечи опустились, как будто он почувствовал тяжесть своих слов. — Андрей, я не могу оставить всё это. Я не могу просто так уйти. Мы здесь не для этого. Он снова поднял взгляд на Андрея, его глаза были полны боли и разочарования. Влас покачал головой, как будто пытаясь отогнать тревожные мысли. — Мы не больные. Мы просто... мы просто выполняем свою работу. Это важно. Это необходимо. Его слова звучали как заклинание, как попытка убедить самого себя в том, во что он больше не верил. Влас закрыл глаза, как будто пытаясь найти в себе силы противостоять реальности, которую так упорно отрицал. — Пожалуйста, Андрей. Пожалуйста, не заставляй меня делать это. Мы должны остаться. Мы должны завершить это. Они встали. Влас стоял, закрыв глаза и пытаясь собраться с мыслями. В комнате повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь его тяжёлым дыханием. Внезапно он почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Слова Андрея, его настойчивость, а также собственные сомнения и усталость сделали своё дело. Влас открыл глаза и посмотрел на Андрея. В его взгляде читались боль, разочарование и страх. Он понимал, что больше не может игнорировать реальность. Влас сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь унять дрожь в голосе. — Андрей... — начал он, — я... я понял тебя. Мы не можем просто так оставить всё это, но... но я чувствую, что-то не так. Я не могу рисковать. Влас сделал шаг вперёд, навстречу Андрею, и опустил голову. В этот момент он принял решение. Он понял, что должен бежать, должен спасти себя и, возможно, Андрея от того, что их ожидало. — Давай уйдём, — сказал он тихо, но твёрдо. — Давай завершим это по-другому, без риска для жизни. Он поднял голову и посмотрел Андрею в глаза. В его взгляде была решимость. Влас был готов к тому, чтобы изменить свой путь, готов к побегу. Влас и Андрей, понимая, что каждая секунда на счету, быстро освободились от своих кроватей. Влас, взяв матрас за угол, с силой отбросил его в сторону. Андрей, воспользовавшись моментом, вскочил с кровати и начал разбирать подушки и одеяла, чтобы создать импровизированный барьер. Они действовали слаженно и быстро, понимая, что каждый шаг может быть решающим. Влас, используя свою силу и ловкость, освободил Андрея от цепей, которые удерживали его на кровати. В этот момент в комнату ворвались вооружённые люди, но Влас и Андрей были уже готовы к бою. Андрей, взяв одну из подушек, бросил её в лицо ближайшего нападающего, создавая хаос и отвлекая внимание. Влас, воспользовавшись этим, бросился к окну, разбил его и выпрыгнул на улицу. Андрей, быстро оценив ситуацию, последовал за ним, прыгнув в темноту ночи. Темнота ночи за окном оказалась бездной, и они продолжали падать в темноту неизвестное им количество времени. Влас и Андрей оказались в полной неизвестности, словно вырвались из одной бездны пленённого прошлого и попали в другую — стены психиатрической больницы «Горизонт 7» встретили их снова. Они не понимали, где находятся и как сюда попали, но отчётливо помнили, что это не то место, из которого они планировали вырваться. Они бежали, не оглядываясь,

зная, что впереди их ждёт новая жизнь, полная опасностей и трудностей, но они были готовы к этому. Влас и Андрей понимали, что только вместе они смогут преодолеть все преграды и выжить в этом суровом мире. Вокруг были знакомые коридоры и комнаты, где каждый уголок был частью их недавнего плена. Стены давили, напоминая о том, что совсем недавно они были ограничены в своих действиях, заперты в своих камерах. Капельницы, разорванные в порыве бегства, символизировали их освобождённость от физической и, возможно, психологической зависимости. Они бросились бежать, не разбирая дороги, пытаясь как можно дальше уйти от места, которое ассоциировалось с пленом. Каждый шаг был наполнен адреналином и страхом, но в то же время давал ощущение свободы и надежды на новую жизнь. Они понимали, что теперь их главная задача — не попасться и не вернуться в тот плен, из которого они только что вырвались. Кровати — позади. Капельницы — разорваны. Они побежали. Маршрут был адом: коридоры, лестницы, тоннели, снова коридоры. Коридоры были узкими и извилистыми, словно запутанные улочки старинного японского городка в сумерках. Стены украшали бумажные фонарики, которые уже потеряли свой яркий цвет и поблёкли от времени, напоминая о майских выходных в Японии, но эта атмосфера не несла в себе привычной умиротворённости. Воздух был тяжёлым и душным, пропитанным запахом старых бумаг и пыли. Трещины на стенах, из которых слезла краска, зигзагами разрезали пространство, словно шрамы на теле. Следы крови на полу и стенах дополняли мрачную картину, создавая ощущение безысходности и отчаяния. Лестницы были мрачными и пугающими, с истёртыми ступенями и скрипучими перилами. Казалось, что каждая ступенька стонет под весом времени и страданий, которые здесь пережили другие. В углах виднелась паутина, а тусклый свет ламп создавал тени, которые будто оживали и двигались в темноте. Тоннели напоминали лабиринт, где каждый поворот сулил новые испытания. Здесь чувствовалась воля — воля к сопротивлению и борьбе, но в то же время — и воля к отчаянию, к потере надежды. Стены были влажными и скользкими, словно пропитанными слезами и кровью тех, кто прошёл этим путём до них. Снова коридоры, с треснувшими от слезшей краски стенами и следами крови. Запах сырости и гнили смешивался с металлическим запахом ржавчины, создавая удушающую атмосферу. Каждый шаг отзывался эхом, словно в этих стенах звучали голоса тех, кто был здесь до Власа и Андрея. Погоня за Власом и Андреем началась внезапно, словно пляска теней в тусклом свете ламп. Четверо преследователей двигались быстро и решительно, их шаги эхом разносились по коридорам. Они шли без спешки, будто знали, что для пляски у них достаточно времени, что беглецы не смогут ускользнуть. Влас и Андрей бежали, но их ноги подкашивались, как у раненых коней. Каждый шаг сопровождался падением — Влас падал на бетон, Андрей поднимал его, и они продолжали свой путь. Но силы покидали их, мышцы горели, сердце билось, словно хотело вырваться из груди. Преследователи словно вели свою зловещую пляску, методично приближаясь к Власу и Андрею. Их движения были точными и выверенными, будто каждый шаг был заранее отрепетирован. Они не торопились, зная, что беглецам некуда деться — ни в узкие коридоры, ни в мрачные тоннели. Влас и Андрей пытались скрыться, но каждый поворот открывал перед ними новые лица преследователей, продолжающих свою мрачную пляску. Воздух был пропитан напряжением и страхом, а каждый шорох заставлял беглецов вздрагивать. И вот они — в ловушке, окружённые со всех сторон. Пляска теней и преследователей достигла своего апогея, и Влас с Андреем понимали, что их время на исходе. Они бежали, но ноги подкашивались, как у раненых коней. Один шаг — и Влас падал на бетон. Андрей поднимал его. Ещё шаг — и Андрей спотыкался о провод. Они падали, вставали, падали снова. Ноги не слушались. Мышцы горели. Сердце билось, как будто хочет вырваться. И тут — погоня. Те же четверо. Они шли быстро. Без спешки. Как будто знали, что беглецы никуда не денутся. Они настигли их в предоперационной — с ржавым столом, инструментами в открытом ящике. Скрутили, но Влас ударил одного головой. Андрей вырвался. Они убежали. В голове — белый шум. Не звук, а состояние. Влас и Андрей бежали по мрачным коридорам, их одежда превра-

тилась в лохмотья. Они были измотаны, их мышцы горели, а дыхание сбивалось. Вокруг них царила тишина, но не та, что приносит покой, а та, что давит и оглушает, словно «белый шум». Этот шум наполнял всё пространство, заглушая мысли и создавая ощущение безысходности. Каждый шаг давался с трудом, ноги казались ватными, а мир вокруг сливался в одно размытое пятно. Влас и Андрей чувствовали, как силы покидают их, но продолжали бежать, ведомые инстинктом самосохранения. Они бежали по лабиринту бетонных стен, и каждый поворот открывал перед ними всё те же мрачные коридоры и преследователей, которые не отставали. Влас и Андрей понимали, что их состояние — это не просто физическая усталость, это ещё и моральное истощение, которое делает их ещё более уязвимыми. «Белый шум» в их сознании усиливал ощущение безнадежности, но они продолжали бежать, надеясь на чудо. Они были готовы на всё, чтобы выжить и выбраться из этого кошмара. Пустота. Без мыслей. Без страха. Без боли. Только приятное забвение, как после сильного снотворного. Им становится плевать. Где они? Кто они? Зачем бежать?

Хочется просто сесть. Прижаться к стене. Закрыть глаза. И раствориться. Они садятся. Ничего не делают. Мыслей нет. Ничего нет. Только тишина. И тяжесть. И желание больше никогда не вставать. Но потом — снова встают. Не потому что хотят. А потому что что-то внутри шепчет: «Не сдавайся». Они идут. Один коридор — как второй. Длинный, прямой, с потолком в трещинах, похожий на подземный бункер. Второй — как третий. С изгибом, как кишка. С поворотом на 90 градусов, ведущим в никуда. Стены — гладкие, но в трещинах. Пол — бетонный, с выемками от колёс каталок. Всё одинаково: тьма, тишина, запах мочи, стены, стены, стены. Они шли. Не помнили себя. Не понимали, почему здесь так пахнет. Не задавались вопросом, сколько времени прошло. Они просто шли. Становились частью здания. Как лишайник на стене. Как пыль на полу. Как эхо, повторяющееся в пустоте. И вот — тупик. Глухая стена. Масляные пятна. Они облокотились. Глаза закрылись. Сознание отключилось. Их воля была сломлена. Они не сопротивлялись. Им было приятно сдаваться. Приятно забыть. Приятно перестать быть собой. — Зачем мы здесь? — прошептал Влас. — Почему я кричу?.. Что я забыл?.. Он пытался думать, но мысли распадались. Цель... есть ли она?.. Или всё — просто цепь страданий?.. Может, не бежать — а принять?.. Но тогда зачем я вообще родился?.. Чтобы стать тенью в этой больнице?.. Чтобы забыть, что у меня была жизнь?.. Но если нет цели — зачем бороться?.. А если есть — где она?.. Он смотрел на руки — дрожащие, в царапинах, с обломанными ногтями. — Я... я не помню, зачем бежал... Я не помню, кто меня гонит... Я не помню, кто я... Почему я здесь?.. Что это за место?.. Их сознание тонуло — как камень в чёрной воде. Мысли распадались: Влас снова лежал на больничной койке, его мысли были мрачными и тревожными. За стенами больницы мир казался ему жестоким и непредсказуемым. Влас часто думал о различных катастрофах, которые могли произойти в России: от природных катаклизмов до техногенных аварий. Каждый раз, когда его мысли обращались к этим катастрофам, его охватывало чувство безысходности. Он представлял себе, как города превращаются в руины, как люди теряют свои дома и близких, как рушатся привычные устои жизни. Эти мысли были тяжёлыми и изматывающими, они отнимали у него последние силы. Иногда, когда Влас думал о катастрофах, его охватывало полное забвение. В эти моменты он словно выпадал из реальности, и его разум погружался в пустоту. Он не мог вспомнить, кто он и где находится, и лишь больничная койка служила ему ориентиром. Это забвение было спасительным, оно давало ему временную передышку от мрачных мыслей и отчаяния. Однако каждый раз, когда Влас возвращался в сознание, его страхи и тревоги вновь обрушивались на него, и он продолжал бороться с этими мыслями, надеясь на лучшее будущее и молясь о том, чтобы катастрофы обошли его стороной. Мысли о любой катастрофе за стенами больницы — и... забвение...

Андрей, в отличие от Власа, старался не погружаться в мрачные мысли о возможных катастрофах. Он верил в силу человеческого разума и в то, что люди всегда находят способ

преодолеть трудности. Однако иногда, когда стресс становился невыносимым, его сознание начинало ускользать. Мысли о возможных общественных катастрофах в России вызывали у Андрея чувство тревоги, но не безысходности. Он представлял себе хаос и разрушения, но в его воображении сразу же возникали образы людей, объединяющихся перед лицом опасности, готовых помогать друг другу и восстанавливать разрушенное. Эти мысли помогали ему сохранять надежду и веру в лучшее. Однако иногда, в моменты сильного эмоционального напряжения, Андрей ощущал, как его сознание начинает затуманиваться. В эти мгновения он словно отделялся от реальности, и его мысли теряли чёткость. Он переставал осознавать своё окружение и погружался в состояние, похожее на забвение. В такие моменты он не думал ни о чём конкретном, его разум просто отдыхал от потока информации и переживаний. Это забвение было для Андрея не просто временной передышкой, а способом сохранить психическое равновесие в условиях неопределённости и стресса. Оно помогало ему перезагрузиться и вернуться к реальности с новыми силами и ясным умом. Мысли о любой катастрофе за стенами больницы — и... забвение...

Влас, в отличие от Андрея, был склонен погружаться в мрачные мысли о возможных катастрофах. Он представлял себе хаос и разрушения, где флора и фауна страдают от последствий человеческих действий и природных катаклизмов. В его воображении катастрофы казались неизбежными и необратимыми, и он часто думал о том, как природа может стать ещё более уязвимой в условиях общественных потрясений. Эти мысли вызывали у Власа чувство безысходности и тревоги. Иногда в моменты сильного стресса Влас ощущал, как его сознание начинает погружаться в забвение образов разрушений и страданий. Он не видел выхода из ситуации и думал, что даже природа может не выдержать, а последствия будут необратимыми. Мысли о любой катастрофе за стенами больницы — и... забвение...

Андрей, в отличие от Власа, старался не погружаться в мрачные мысли о возможных катастрофах. Он верил в силу человеческого разума и в то, что люди всегда находят способ преодолеть трудности. Однако иногда, когда стресс становился невыносимым, его сознание начинало ускользать. Мысли о возможных общественных катастрофах в России вызывали у Андрея чувство тревоги, но не безысходности. Он представлял себе хаос и разрушения, но в его воображении сразу же возникали образы флоры и фауны, которые выживали даже в самых тяжёлых условиях. Люди же, по его мыслям, объединялись, помогали друг другу и восстанавливали разрушенное. В моменты сильного эмоционального напряжения Андрей ощущал, как его сознание начинает затуманиваться. Он не думал ни о чём конкретном, и в эти мгновения в его воображении возникало нечто вроде картины, где природа и люди вместе ищут путь к преодолению трудностей. Это помогало ему перезагрузиться и вернуться к реальности с новыми силами и ясным умом. Они не могли удержать ни одной идеи. Каждая мысль — как рыбка, вырывающаяся из рук. Они были не людьми — а обломками разума, брошенными в океан безумия. И в этой тьме, в этом безумии, в этом упадке разума — они вдруг услышали шёпот. Тихий, но ясный: — На самом деле... вы уже свободны. Влас и Андрей были охвачены паникой. Они не понимали, что происходит, и не знали, как выбраться из этого кошмара. В их сознании смешивались реальность и иллюзия, и они не могли отличить одно от другого. И вдруг им повсюду начала мерещиться женщина с пудом муки. Она возникала из тени и шептала: «На самом деле...» Её образ был настолько реалистичным, что Влас и Андрей чувствовали её дыхание на своей коже. Они пытались убежать от неё, но она всегда оказывалась впереди. Каждый шорох заставлял их вздрагивать. Они слышали шаги за спиной, чувствовали чьё-то присутствие. Влас и Андрей были уверены, что за ними кто-то следит, кто-то, кто хочет их напугать и не дать им выбраться. Они пытались кричать, но голоса не было. Они пытались найти выход, но все пути были закрыты. Влас и Андрей чувствовали, как страх сковывает их тело, как он проникает в каждую клеточку их существа. Загадка Первой фазы — страх для

Власа и Андрея распадалась, как старая штукатурка под дождём, под напором одного-единственного, но неотвратимого вопроса: «А если это не ловушка... а ключ?»

Влас, с его острым умом и аналитическим складом, задумался о природе власти и её роли в их ситуации. Он вспомнил идеи Осаки о том, что власть — это не только контроль над ресурсами, но и способность формировать реальность, влиять на восприятие и поведение других. Андрей, более эмоционально настроенный, ощущал, как внутри него нарастает напряжение. Он размышлял о том, как власть может быть использована как инструмент для достижения целей, но также как источник манипуляций и обмана. Вопросы о том, кто контролирует ситуацию и как это влияет на их будущее, становились всё более актуальными. Осознавая, что они оказались в центре событий, где власть играет ключевую роль, Влас и Андрей начали искать скрытые механизмы и стратегии. Они понимали, что для того чтобы понять, является ли это ловушкой или ключом, им нужно проникнуть глубже в суть происходящего. Шёпот: — На самом деле... вы уже свободны. Они пошли на звук и оказались на кухне с печкой. Татарка кучерявая с чёрными волосами, лет шестидесяти, стояла у печи, держа в руках муку. Её лицо, испещрённое мелкими морщинками, светилось теплотой и заботой. Влас и Андрей, уставшие и измотанные, сидели за столом, пытаясь осмыслить её слова. — Как это возможно? — тихо спросил Влас, глядя на старуху. — Мы же... — Вы уже свободны, — повторила она, не оборачиваясь. — Но чтобы это понять, вам нужно заглянуть внутрь себя. Власть — это не то, что вы думаете. Она внутри вас, как вода в реке, как ветер в поле. Вы можете использовать её, но она никогда не принадлежит вам полностью. Андрей нахмурился, пытаясь осмыслить её слова. — Что ты имеешь в виду? — спросил он, глядя на старуху. — Кто контролирует ситуацию? — Вы сами, — ответила она, продолжая пересыпать муку в миску. — Каждый ваш выбор, каждое ваше действие — это часть игры. Вы можете быть пешкой, а можете стать королём. Всё зависит от того, как вы решите играть. Влас и Андрей переглянулись, не зная, верить ли ей. Они понимали, что её слова могут быть ловушкой, но также видели в них что-то правдивое. — Как нам выбраться из этого? — спросил Андрей, чувствуя, как внутри него нарастает надежда. Старуха улыбнулась, её глаза блеснули в свете печи. — Найдите то, что делает вас свободными, — сказала она. — И тогда вы поймёте, что никогда не были в ловушке. Влас и Андрей замолчали, обдумывая её слова. Они поняли, что им нужно найти свой путь, свой ключ к свободе. И, возможно, этот ключ уже давно был у них в руках. Только они снова пошли вдоль бетонных стен этой заброшенной психушки...

Шёпот: — На самом деле... вы уже свободны. Повторялся. Не из одного угла. Не из одного рта. Теперь он звучал всюду — в каплях воды, в скрипе ржавых труб, в шелесте пыли на полу. И с каждым разом он становился яснее, будто не приходил извне, а пробуждался внутри. Влас и Андрей, охваченные паникой, дрожали, прижавшись спинами к стене в тупике коридора. Их грудь вздымалась, но не от воздуха — от бессилия. Они не могли кричать. Не могли бежать. Не могли даже думать. Только чувствовать — как страх проникает в кости, как он переписывает их суть, как он превращает их в тени, боящиеся тьмы. И тогда — она. Женщина с пудом муки. Она появилась из-за угла, не шагая, а возникая, как воспоминание, которое не хотели вспоминать. Белое платье, похожее на больничную рубашку. Руки, сложенные на груди, будто несут ношу. Лицо — спокойное, почти печальное. И в её взгляде — не угроза, а вопрос. — На самом деле... — прошептала она, и её дыхание коснулось щеки Власа, как ветер из прошлого. Он отшатнулся. Андрей завыл — не голосом, а горлом, как загнанный зверь. Они побежали. Снова. По тем же коридорам. Мимо тех же трупов стен. Мимо тех же следов босых ног. Но теперь — она была везде. В зеркале, разбитом в палате. В тени на потолке. В капле, падающей с капельницы, висящей в пустой комнате. Каждый раз — одно и то же: — На самом деле... вы уже свободны. Они начали сомневаться в страхе. Потому что страх — это когда ты бежишь от чего-то. А здесь — некуда бежать. И не от кого. Потому что она не преследовала. Она появлялась. Как напоминание. Как зеркало. И вдруг Андрей остановился.

Посреди коридора. Посреди тьмы. Он стоял, дрожа, и прошептал: — А если... если это не она нас ловит... А мы — её?

Тишина. Даже капельницы замолчали. Влас обернулся. — Что? — Мы думаем, что она — призрак... Но может, мы — призраки? Может, мы — те, кто застрял? Может, она — единственная, кто помнит?

И тогда — вспышка. Не свет. Память. Образ: Дом на окраине. Два журналиста. Статья о закрытой психиатрической лечебнице «Горизонт-7». Эксперимент. Сознание. Препараты. Испытания на добровольцах. Они сами попросились. Они сами ввели себе первый укол. Чтобы понять, как теряют рассудок. Чтобы написать правду. Но не вышли. Их тела остались в реальности — в капсулах, в подвале заброшенного особняка, подключённые к системе, а сознание — заперто в симуляции больницы. Их вырубили зомбиры по голове в ту ночь, потому что полицейских не было. И женщина с пудом муки — это символ. Не человек. Не призрак. Код доступа. Образ, заложенный в их подсознание как якорь — чтобы, когда страх достигнет предела, они вспомнили: «Вы уже свободны. Вы только не знаете этого.»

Они упали на колени. Не от боли. От осознания. — Мы... мы не в больнице, — прошептал Влас. — Мы в голове. — И мы не бежим от неё, — добавил Андрей. — Мы бежим от себя. И тогда — второй шёпот, но уже не извне. Изнутри. Тихий. Ясный. — Найдите пуд зерна. Он там, где вы перестали бояться. Они встали. Не потому что стали сильнее, а потому что страх перестал быть врагом. Он стал проводником. Они пошли. Не бегом. Не в панике. Спокойно. По тем же коридорам. Мимо тех же дверей. Но теперь — не сжимались от каждого шороха. Теперь — слушали. И когда вновь появилась женщина — они не отшатнулись. Они встретили её взглядом. — Где пуд зерна? — спросил Влас. Она улыбнулась и исчезла, но на полу остался след — не грязный, не старый, а свежий, как будто только что отпечатанный. След босой ноги, ведущий не в тупик, а вниз в подвал. Туда, где раньше не было двери, а теперь есть. Они спустились по лестнице, покрытой плесенью. Воздух стал гуще, но не вонял: он пах пылью, деревом, временем. В подвале — старый амбарный замок. И перед ним — мешок. Не рванный. Не гнилой. Целый. На нём — надпись: «Пуд зерна. Не открывай — забудешь. Открой — вспомнишь.»

Андрей посмотрел на Власа. Влас — на него. — Мы уже не боимся, — сказал Андрей. Он протянул руку. Разорвал мешок. Из него не посыпалось зерно. Из него хлынул свет — яркий, тёплый, настоящий. Он заполнил подвал. Коридоры. Всё здание. Стены задрожали. Потолок рассыпался. «Горизонт-7» разрушался, как сон при пробуждении. Они стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели, как замкнутый мир заброшенной психушки тает, сменяясь этим проклятым особняком. И в последний момент, перед тем как тьма сменилась белым светом, они услышали: — Вы уже свободны. И поняли: первая фаза — страх — завершена. Этот логический этап постижения был ими пройден. Они не выбрались из психушки. Они проснулись. А этот особняк — просто отражение всех мест страшных убийств. Он будто вбирал в себя всё кровавое и мучительное за своими пределами. Особняк, некогда величественный, теперь напоминал кошмарный призрак панельного дома — девятиэтажную махину, замурованную, словно склеп. Влас и Андрей, пошатываясь, брели по коридорам, где каждая дверь казалась насмешкой, а каждая открытая квартира — ловушкой. Стены, покрытые трещинами и облупившейся штукатуркой, шептали что-то неразборчивое, будто хранили в себе тысячи невысказанных проклятий. Они оказались в лабиринте безумия. На верхних этажах ещё можно было различить остатки прежней жизни: перекошенные шкафы, пустые рамки от картин, разбросанные вещи, будто хозяева в панике бросили всё и исчезли. Но чем ниже они спускались, тем страшнее становилось. Нижние этажи поглотила крошечная тьма — абсолютная, вязкая, как смола. Здесь не было ни намёка на свет, ни единого звука, кроме их собственных тяжёлых шагов, эхом отдающихся в пустоте. Влас почувствовал, как по спине пробежала ледяная дрожь. Ему показалось, что стены шевелятся, медленно смыкаясь вокруг них, как челюсти хищника.

Андрей, бледный как полотно, вцепился в его плечо, его губы дрожали: — Мы здесь не выживем... Это ловушка!

Но отступить было некуда. Единственный «выход» — прыжок в окно — означал неминуемую смерть. А нижние этажи... Они казались бездонной пропастью, где царила сама тьма. Внезапно невидимая сила швырнула их о стену с такой яростью, будто сама материя дома восстала против незваных гостей. Влас ударился головой о бетон, перед глазами заплескали искры. Андрей закричал, его голос дрожал, как натянутая струна: — Оно нас слышит! Оно знает, что мы здесь!

Эхо подхватило его крик, исказило, превратило в безумный хохот, разнёсшийся по всем этажам. Из тёмных углов доносились шёпоты — сотни голосов, шепчущих наперебой: — Я вами управляю... Я вами управляю...

Эти слова, как ядовитые когти, впивались в сознание, раздирая рассудок. Влас почувствовал, как его воля растворяется, как мысли становятся вязкими и непослушными. Он попытался сосредоточиться, но перед глазами мелькали обрывки видений: искажённые лица, искалеченные тела, сцены невообразимого ужаса. Андрей, пошатываясь, упёрся в стену, его глаза были широко раскрыты, зрачки расширены от ужаса. — Мы сходим с ума... — прошептал он. — Это не дом. Это... ловушка для душ. Влас с трудом поднялся. Его сердце колотилось так сильно, будто хотело вырваться из груди. Он понимал: если поддаться панике, если позволить страху завладеть разумом — они обречены. Но как бороться с тем, что не имеет формы, что проникает в самые потаённые уголки сознания?

Коридоры извивались, как живые, меняя конфигурацию с каждым шагом. Двери, которые они только что прошли, вдруг оказывались за их спинами, а новые тупики возникали словно из ниоткуда. Время теряло смысл. Минуты растягивались в часы, а секунды дробились на бесконечные мгновения ужаса. В темноте замаячили тени — нечёткие, искажённые, будто сотканные из самой ночи. Они скользили вдоль стен, шептали что-то на неизвестном языке, их рты искажались в беззвучных криках. Влас почувствовал, как ледяные пальцы коснулись его шеи. Он резко обернулся, но за спиной была только пустота... или нечто, что умело прятаться в тени. — Мы не одни, — голос Андрея дрожал, но в нём появилась стальная нотка. — Но мы должны найти способ выбраться. Должны!

Они двинулись дальше, ориентируясь только на интуицию. Каждый шаг давался с трудом, будто воздух стал вязким, как смола. Стены давили, потолки опускались всё ниже, грозя раздавить их, как насекомых. Изредка из темноты доносились звуки — скрежет металла, чьё-то прерывистое дыхание, шёпот, переходящий в безумный смех. На пятом этаже они наткнулись на комнату, где стены были исписаны странными символами — будто кровью. Надписи складывались в фразы, от которых кровь стыла в жилах: «Вы никогда не выйдете», «Ваше время истекает», «Вы принадлежите мне». Влас провёл рукой по стене, и символы зашевелились, как живые, складываясь в новые послания. Его пальцы дрожали, когда он прочитал: «Фаза третья — смерть». Холодный пот прошиб его. Они перешли на новый уровень кошмара. Если боль была лишь подготовкой, то что же их ждёт впереди?

Андрей, не говоря ни слова, указал на дверь в углу комнаты. Она выглядела иначе — не такой, как все остальные. Её поверхность мерцала, будто покрыта инеем, а ручка была холодной, как лёд. — Это наш шанс, — прошептал он. — Или конец. Влас глубоко вдохнул, пытаясь собрать остатки воли. Они взялись за ручку одновременно, и в этот момент эхо взорвалось новым криком: — Я вами управляю! Вы — мои!

Дверь распахнулась, впуская их в новую, ещё более страшную реальность. Влас и Андрей очутились на шестом этаже, в квартире с разбитым зеркалом и ободранными обоями. Сначала — тишина. Не та тишина, что бывает в пустой комнате, а густая, давящая, пропитанная страхом и болью. Тишина девятиэтажного панельного дома, где этажи с первого по третий полностью замурованы. Невидимая стена из бетона и арматуры, возведенная кем-то или чем-то,

отрезала их от мира, от спасения. Выйти невредимым было невозможно. Потом — холод, проникающий в кости, будто кто-то провёл ледяным пальцем по позвоночнику. Волосы на затылке встали дыбом. Кожа покрылась мурашками, будто тысячи невидимых насекомых ползли под эпидермисом. Влас почувствовал, как пульсирует разорванная мышца на плече, отдавая тупой болью в висок. Губа, рассеченная до кости, горела огнем. Андрей, прижимая к груди сломанную руку, стонал, но звук его был приглушен тишиной, словно утонул в ней. Они не знали, что их избило. Невидимая сила, которая ударила с такой яростью, что оставила их искалеченными. «Надо выбирать», — прохрипел Влас, пытаясь встать. Ноги подкашивались, мир плыл перед глазами. Андрей кивнул, его лицо исказилось от боли. «Куда?»

Они осмотрелись. Квартира была в запустении. Разбитое зеркало в прихожей отражало их искалеченные лица, словно насмехаясь. Ободранные обои, свисающие клочьями, напоминали об ушедшей жизни, о людях, которые когда-то здесь жили. Теперь это было их тюрьмой. Влас подошел к окну. За ним — серое небо, равнодушное к их беде. Ни единого признака жизни. Ни машин, ни людей. Только безмолвные дома напротив, такие же пустые и холодные. «Дверь», — сказал Андрей, указывая на входную дверь. Они подошли к ней. Тяжелая, металлическая, она была заперта изнутри. Влас дернул ручку, но дверь не поддавалась. Он ударил по ней ногой, но боль в раненой мышце заставила его отступить. «Бесполезно», — прошептал он. Они начали искать другой выход. Обыскали каждую комнату, каждый шкаф, каждый угол. Но ничего. Только пыль, паутина и ощущение безысходности. Влас подошел к стене, прислушался. Тишина. Ни звука из соседних квартир, ни шума с улицы. Словно весь мир замер, оставив их одних в этой мертвой тишине. «Может, через балкон?» — предложил Андрей. Они вышли на балкон. Он был застеклен, но одна из панелей была разбита. Влас осторожно выглянул наружу. Шестой этаж. Высоко. Падение было бы смертельным. «Нет», — сказал он. «Это тоже не выход.»

Они вернулись в комнату. Влас сел на пол, прислонившись к стене. Андрей, опираясь на стену, тоже опустился рядом. Тишина снова окутала их, становясь все более невыносимой. «Что это было?» — спросил Андрей, его голос дрожал. Влас пожал плечами. «Не знаю. Но оно не хочет, чтобы мы ушли.»

Они сидели в тишине, слушая биение своих сердец, чувствуя боль в своих телах. Искали выход, но находили только стены, запертые двери и безмолвное небо. И тишина, которая становилась все громче, все более реальной, словно она сама была живым существом, которое их душило. Сырой, затхлый воздух панельного дома давил на легкие. Влас и Андрей, две заблудшие души, оказались здесь, казалось, по воле злого рока. Дом был странным: первые три этажа замурованы, словно гробница, а выше — квартиры, пустые, безжизненные, с распахнутыми дверями, словно приглашая в свои холодные объятия. Они искали выход, надеясь найти хоть какую-то лазейку в этом лабиринте бетона и отчаяния. Влас, более крупный и сильный, шел впереди, прощупывая стены, стуча по полу. Андрей, более нервный, постоянно оглядывался, его взгляд метался по темным углам. Тишина была гнетущей, нарушаемая лишь их собственными шагами и учащенным дыханием. И вдруг — удар. Невидимая сила сбила Власа с ног. Он упал на холодный линолеум, не успев даже вскрикнуть. Андрей замер, сердце его заколотилось в груди, как пойманная птица. Он не видел ничего, но чувствовал — что-то здесь есть, что-то враждебное, невидимое. «Влас! Что случилось?» — прошептал Андрей, его голос дрожал. Влас застонал, пытаясь подняться. Его лицо было залито кровью, стекающей из рассеченной брови. Он не мог понять, что произошло. Никакого предмета, никакого движения. Просто удар. «Я... я не знаю», — прохрипел Влас, вытирая кровь тыльной стороной ладони. «Что-то... оно ударило меня.»

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Страх, до этого дремавший, теперь пробудился и начал пожирать его изнутри. Они были не одни. И то, что было с ними,

было невидимым и жестоким. «Нам нужно уходить,» — сказал Андрей, его голос стал тверже от нахлынувшего ужаса. «Быстро.»

Они бросились вперед, перепрыгивая через пороги пустых квартир. Каждый шаг отдавался эхом в мертвой тишине. В одной из квартир, где на полу валялись обрывки старых газет, Андрей почувствовал резкий толчок в спину. Он упал, ударившись коленом. «Андрей!» — крикнул Влас, оборачиваясь. Но прежде чем он успел помочь другу, невидимая сила снова ударила. На этот раз Власа отбросило к стене. Он почувствовал острую боль в боку, словно его пронзили. «Черт!» — выдохнул он, хватаясь за бок. Они поняли, что бежать бесполезно. Невидимый противник преследовал их, нападая из тени, из пустоты. Их единственным шансом было найти выход, пробиться сквозь эту стену безмолвного ужаса. «Квартира на квартиру,» — прохрипел Влас, указывая на дверь в соседнюю квартиру. «Может, там есть выход на лестницу.»

Они бросились в следующую квартиру. Здесь царил полумрак, лишь слабый свет пробивался сквозь грязные окна. Влас, несмотря на боль, старался держаться. Андрей, дрожа, шел за ним, его глаза были полны паники. Вдруг, в центре комнаты, воздух словно задрожал. Появился неясный, мерцающий контур, словно искажение пространства. Он был бесформенным, но от него исходила ощутимая угроза. «Что это?» — прошептал Андрей, отступая. Влас не ответил. Он видел, как контур начал двигаться, приближаясь к ним. Он почувствовал, как его тело охватывает ледяной холод. «Беги!» — крикнул Влас, толкая Андрея к двери. Они выскочили из квартиры, захлопнув за собой дверь. Но это не помогло. Через мгновение дверь распахнулась с такой силой, что отлетела в сторону. Невидимая сила снова атаковала. Влас почувствовал, как его ноги подкосились. Он упал, но успел увидеть, как Андрей, спотыкаясь, бросился в следующую квартиру. «Андрей! Стой!» — крикнул Влас, но его голос потонул в шуме ударов, которые теперь обрушились на него со всех сторон. И вдруг — снова удар. Не видя ничего, Влас почувствовал, как его отшвырнуло к стене. Рёбра хрустнули. Кровь хлынула из носа. Андрей упал на колени — по лицу ударили невидимые кулаки, ломая скулу, разрывая губу. Они кричали, но звук гас в воздухе, будто дом поглощал его. Он чувствовал, как его тело бьют, словно мешок с песком, но удары были невидимы, беззвучны, лишь отдавались глухим стуком в его костях. Кровь снова хлынула из рассеченной брови, застилая глаза. Он пытался отбиваться, но его руки встречали лишь пустоту. Паника охватила его, но где-то глубоко внутри, под слоем боли и страха, теплилась искра упрямства. Он не мог сдаться. Не мог оставить Андрея. Собрав последние силы, Влас перекатился на бок, пытаясь встать на четвереньки. Он видел, как Андрей, уже залитый кровью, спотыкаясь, добрался до следующей двери. Тот, словно загнанный зверь, дергал ручку, но дверь была заперта. Влас услышал отчаянный крик Андрея, и в этот момент невидимая сила снова обрушилась на него, на этот раз с такой яростью, что он почувствовал, как ломается что-то внутри. Но даже в этом агонизирующем состоянии, Влас увидел, как Андрей, в отчаянии, ударил ногой в дверь. С треском она поддалась, и Андрей, словно вырвавшись из западни, проскользнул внутрь. Влас попытался последовать за ним, но его тело отказывалось слушаться. Он чувствовал, как его тащат, волокут по полу, но не видел, кто или что это делает. В следующей квартире, куда успел забежать Андрей, царил полный мрак. Он задыхался, его легкие горели, а в голове стучала пульсирующая боль. Он слышал, как за дверью, которую он с трудом захлопнул, раздаются глухие удары. Влас. Он был там. Андрей бросился к окну, пытаясь разбить стекло, но оно оказалось на удивление прочным. Он метался по комнате, ощущая, как невидимое присутствие проникает в это новое пространство. Воздух стал тяжелее, холоднее. Вдруг, в темноте, он увидел два тусклых, светящихся огонька. Они были близко, слишком близко. Андрей замер, его тело сковал парализующий ужас. Огоньки начали двигаться, приближаясь к нему. Он почувствовал, как его ноги сковывает невидимая хватка. Он упал, ударившись головой о пол. В этот момент, сквозь глухие удары за дверью, он услышал слабый стон. Влас. Он был жив. Андрей, несмотря на боль и страх,

попытался крикнуть, но из его горла вырвался лишь хрип. Он чувствовал, как невидимые руки сжимают его, поднимают в воздух. Он видел, как огоньки приближаются, становясь все ярче, словно два бездонных колодца, в которых отражался его собственный ужас. Он знал, что это конец. Но где-то в глубине сознания, сквозь боль и отчаяние, мелькнула мысль о Власе. Он надеялся, что друг найдет выход. Что он выберется из этого проклятого дома. А сам Андрей... он закрыл глаза, готовясь к тому, что должно было случиться. И в этот момент, когда невидимая сила готовилась нанести последний удар, он услышал отдаленный звук. Звук сирены. Надежда, хрупкая, как стекло, пробилась сквозь мрак. Влас и Андрей оказались в ловушке. Невидимая сила, словно ледяное дыхание, сковала их, заставляя кожу покрываться мурашками, а волосы на затылке вставать дыбом. Они были в панельном доме, где квартиры зияли пустыми проемами, а этажи с первого по третий были замурованы, словно гробница. Первый удар пришелся на Андрея. Невидимая рука сжала его горло, отчего тот закашлялся, пытаясь вдохнуть воздух. Влас, не раздумывая, бросился на помощь, но и его настигла невидимая сила. Удар, словно от кувалды, отбросил его к стене. Кровь хлынула из рассеченной брови. Паника охватила их. Они метались по квартире, ища выход, но двери вели в никуда, а окна были заколочены. Невидимое существо, казалось, играло с ними, то нападая, то отступая, наслаждаясь их страхом. «Это внезапно!» — прохрипел Андрей, указывая на проем в стене, ведущий в соседнюю квартиру. Они бросились туда, перепрыгивая через обломки мебели и битое стекло. Каждая новая квартира была такой же пустой и зловещей, как и предыдущая. Невидимый преследователь не отставал, его ледяное дыхание чувствовалось за спиной. В одной из квартир они наткнулись на открытую дверь, ведущую на лестничную клетку. Надежда вспыхнула в их глазах. Они бросились вниз, но лестница обрывалась на третьем этаже, замурованная бетонной плитой. «Мы в ловушке!» — отчаяние охватило Андрея. Влас, однако, не сдавался. Он заметил узкий проем в стене, ведущий в подвал. «Туда!» — крикнул он, и они, преодолевая боль и страх, протиснулись в темноту. Подвал был сырым и темным, но там они нашли выход — старую вентиляционную шахту, ведущую наружу. С трудом, царапая руки и ноги, они выбрались на свободу, оставив позади ужас панельного дома. Они бежали, не останавливаясь, пока не оказались далеко от проклятого места и... очутились снова на 9-м этаже в одной из квартир этого панельного дома, окутанные ещё на улице неизвестной им тьмой. Слезы пошли из глаз Власа, но он молчал. Влас и Андрей, задыхаясь, метались по полутемным коридорам. Этажи с первого по третий были словно замурованы, стены казались непроницаемыми, а выход — миражом. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что их преследовало. Нечто невидимое, но осязаемое, что с каждым мгновением становилось все более реальным. Квартира на девятом этаже встретила их тишиной, нарушаемой лишь их собственным учащенным дыханием. Но едва они шагнули здесь, как воздух загустел, стал вязким. Влас почувствовал резкую боль в боку, словно его ударили невидимым кулаком. Он вскрикнул, падая на пол. Андрей бросился к нему, но тут же отшатнулся. По полу, словно змея, проползла волна холода, обжигая ноги. Андрей почувствовал, как его тело пронзает острая боль, словно тысячи игл впились в кожу. «Да меня это уже вымотало! Как выбраться отсюда, твою мать?» — прохрипел Влас, пытаясь подняться. Его губа была разбита, кровь стекала по подбородку. «Не знаю,» — ответил Андрей, ощущая, как по его руке течет горячая струйка крови. — «Не выдумывай истерики!»

Они выбрались из квартиры на девятом этаже, оставив за собой лишь эхо своих криков. Следующая квартира на седьмом оказалась еще хуже. Здесь стены словно дышали, а пол под ногами казался живым. Каждый шаг сопровождался ощущением, будто их тянут вниз, в бездну. Влас почувствовал, как его волосы встают дыбом, а кожа покрывается мурашками. Невидимая сила схватила его за горло, сдавливая до потери сознания. Он задыхался, его глаза налились кровью. Андрей, видя это, бросился на помощь. Он почувствовал, как его ноги сковало, словно они попали в липкую паутину. Он боролся, пытаясь освободиться, но чем больше он сопро-

тивлялся, тем сильнее его сковывало. «Андрей!» — прохрипел Влас, наконец, вырвавшись из невидимых объятий. Он увидел, как его друг барахтается, словно в болоте. — «Держись!»

Собрав последние силы, Влас рванулся к Андрею. Он почувствовал, как его тело пронзает боль, словно его ударили свинцовой плетью. Но он не остановился. Он добрался до Андрея и, схватив его за руку, потянул изо всех сил. Невидимая сила сопротивлялась, но их отчаяние было сильнее. Они вырвались из этой комнаты, оставив за собой лишь стон, который, казалось, исходил от самих стен. Так они переходили из квартиры в квартиру. Каждая комната была новой пыткой. В одной их обжигало невидимым огнем, в другой — замораживало до костей. В третьей их тела словно разрывало на части, а в четвертой — высасывало жизненные силы. Кровь текла по их телам, раны не заживали, а боль становилась все невыносимее. Но они не сдавались. Они искали выход, цепляясь за надежду, которая с каждым мгновением становилась все тоньше. Они не знали, когда эта фаза боли завершится, кто или что их преследует. Но они знали одно: им нужно выбраться. И они будут бороться до последнего вздоха, пока не найдут выход из этого адского дома, где каждая квартира — новая пытка.

Глава 3

Шестой этаж. Панельный дом, который давно для них перестал быть домом. Пустые квартиры, как зияющие глазницы, смотрели на город, который, казалось, забыл о его существовании. Влас и Андрей оказались здесь не по своей воле. Как они сюда попали, они не помнили. Только холод, проникающий сквозь тонкие стены, и гнетущая тишина, нарушаемая лишь их собственным дыханием. Андрей почувствовал в этой квартире неладное — снова не получится даже вздремнуть, а они очень устали, не ведая, сколько времени прошло. Он зашел в ванную, чтобы умыться, и тут же его ноги скользнули по мокрой плитке. Но это было не просто скольжение. Невидимые руки, сильные и безжалостные, схватили его за лодыжки и с силой ударили об угол ванны. Боль пронзила его тело, кровь хлынула из рассеченной кожи. Он закричал, но крик утонул в гулкой тишине. Влас, услышав крик, бросился в ванную. Он увидел Андрея, лежащего на полу, с окровавленным лицом и дрожащими руками. И тут же почувствовал удар. Невидимая сила отбросила его к стене, затем снова и снова. Он пытался сопротивляться, но его противник был невидим и неуловим. Паника охватила их. Они поняли, что оказались в ловушке. Невидимые руки продолжали бить их, не давая ни минуты покоя. Они метались по квартире, пытаясь найти выход, но все двери вели в никуда. Казалось, сам дом ожил и решил их уничтожить. В какой-то момент, когда невидимый противник ослабил хватку, Влас увидел окно. Оно было заколочено, но сквозь щели пробивался слабый свет. «Туда!» — крикнул он Андрею. Они бросились к окну, пытаясь выбить доски. Невидимые руки снова набросились на них, но теперь они были готовы. Они дрались, отбиваясь от невидимых ударов, пока наконец не смогли пробить брешь в заколоченном окне. Выбравшись наружу, они оказались на карнизе. Внизу — пропасть. Но это было лучше, чем оставаться в доме, где их преследовало нечто невидимое и злое. Они ползли по карнизу, перебираясь из окна в окно, из квартиры в квартиру. Каждый шаг был риском, каждая щель — потенциальной ловушкой. Они не знали, куда идут, но знали, что должны выбраться. Они были на шестом этаже, в доме, который казался бесконечным лабиринтом. И где-то там, внизу, были замурованы первые три этажа, как будто отрезая их от мира. Но они не сдавались. Они продолжали ползти, надеясь найти выход, найти спасение, найти хоть что-то, что могло бы вернуть их в реальность. Пятый этаж. Холодный, пустой, с запахом пыли и застарелого страха. Андрей и Влас оказались здесь не по своей воле. Они перелезли через балкон с шестого, спасаясь от чего-то, что преследовало их в темноте. Теперь они были в ловушке. Панельный дом, казалось, ожил, превратившись в бесконечный лабиринт пустых квартир. Первые три этажа были замурованы, как будто отрезая их от мира, от любой надежды на спасение. Влас, всегда более решительный, первым двинулся к двери спальни. Андрей следовал за ним, чувствуя, как сердце колотится в груди, готовое вырваться наружу. Внутри спальни царил полумрак. Посреди комнаты лежал матрас. Он казался обычным, но что-то в нем было неправильным. Внезапно матрас вздулся, как живой. Он начал пульсировать, медленно, но неумолимо. Андрей почувствовал, как его ноги проваливаются в мягкую, податливую поверхность. Он попытался вырваться, но матрас был сильнее. Он вдавил Андрея в пол, его тело сжималось, пока рёбра не затрещали. Боль была невыносимой, но страх был еще сильнее. Влас, увидев, что происходит, бросился на помощь. Он пытался оттащить Андрея, но матрас держал его мертвой хваткой. Влас ударил по вздувшейся поверхности, но это было бесполезно. Матрас продолжал свою жуткую игру. В этот момент из темноты комнаты вырвалась невидимая сила. Она ударила Власа, сбивая его с ног. Он упал, чувствуя, как кровь опять заливает лицо. Андрей, несмотря на боль, попытался подняться. Он видел, как Влас пытается отбиваться от невидимого врага, но тот был слишком силен. «У нас с тобой выходы, Влас!» — прохрипел Андрей, пытаясь встать. Он знал, что они не могут оставаться здесь. Они были обречены. Влас, собрав последние силы, поднялся. Он схватил Андрея за руку. «Да

ладно? Ты поэтому докопался до матраса?» — спросил он, его голос дрожал. «Не знаю,» — ответил Андрей. «Это матрас докопался до меня! У-и-и-и! Но мы должны выбраться. Из этой квартиры. Из этого дома.»

Они выбежали из спальни, оставив позади пульсирующий матрас и невидимую угрозу. Они бежали по коридору, открывая двери квартир, надеясь найти выход. Но каждая квартира была пуста, холодна и одинакова. Они были в ловушке в этом бесконечном лабиринте. Они продолжали ползти, перелезая через балконы, спускаясь по лестницам, которые вели в никуда. Они не знали, куда идут, но знали, что должны выбраться. Они были на шестом этаже, в доме, который казался бесконечным лабиринтом. И где-то там, внизу, были замурованы первые три этажа, как будто отрезая их от мира. Но они не сдавались. Они продолжали ползти, надеясь найти выход, найти спасение, найти хоть что-то, что могло бы вернуть их в реальность. Сырой, затхлый воздух панельного дома давил на легкие. Четвертый этаж. Квартира, как и все остальные ниже, казалась пустой, заброшенной. Но это было лишь первое впечатление. Влас и Андрей оказались здесь не по своей воле. Их загнали. Все началось с пятого этажа. Невидимая сила, словно гигантская рука, вытолкнула их через балкон. Они кубарем полетели вниз, чудом зацепившись за перила балкона четвертого этажа. Открытая дверь кухни встретила их зловещим скрипом. Влас, пытаясь удержать равновесие, шагнул вперед. В этот момент холодильник, словно живой, распахнулся с такой силой, что его дверь с грохотом врезалась Власу в лицо. Боль была ослепляющей. Он почувствовал, как что-то хрустнуло, и кровь хлынула из рта. Два зуба, как он понял позже, были выбиты. «Черт!» — выдохнул Андрей, пытаясь помочь другу. Но тут же почувствовал удар. Невидимый, но ощутимый. Словно кто-то с силой толкнул его в грудь. Он отлетел к стене, едва не потеряв сознание. Панельный дом, казалось, ожил. Стены дрожали, пол под ногами ходил ходуном. Из открытых дверей квартир, расположенных ниже, доносились странные звуки — шорохи, скрежет, глухие удары. Но никого не было видно. Только пустота и нарастающий ужас. Невидимая сила продолжала свою атаку. Влас швыряло по кухне, словно тряпичную куклу. Каждый удар был болезненным, выбивающим из него последние силы. В эти моменты, когда тело отказывалось подчиняться, в голове всплывали образы. Образы его жены, ее смех, тепло ее рук. Он видел их детей, их счастливые лица. «Маша... дети...» — прошептал он сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как боль смешивается с отчаянием. Андрей тоже не оставался в стороне. Его били, пинали, словно он был мячом. Каждый удар отдавался в костях, в голове. Но сквозь боль пробивались другие воспоминания. Женщины, с которыми он делил постель. Их тела, их голоса, их страсть. Он вспоминал их, пытаясь найти в этих воспоминаниях хоть какое-то утешение, хоть какую-то нить, которая связывала бы его с миром, который, казалось, отвернулся от него. «Лена... Катя...» — прохрипел он, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Они понимали, что оставаться здесь — значит погибнуть. Нужно было двигаться. Искать выход. «Влас, вставай!» — крикнул Андрей, с трудом поднимаясь на ноги. Он схватил Власа за руку, помогая ему подняться. Влас, шатаясь, опирался на него. Они двинулись вглубь квартиры, надеясь найти выход через другую комнату. Но двери, ведущие в коридор, были заперты. Или, скорее, замурованы. Стены, казалось, росли из пола, перекрывая путь. «Надо пробиваться!» — сказал Влас, чувствуя прилив адреналина. Он ударил кулаком в стену, но лишь почувствовал боль в руке. Невидимая сила не давала им покоя. Она толкала их, сбивала с ног, пыталась разлучить. Но они держались друг за друга, их единственная надежда. Они перебирались из квартиры в квартиру через балконы. Каждый переход был рискованным. Невидимая сила пыталась столкнуть их вниз, но они цеплялись за перила, за стены, за все, что попадалось под руку. В одной из квартир, где стены были покрыты странными, пульсирующими узорами, они почувствовали, как их силы иссякают. Невидимая сила навалилась на них с новой силой, пытаясь раздавить. Скрип старой петли, влажный запах плесени и затхлости — вот что встретило Власа и Андрея, когда они, задыхаясь, перелезли через перила балкона третьего этажа. Четвертый этаж, их временное убежище, казался теперь

далеким и недостижимым. Внизу, в темноте, зияли пустые проемы окон, словно беззубые пасти. Дом. Этот панельный монстр, казалось, наблюдал за ними, его бетонные стены пульсировали тихим, зловещим ритмом. В квартире третьего этажа были замурованы все окна и было совершенно темно, а дверь балкона сама затворилась и стены панели задвинули её у них перед носом. Влас и Андрей оказались в крошечной темноте. «Ты уверен, что это единственный путь?» — прохрипел Влас, прижимаясь к холодной стене. Его сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже стук собственных шагов. Андрей, более хладнокровный, но не менее испуганный, кивнул. «Другого выхода нет. Оно... оно не даст нам спуститься. Ты же видел, как оно закрыло лестницу». «Оно» — это было нечто. Невидимое, но осязаемое. Нечто, что с каждым мгновением, проведенным в этой квартире, становилось сильнее. Они уже испытали это. Первые минуты в этой пустой, заброшенной квартире были наполнены лишь тревогой. Но потом началось. Легкие толчки, словно кто-то невидимый пытался их сдвинуть в темноте. Затем — удары. Невидимые кулаки, невидимые ноги, обрушивающиеся с такой силой, что казалось, кости трещат. Влас почувствовал, как его ребра пронзает острая боль, когда его отбросило к стене. Андрей, пытаясь защититься, получил удар в челюсть, от которого по губе потекла снова кровь. «Этот дом... он живой, Влас», — прошептал Андрей, вытирая кровь тыльной стороной ладони. «Он не просто проклят. Он дышит. Он ждет». «Ждет чего?» — Влас с трудом поднялся, опираясь на стену. Его тело ныло, каждый мускул кричал от боли. «Ждет, когда мы остановимся. Когда перестанем бороться. Тогда он нас... поглотит». Андрей ощупал в темноте стены квартиры на этом этаже. Квартира была типичной для панельного дома — узкие коридоры, маленькие комнаты, обшарпанные обои. Но сейчас она казалась ловушкой, сплетенной из бетона и страха. «Панельный дом...» — Влас усмехнулся, но смех получился хриплым и безрадостным. «Кто бы мог подумать, что эти серые коробки могут быть такими... зловещими. Все эти одинаковые квартиры, одинаковые окна. Казалось, они созданы для безликой жизни, а не для такого... кошмара». «Они созданы для того, чтобы быть одинаковыми, чтобы не выделяться», — ответил Андрей. «Но этот дом... он выделяется. Он выделяется своей пустотой. Пустотой, которая пытается нас заполнить». Внезапно, из глубины квартиры, послышался тихий, но отчетливый звук. Словно кто-то медленно шаркал по полу. Оба замерли. «Что это?» — прошептал Влас. «Не знаю. Но оно приближается». Андрей схватил Власа за руку. «Нам нужно идти. Сейчас же». Они двинулись к двери, ведущей в коридор. Каждый шаг отдавался эхом в тишине, словно предупреждая невидимого преследователя. Коридор был темным, освещенным лишь тусклым светом, проникающим из окон. В конце коридора виднелась другая дверь. «Надо попробовать», — сказал Андрей. Они бросились к двери. Андрей дернул ручку. Заперто. «Черт!» — выругался Влас. В этот момент, словно по команде, невидимая сила обрушилась на них снова. Влас почувствовал, как его сбивает с ног невидимый таран. Он ударился головой о пол, и перед глазами поплыли звезды. Андрей попытался поднять его, но его самого отшвырнуло в сторону, словно тряпичную куклу. Боль пронзила его бок, и он застонал. «Мама...» — вырвалось у Власа. Образ матери, такой родной и теплой, мелькнул перед глазами. Ее руки, гладящие его по голове, ее голос, успокаивающий его в детстве. Он вспомнил, как она всегда говорила ему быть осторожным, как она боялась за него. Сейчас эта боязнь матери казалась ему самым ценным сокровищем. Андрей, преодолевая боль, попытался встать. Он вспомнил Лену. Ее смех, ее глаза, ее прикосновения. Их последняя ночь вместе, такая страстная и нежная. Он чувствовал ее присутствие рядом, словно она шептала ему: «Держись, Андрей. Ты справишься». Эта мысль придала ему сил. «Влас, вставай!» — крикнул он, его голос дрожал от напряжения. «Мы не можем сдаться!»

Они снова попытались открыть дверь. На этот раз она поддалась. Скрипнув, она распахнулась, открывая вид на еще одну пустую и темную квартиру. «Может, здесь есть выход?» — с надеждой спросил Влас, оглядываясь по сторонам. «Не знаю. Но там... там было слишком тяжело», — ответил Андрей, прижимая руку к боку. «Этот дом... он питается нашим страхом.

Чем больше мы боимся, тем сильнее он становится». Они осторожно двинулись вглубь квартиры. Каждый шорох, каждый скрип половицы заставлял их вздрагивать. Вдруг Влас остановился. «Смотри», — прошептал он, указывая на стену. На обоях, освещённые светом из трещины в стене, словно нарисованные кровью, были видны следы. Следы борьбы. Царапины, пятна, словно кто-то пытался отбиться от невидимого врага. «Это... это были другие?» — спросил Андрей, его голос был полон ужаса. «Похоже на то», — ответил Влас. «Этот дом... он не просто дышит. Он пожирает». Они прошли в следующую комнату. Здесь было еще больше следов крови и даже валялись чьи-то органы. «Это не просто дом, Андрей», — сказал Влас, его голос стал тише. «Это ловушка. И мы в ней застряли». Внезапно, из-за двери, послышался тот же шаркающий звук. Он приближался. «Он идет за нами», — прошептал Андрей. «Нам нужно найти выход. Сейчас же». Они бросились к окну. Балкона не было. Только глухая стена. «Черт!» — выдохнул Влас, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. «Мы в западне». Андрей лихорадочно осматривал комнату. Его взгляд упал на шкаф. Он был старым, массивным, с резными дверцами. «Может быть...» — пробормотал он, направляясь к нему. Влас последовал за ним. Они вместе попытались открыть шкаф. Дверцы поддались с трудом, издавая протяжный стон. Внутри было темно и пахло нафталином. Но там, в глубине, они увидели... проход. Небольшое отверстие, ведущее куда-то в темноту. «Это может быть выход», — сказал Андрей, его голос звучал неуверенно. «Или еще одна ловушка». «У нас нет выбора», — ответил Влас, чувствуя, как невидимая сила снова начинает давить на него, словно пытаясь прижать к полу. «Давай!»

Они протиснулись в узкий проход. Он был тесным, пыльным, и казалось, вел вниз. С каждым шагом они чувствовали, как дом вокруг них сжимается, словно гигантский зверь, готовящийся к прыжку. Влас вспомнил свою жену, ее улыбку, ее тепло. Он представил, как она ждет его дома, и это давало ему силы идти дальше. Андрей же думал о своей матери, о ее заботе, о ее вере в него. Внезапно, проход закончился. Они оказались в еще одной квартире. Эта была совсем другой. Второй этаж. Она была пуста, но в ней не было следов борьбы. Только тишина. И холод. Горел свет, но окна и все наружные выходы были замурованы. «Где мы?» — спросил Влас, оглядываясь. «Не знаю», — ответил Андрей. «Но здесь... здесь нет того давления. Словно мы вышли из его объятий». Они осторожно двинулись по квартире. Вдруг, Андрей остановился. Он смотрел на стену. Там, словно вырезанные острым предметом, были слова: «Не останавливайтесь». «Это... это предупреждение?» — спросил Влас. «Или приказ», — ответил Андрей. «Этот дом не хочет, чтобы мы останавливались. Он хочет, чтобы мы двигались. Чтобы мы искали выход». Они продолжили свой путь, переходя из квартиры в квартиру. Каждая из них была пуста, но каждая хранила свою тайну. В одной они нашли старый альбом с фотографиями, на которых были изображены счастливые семьи. В другой — детские игрушки, разбросанные по полу. В третьей — письмо, написанное дрожащей рукой, в котором говорилось о страхе и отчаянии. И каждый раз, когда они чувствовали, что силы их покидают, когда боль становилась невыносимой, они вспоминали тех, кого любили. Вспоминали женщин, с которыми делили свою жизнь, свои радости и печали. И эта память, эта любовь, давала им силы идти дальше. Они не знали, сколько времени прошло. Часы, дни, недели — все слилось в один бесконечный кошмар. Но они продолжали двигаться. Из квартиры в квартиру, из этажа на этаж. И каждый раз, когда они думали, что попали в тупик, они находили новый проход, новый путь. Иногда им казалось, что они слышат голоса. Шепот, смех, плач. Но они знали, что это лишь иллюзии, порожденные их страхом. «Мы должны выбраться отсюда, Влас», — сказал Андрей, его голос был хриплым от усталости. «Мы должны вернуться к своим семьям». «Я знаю», — ответил Влас. «И мы выберемся. Мы найдем выход. Этот дом не сможет нас сломить». Холодный пот липкой пленкой обволакивал спину. Влас тяжело дышал, чувствуя, как в горле пересохло. Андрей, шатаясь, прислонился к стене, его лицо было белым, как мел. Они бежали по лестнице, спотыкаясь, падая, вставая. Двери квартир были открыты

— пустые, выжженные, как глазницы черепа. В одной — детская кроватка с рваным матрасом. В другой — стол, на котором лежал старый телефон с оборванным шнуром. Вот и первый этаж. Квартира. Темно. Дверь за ними захлопнулась с оглушительным щелчком, отрезая от остатков света. «Здесь,» — прохрипел Андрей, ощупывая стену в поисках выключателя. Безрезультатно. Влас прислушался. Тишина. Давящая, зловещая тишина, нарушаемая лишь их собственным сбившимся дыханием. «Что это было?» — прошептал он, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Андрей молчал, вглядываясь в темноту. Вдруг, в углу комнаты что-то шевельнулось. Тень. Не просто тень, а нечто, имеющее форму, но лишенное четких очертаний. «Бежим!» — заорал Андрей, дергая Власа за рукав. Они бросились вглубь квартиры, спотыкаясь о разбросанные вещи. В следующей комнате их ждала та же картина: пустота, холод и ощущение чьего-то незримого присутствия. И тут началось. Сначала легкий толчок, словно кто-то невидимый подтолкнул в спину. Потом удар, ощутимый, болезненный. Влас охнул, схватившись за плечо. «Что снова оно?» — закричал он, оглядываясь по сторонам. Андрей молчал, его лицо исказилось от боли. Он держался за живот, сквозь пальцы сочилась кровь. «Оно здесь,» — прошептал он, его голос дрожал от ужаса. «Оно нас бьет.»

Они бежали дальше, из комнаты в комнату, из квартиры в квартиру. На втором этаже, потом на третьем. Каждая квартира была копией предыдущей: пустая, мертвая, пропитанная страхом. И в каждой их ждала невидимая атака. Удары становились сильнее, боль невыносимой. Кровь заливала лица, одежду. «Плющ,» — вдруг пробормотал Влас, его глаза безумно блестели в полумраке. «Ты видел, как плющ обвивает старые дома? Он такой живучий, такой... настойчивый.»

Андрей посмотрел на него, не понимая. «Какой плющ, Влас? О чем ты?»

«Он душит, Андрей. Медленно, но верно. Как эта... штука. Как этот дом.»

Он замолчал, закашлявшись кровью. Андрей понял, что Влас сошел с ума от страха. Он пытался отвлечься, найти хоть какую-то точку опоры в этом кошмаре. «Да, плющ,» — пробормотал Андрей, пытаясь поддержать его безумный разговор. «Он красивый, когда цветет. Такие маленькие, белые цветочки.»

Они продолжали бежать, избитые, окровавленные, разговаривая о плюще, как о спасении. Это был их способ выжить, не сойти с ума окончательно. Пробежав быстрый круг по девяти этажам панельного дома снова, Влас и Андрей вернулись на второй этаж, где в одной из квартир они нашли человеческие органы. Скрипнула дверь, и Влас с Андреем оказались в привычной темноте. Второй этаж. Их второй дом, их убежище, их ловушка. Круг по девятиэтажке закончился, как и всегда, здесь. Дверь за ними с глухим стуком захлопнулась, отрезая последние отголоски внешнего мира. В воздухе висел тяжелый, металлический запах. В полной темноте, ощупывая стены, они наткнулись на что-то мягкое, податливое, а затем — на что-то твердое и влажное. Человеческие органы. В темноте они казались еще более чудовищными, чем могли бы быть при свете. Окна, как всегда, были замурованы. Бетонные плиты, плотно прилегающие к рамам, не пропускали ни лучика света, ни глотка свежего воздуха. — И тут — шёпот. Сначала он был едва слышен, как шелест сухих листьев. Потом стал громче, проникая сквозь стены, сквозь их кости, прямо в мозг. Невидимая сила начала их бить. Удары были резкими, болезненными, но беззвучными. Только глухие удары по телам, только стоны, вырывающиеся из их груди. Панельный дом, казалось, ожил. Открытые квартиры на этажах с первого по третий, где уже давно не было жильцов, теперь стали арендой для их мучений. Что-то невидимое, но осязаемое, терзало их, оставляя кровавые следы на коже. — Война... — прохрипел Влас, пытаясь отвлечься от боли. — Ты помнишь, Андрей, как мы читали про ту войну? Про фельдмаршалов, про тактику...

Андрей, прижимая руку к кровоточащей ране на боку, кивнул. Его глаза, даже в темноте, казались безумными. — Фельдмаршал... Да, фельдмаршал. Слова. Слова, которые ничего не значат, когда тебя бьют. Когда ты не видишь, кто бьет. Они двигались, спотыкаясь, натыкаясь

друг на друга, в поисках выхода. Из квартиры в квартиру, через проломы в стенах, через открытые двери, которые вели в такие же темные, пустые помещения. Каждый шаг был риском, каждый звук — предвестником новой атаки. — А слова... — продолжал Влас, его голос дрожал. — Слова, которые мы говорили. Они тоже были как фельдмаршалы. Командовали нами. А теперь... теперь они просто слова. Пустые. — Пустые, как эти квартиры, — прошептал Андрей, его дыхание стало прерывистым. — Пустые, как наши тела. Они бежали, преследуемые невидимым врагом, их разум медленно погружался в безумие. Войны, фельдмаршалы, слова — все смешалось в их сознании, превращаясь в отчаянную попытку удержаться на грани реальности. Каждый удар, каждый стон, каждый шаг в темноте приближал их к полному забвению. И в этой крошечной тьме, среди разбросанных человеческих органов, они продолжали свой бег, их единственной надеждой было найти выход из этого проклятого дома, из этого проклятого мира. Но выход, казалось, был так же замурован, как и окна их квартиры на втором этаже. И тут — шёпот. Он звучал не из одного места, а из всех стен сразу, как будто бетонные панели шептали: «Вы не сможете выбраться...»

Голос был женский, но искажённый, как запись, прокрученная в обратную сторону. Влас остановился, сжав кулаки: — Кто ты?! Покажись!

«Вы здесь навсегда. Вы никогда не найдёте то, что ищете. Вы просто призраки в этом доме...»

Из ничего — удар в почки. Андрей упал, вскрикнув. Ещё удар — в висок. Ещё — в грудь. Рёбра ломались с хрустом. Кровь сочилась из ушей. Андрей почувствовал, как нога вывернулась — голень хрустнула, будто палка. Он сел, дрожа, и вдруг засмеялся. Слезы катились по окровавленным щекам. — Влас... Влас, ты понимаешь?.. — хрипел он. — Мы уже мертвы. Мы — гроза, которая прошла и никого не напугала. Влас схватил его за плечо: — Нет. Мы не гроза. Мы — молния. И мы разорвём этот дом. Они продолжали просто бежать по квартирам панельной девятиэтажки. Их отчаяние было как плот, разбитый о скалы. Они — корабль без паруса, дрейфующий в тумане. Каждый шаг — в никуда. Каждая надежда — обман. Дом играл с ними, как кошка с мышами, не давая умереть, но и не отпуская. Они думали: — Может, прыгнуть с крыши? — но дверь на чердак намертво заварена. — Пробить стену? — но бетон толщиной в полметра, а подручных инструментов нет. — Кричать? — но звук не выходит за пределы квартиры. Дом поглощает всё. Они вспомнили росток фасоли — «даже в самой твёрдой почве росток найдёт путь наверх». Фасоль — символ упрямства, вертикального роста вопреки всему среди аграриев. — Мы — как фасоль, — прошептал Влас. — Даже если нас закопали — мы пробьёмся. На восьмом этаже, в самой тёмной квартире, они увидели рисунок на стене. Он был сделан кровью — тёмной, почти чёрной. Это был иероглиф, напоминающий зерно пшеницы, но с изломанными линиями: вертикальная черта — стебель, две дуги сверху — колос, капля внизу — зерно, падающее в землю. — Это знак, — прошептал Андрей. — Знак пуда зерна... легенды о том, что тот, кто найдёт пуд истинного зерна, получит силу пробудить мёртвое. Они вспомнили: в каждой квартире — остатки еды. В шкафах — банки с крупой, мешки с мукой. — Это не случайно, — сказал Влас. — Дом испытывает нас. Ищет того, кто помнит землю. Но слова о земле и зерне прозвучали как эхо в пустоте, потому что в этот момент из коридора донёсся звук. Не шаги, не скрип, а что-то более зловещее — будто сама плоть здания стонала и рвалась. Невидимая сила ударила Власа сбоку, сбивая с ног. Он упал, ударившись головой о пол. Андрей успел лишь вскрикнуть, прежде чем его самого подхватило и швырнуло в стену. Боль пронзила тело, воздух выбило из лёгких. Они лежали на полу, задыхаясь, чувствуя, как по лицу стекает горячая, липкая кровь. Невидимый враг не останавливался. Удары сыпались со всех сторон, глухие, тяжёлые, будто стены ожили и решили раздавить их. Панельный дом, казавшийся раньше лишь заброшенным лабиринтом, превратился в смертельную ловушку. — Цемент... — прохрипел Влас, пытаясь подняться. Его губы были разбиты, из носа текла кровь. — Они так любезно замуровали всё... с первого по третий этаж... будто заботились. Андрей,

прижимая руку к рассечённой брови, кивнул. Безумие уже начинало проникать в их сознание, смешивая страх с абсурдными мыслями. — Да, цемент... — повторил он, его голос дрожал. — Такой ровный... как будто кто-то старался. Может, это и есть истинное зерно? Цемент, который всё запечатывает?

Они ползли, отступая от невидимых атак, перебираясь из одной квартиры в другую. Двери были распахнуты, квартиры пусты, но ощущение присутствия чего-то чудовищного было осязаемым. В одной из комнат они наткнулись на остатки старой штукатурки, осыпавшейся со стен. — Смотри, Андрей, — Влас указал дрожащим пальцем. — Это тоже цемент. Только старый. Он тоже помнит землю, наверное. — Или он помнит, как его сюда привезли, — добавил Андрей, его глаза были пустыми и потерянными. — Как его месили... как он застывал. Как он стал частью этого дома. Каждый удар невидимой силы отбрасывал их назад, но они продолжали двигаться, ведомые инстинктом выживания и странным, искажённым пониманием происходящего. Они искали выход, но находили лишь новые квартиры, новые остатки еды, новые свидетельства того, что этот дом был не просто заброшен, а наполнен чем-то древним и враждебным. — Этот дом... он как гигантский мешок с цементом, — пробормотал Влас, когда очередной удар заставил его упасть на колени. — И мы... мы как зерна, которые пытаются прорасти сквозь него. — Но зерно падает в землю, Влас, — ответил Андрей, его голос был почти шепотом. — А здесь... здесь только цемент. И кровь. Они продолжали свой отчаянный путь, избитые, окровавленные, их разум медленно погружался в пучину страха и безумия. Сырой, затхлый воздух панельного дома давил на легкие, как тяжелое одеяло. Влас и Андрей, избитые до полусмерти, лежали на холодном линолеуме одной из пустых квартир. Двери всех квартир, от первого до третьего этажа, были распахнуты, словно зияющие раны в теле заброшенного здания. Невидимая сила, обитавшая в этих стенах, методично ломала их, нанося удары, которые не оставляли синяков, но проникали в самую суть. Кровь текла из глаз, обжигая кожу. Но это была не просто рана. Это был вирус, который Дом внедрял в своих жертв, чтобы сломить их волю, превратить в безвольных марионеток. Но вирус оказался ключом. — Он думал, что боль ломает нас, — прохрипел Влас, его голос был хриплым шепотом. — Но боль пробудила. Кровь из глаз — не симптом смерти, а ритуал очищения. Дом не мог контролировать тех, кто принял страдание как путь. Андрей, с трудом поднявшись на ноги, огляделся. Пустые комнаты, обшарпанные стены, запах плесени и отчаяния. Он схватил Власа за руку, помогая ему встать. — Нам нужно выбраться отсюда, — сказал Андрей, его голос дрожал. — Нужно найти выход. Они двинулись вперед, переходя из квартиры в квартиру, словно призраки в лабиринте. Каждый шаг отдавался болью в избитом теле, но в глазах горел огонек надежды. — Помнишь, как мы мечтали о море? — внезапно сказал Андрей, его взгляд был затуманен безумием. — О том, как будем плыть на корабле, рассекая волны... — Мель, — прошептал Влас, его голос был далек и отрешен. — Мы сядем на мель. И будем ждать. Они говорили о кораблях, о море, о мелях, пытаясь отвлечься от ужаса, который их окружал. Слова звучали как заклинание, как попытка удержать рассудок на грани безумия. — А потом, когда солнце сядет, мы увидим звезды, — продолжал Андрей, его глаза блестели. — И они будут отражаться в воде, как бриллианты. — И мы будем слушать шум волн, — добавил Влас, его голос стал чуть громче. — И забудем обо всем. Они шли дальше, перепрыгивая через провалы в полу, пробираясь сквозь завалы. Каждый новый шаг был испытанием, но они не сдавались. Вирус, который должен был их сломить, теперь стал их оружием. Он очищал их, делал сильнее. — Мы не сломаемся, — сказал Влас, его голос был твердым. — Мы пройдем через это. Андрей кивнул, его взгляд был полон решимости. Они были готовы принять страдание, принять боль, потому что знали — это путь к свободе. И где-то там, за стенами этого проклятого дома, их ждал мир, где они смогут снова дышать полной грудью, где не будет невидимых врагов и бесконечных коридоров отчаяния. В одной из квартир они нашли старое пальто — тяжёлое, с подбитыми плечами. На подкладке — вышитый тот же иероглиф зерна. — Это не просто пальто, — ска-

зал Андрей. — Это оболочка, как у зерна. Оно защищает росток. Они надели пальто вместе, вдвоём — как единое существо. И в тот момент дом зашатался. Стены панельного дома, казалось, дышали холодом и запустением. Пустые квартиры, словно глазницы без зрачков, смотрели в никуда. Влас и Андрей, облаченные в старое пальто, ощущали его тяжесть как бремя, но и как защиту. Иероглиф зерна на подкладке пульсировал слабым, едва уловимым теплом. Внезапно, тишину разорвал низкий, утробный гул. Он исходил отовсюду и ниоткуда одновременно. Пол под ногами задрожал, и из щелей в стенах потянулся невидимый, но ощутимый холод. «Что это?» — прошептал Влас, его голос дрожал. Андрей не успел ответить. Невидимая сила ударила с такой яростью, что их отбросило к стене. Боль пронзила тело, острая, обжигающая, словно тысячи раскаленных игл. Они упали, сбитые с ног, пальто распахнулось, обнажая их перед лицом неведомой угрозы. Удары сыпались со всех сторон. Невидимые кулаки били по ребрам, по лицу, по ногам. Влас и Андрей пытались защититься, но их движения были скованны, а противник — неуловим. Кровь хлынула из рассеченной губы Андрея, смешиваясь с потом и пылью. Влас почувствовал, как ломается что-то внутри, но боль была настолько всепоглощающей, что он не мог даже крикнуть. «Катастрофа!» — прохрипел Андрей, пытаясь подняться. Они ползли, перекатывались, цеплялись за стены, пытаясь найти хоть какое-то укрытие. Невидимый враг не давал передышки, преследуя их по коридорам, через пустые квартиры. Каждый шаг был мучением, каждый вдох — борьбой. «Квартира!» — крикнул Влас, указывая на приоткрытую дверь. Они ввалились внутрь, захлопнув за собой дверь. Но и здесь не было покоя. Стены начали сжиматься, потолок опускаться. Казалось, сам дом решил их раздавить. «Пальто!» — вспомнил Андрей. Они снова натянули его, прижимаясь друг к другу. Иероглиф на подкладке вспыхнул ярче, словно отвечая на их отчаяние. Земля, черная и живая, снова потекла из-под ткани, но на этот раз она не разрушала, а защищала. Она окутала их, создавая кокон, непроницаемый для боли и разрушения. Мир вокруг растворился в вихре земли и света. Когда вихрь утих, они обнаружили себя стоящими посреди просторной комнаты. Стены были украшены старинными гобеленами, а в воздухе витал запах пыли и чего-то неуловимо сладкого. Они были снова в особняке. Но теперь они знали. Боль, которую они пережили, была не просто физическим страданием. Это было испытание, очищение. И они поняли: выход не снаружи — внутри. Вторая фаза — боль ими пройдена. Они падали, их избивали невидимые руки, кости ломались, и кровь заливала глаза. Но они поднимались и шли вперед, потому что знали: это не тело болит, а душа освобождается от чего-то тяжёлого и тёмного. Они живы здесь. Они снова хотя бы в особняке. Особняк дрожал. Не от ветра, не от землетрясения. Он дрожал изнутри, как стакан, наполненный до краев, когда по нему стучат пальцем. Влас и Андрей, два человека, чьи разумы давно сплелись в причудливый, болезненный узор, ощущали это дрожание каждой клеткой. Они искали пуд зерна. Не для еды, не для посева. Просто пуд зерна. В этом особняке, где каждый шорох был шепотом, а каждая тень — чьим-то взглядом. Третья фаза. Они знали, что это третья фаза. Первая была «Страх» — когда они ощущали физическое присутствие чего-то чужого, когда стены казались живыми, а пол под ногами — податливым, как плоть. Вторая — «Боль» — когда особняк начал играть с их эмоциями, вызывая страх, отчаяние, а иногда и неистовую, необъяснимую радость. Теперь же наступила «Разум». «Ты слышишь?» — прошептал Влас, его голос был хриплым, как старая бумага. Он прижимал ухо к холодной, покрытой плесенью стене. Андрей кивнул, его глаза, обычно блуждающие, сейчас были прикованы к пустоте. «Они говорят. Слова. Но не те, что мы знаем.»

Их шизофрения была не просто болезнью. Она была ключом. Ключом к этому месту, которое, казалось, питалось их раздробленными сознаниями. Особняк не просто отражал их безумие, он его усиливал, искажал, превращал в оружие. «Это... это как будто мои мысли, но чужие,» — пробормотал Андрей, его пальцы нервно теребили край своей ветхой рубашки. «Они проникают. Пытаются... переписать.»

Влас медленно повернулся, его взгляд был полон странного, почти благоговейного ужаса. «Они показывают нам. То, что было. То, что будет. Но все... неправильно.»

Перед их глазами начали возникать образы. Не четкие картины, а скорее фантомы, сотканные из теней и отголосков. Влас увидел себя, стоящего на вершине холма, окруженного тысячами зернышек, каждое из которых шептало его имя. Но зернышки были черными, как уголь, и их шепот был полон боли. Андрей же увидел себя в огромной библиотеке, где книги были написаны на языке, состоящем из криков и плача. Он пытался читать, но буквы расплывались, превращаясь в лица людей, которые смотрели на него с немим укором. «Они хотят, чтобы мы поверили,» — сказал Влас, его голос дрожал. «Поверили, что это реальность. Что мы... это они.»

«Но мы не они!» — воскликнул Андрей, его голос сорвался на крик. Он схватил Власа за руку, его пальцы были ледяными. «Мы — это мы. Влас. Андрей. Мы ищем зерно.»

«Зерно...» — повторил Влас, его взгляд снова устремился в пустоту. «Зерно — это знание. Знание, которое они хотят нам дать. Или забрать.»

Они шли дальше, сквозь коридоры, которые меняли свою форму, сквозь комнаты, где воздух был густым от невысказанных слов. Каждый шаг был борьбой. Борьбой с наваждением, с голосами, которые теперь звучали изнутри их собственных черепов. «Я вижу... я вижу, как зерно растет,» — прошептал Андрей, его глаза были широко раскрыты. «Оно растет из глаз. Из ушей. Из рта.»

Влас почувствовал, как его собственное тело начинает дрожать. Он ощущал, как что-то прорастает под его кожей, как будто тысячи крошечных ростков пытаются пробиться наружу. Он видел, как его пальцы удлиняются, как ногти превращаются в острые, черные зернышки. «Нет,» — прошептал он, пытаясь оттолкнуть это ощущение. «Это не мы. Это особняк.»

Но особняк смеялся. Смех был не звуком, а вибрацией, проникающей в кости, в самую суть их существа. Он смеялся над их попытками сопротивляться, над их хрупкой реальностью, которая рассыпалась под натиском чужого разума. «Они хотят, чтобы мы стали частью этого,» — прохрипел Влас, его голос был почти неслышен. «Чтобы мы стали зерном. Чтобы мы дали им новую жизнь.»

Андрей закричал, но звук утонул в гуле, который теперь заполнял все вокруг. Он видел, как стены особняка пульсируют, как узоры на обоях оживают, превращаясь в бесконечные ряды зернышек, которые смотрели на него. Они смотрели с жадностью, с голодом, с обещанием забвения. «Пустота...» — прошептал Андрей, его взгляд стал стеклянным. «Они обещают пустоту. И покой.»

Влас почувствовал, как его собственное «я» начинает растворяться. Границы между ним и Андреем, между ними и особняком, стирались. Он видел, как Андрей превращается в одно из тех черных зернышек, как его тело сжимается, становится твердым, безжизненным. Но в то же время, он чувствовал, как это зернышко становится частью его самого. «Зерно...» — прошептал Влас, его губы едва шевелились. Он протянул руку, и его пальцы, уже покрытые черной, блестящей оболочкой, коснулись пустоты, где только что был Андрей. «Мы нашли пуд зерна.»

Особняк затих. Дрожь прекратилась. Наступила тишина, такая глубокая, что казалось, она поглощает все звуки мира. Но вот впереди показались очертания старинного камина, в котором мерцали угли, отбрасывая зловещие отсветы на стены. Стены, полы, потолки — всё стало прозрачным, будто дом был вырезан из льда, растаявшего в чужом сне. Влас и Андрей стояли посреди холла, но теперь видели не просто комнаты, а слои времени, наложенные друг на друга, как плёнки в кинопроекторе. Каждая дверь вела не в помещение, а в воспоминание. Каждый шаг отзывался эхом из детства, из больницы, из того самого дня, когда их разделили. Пуд зерна — грубый, деревянный ящик с выжженной надписью «Не открывай» — стоял посреди лестницы, но теперь он не двигался. Он ждал. — Это не испытание, — прошептал

Андрей, его голос дрожал, как натянутая струна. — Это обратный отсчёт. — Она была здесь, — сказал Влас, глядя в пустоту. — Не призрак. Не наваждение. Она была настоящей. И тогда они увидели. Через прозрачные стены особняка проступила тень женщины. Не в чёрном платье, не с пустыми глазами, как во снах, а в чём-то, напоминающем национальный татарский костюм, но истлевший, будто сотканный из пыли веков. Её лицо было измождённым, кожа тусклой, а глаза... глаза горели нездоровым, фосфоресцирующим светом. Она не была доктором. Она была зомби. И от неё исходил едва уловимый, сладковатый запах, который, казалось, проникал прямо в лёгкие. — На самом деле... — прошептала она, и её голос был похож на шорох сухих листьев, смешанный с шипением. — На самом деле, всё гораздо проще. Влас и Андрей замерли. Этот запах. Эта фраза. Они знали её. Она была частью их кошмаров, частью того, что их разделило. — Она подманивает нас, — прохрипел Андрей, его глаза метались по комнате, пытаясь ухватиться за ускользающую реальность. — Ядом. Она хочет нас отравить. — Но почему? — Влас чувствовал, как холодный пот стекает по спине. — Мы же не ищем её. Мы ищем пуд зерна. — Мы искали пуд зерна, — поправил Андрей, его голос становился всё более истеричным. — Но это была ложь. Всё было ложью. Это третья фаза. Разум. Особняк зашевелился. Пол начал распадаться на фрагменты — это были карты сознания, схемы мышления, диаграммы расщепления личности. Каждая комната — это часть их разума, замурованная под страхом, болью, ложью. Но теперь эти части стали видимыми, осязаемыми, и они были наполнены ужасом. Влас видел, как стены его комнаты превращаются в бесконечные коридоры, где каждый поворот ведёт к его собственным страхам. Он слышал голоса, шепчущие его имя, обвиняющие его, смеющиеся над ним. Он видел себя ребёнком, одиноким и испуганным, и себя подростком, полным ярости и отчаяния. Андрей же оказался в лабиринте из зеркал, где каждое отражение искажало его лицо, превращая его в чудовище. Он слышал смех, который был одновременно его собственным и чужим, и видел, как его руки превращаются в когти, а зубы — в клыки. Он кричал, но его крики тонули в стенах комнаты особняка. Он кричал, но его крики тонули в какофонии искажённых отражений. Зомби-женщина, её истлевший национальный костюм колыхался, словно от невидимого ветра, медленно приближалась. Её фосфоресцирующие глаза были прикованы к ним, а сладковатый запах яда становился всё сильнее, проникая в самые глубины их сознания. — На самом деле... — повторила она, и в её голосе прозвучала нотка торжества. — На самом деле, вы сами себя сюда привели. Вы искали ответы. Вы искали выход. Влас почувствовал, как его ноги отказываются двигаться. Он видел, как пол под ним превращается в бурлящую массу из обрывков воспоминаний, где смешивались образы матери, отца, той самой больничной палаты, где их разделили. Он видел себя, маленького, плачущего, и себя, взрослого, с пустыми глазами. — Это не пуд зерна, — прошептал он, его голос был едва слышен. — Это мы. Мы сами себя заперли. Андрей, задыхаясь от ужаса, пытался разбить зеркала, но они были твёрдыми, как сталь. Каждое разбитое осколки порождал новое, ещё более искажённое отражение. Он видел, как его тело распадается на части, как его разум превращается в хаос. — Она... она не зомби, — прохрипел Андрей, его глаза были полны безумия. — Она — это мы. Это наши страхи. Это наша ложь. Зомби-женщина остановилась перед ними. Её губы, покрытые серой плёнкой, медленно растянулись в подобие улыбки. — На самом деле... — прошептала она, и в этот момент её голос стал голосом каждого из них, голосом их внутреннего демона. — На самом деле, вы никогда не были разделены. Вы всегда были одним. И вы всегда были здесь. Влас и Андрей посмотрели друг на друга. В глазах друг друга они увидели отражение своего собственного безумия, своего собственного страха, своей собственной боли. Особняк вокруг них продолжал распадаться, превращаясь в бездонную пропасть, в которой тонули их последние остатки разума. Особняк дышал. Не так, как дышит живое существо, а как старый, прогнивший дом, где каждый скрип половицы, каждый шорох в стенах — это вздох умирающего. Влас и Андрей, два осколка одного разбитого разума, бродили по его затхлым коридорам, ведомые призрачным зовом пуда зерна. Для них это было не

просто зерно, а ключ, способ вернуть утраченную целостность, найти причину своего раздвоения. Их путешествие началось с первой фазы — физического мира, где стены были реальны, а тени — лишь игрой света. Они шарили по пыльным шкафам, переворачивали ветхие кресла, их пальцы скользили по холодной, покрытой паутиной мебели. Андрей, вечно настороженный, вздрагивал от каждого звука, его глаза метались по углам, выискивая невидимых врагов. Влас же, более спокойный, но не менее одержимый, методично исследовал каждый сантиметр, его взгляд был прикован к полу, к стенам, к потолку, словно он искал нечто, что могло бы прорасти из самой материи. Вторая фаза — эмоциональная — накрыла их внезапно, как приступ лихорадки. Особняк начал играть с ними, отражая их внутренние бури. В одной из комнат, где обои отклеились, обнажив сырую штукатурку, Андрей увидел лицо матери, искаженное криком. Влас же почувствовал запах детской мочи, запах страха, который он когда-то испытывал, будучи маленьким. Эмоции захлестнули их, смешиваясь в дикий, неистовый коктейль. Андрей рыдал, обвиняя невидимых мучителей, Влас же застыл в оцепенении, погруженный в бездну воспоминаний, которые он сам же и пытался забыть. Пуд зерна казался теперь недостижимым, погребенным под лавиной боли и отчаяния. И вот, они оказались в третьей фазе — разума. Это было не место, а состояние. Особняк перестал быть просто зданием. Он стал их общим сознанием, искаженным, фрагментированным, но все еще живым. Стены начали пульсировать, словно вены, по которым текла густая, черная кровь. Потолки изгибались, превращаясь в бездонные пропасти, а полы — в зыбучие пески, грозящие поглотить их целиком.

«На самом деле...» — раздался голос. Он был не извне, а изнутри их самих, из самой сердцевины этого искаженного мира. Голос был усталым, человеческим, лишенным всякой угрозы, но от этого еще более пугающим. Перед ними, словно сотканная из тумана и отчаяния, появилась Женщина. Она не вышла из тени, а возникла из их общего разума, из той части, которая еще помнила свет. Она стояла перед чем-то, что казалось алтарем, но вместо икон там были осколки зеркал, отражающие их искаженные лица. Она положила на этот алтарь руку, и в этот момент мир вокруг них замер. «На самом деле... вы никогда не были одни», — прошептала она, и ее слова эхом отдавались в их черепах, словно молоточки, бьющие по барабанным перепонкам. «Вы — два голоса одного сознания, разделенные травмой». Андрей закричал. Его страх, всегда готовый вырваться наружу, теперь обрел форму. Он видел, как его тело распадается на части, как его конечности отрываются и улетают в бездну. Он чувствовал, как его разум разрывается на мелкие кусочки, как каждый кусочек кричит от боли. Влас же, напротив, застыл. Его память, его вторая сущность, начала собирать эти разлетающиеся части. Он видел, как Андрей, его страх, его боль, его отчаяние, были лишь отражением чего-то более глубокого, чего-то, что они оба пытались похоронить. «Влас — это память», — продолжила Женщина, и ее голос стал тише, словно она говорила с самой собой. «Андрей — это страх».

Они оба смотрели на нее, их глаза, полные безумия и надежды, были прикованы к ее фигуре. «А пуд зерна... это правда, которую вы похоронили». Их взгляд упал на массивный деревянный стол в центре комнаты. На нем, в старинной глиняной миске, лежал пуд зерна. Оно мерцало в тусклом свете, словно храня в себе тайну жизни. Третья фаза — разум. Особняк вдруг стал прозрачным, и они увидели, что это не просто здание, а символ чего-то большего. Пуд зерна оказался не просто предметом, а вызовом, который нужно принять. Женщина, которая преследовала их в кошмарах, оказалась не призраком, а частью их памяти. И её слова «На самом деле...» стали ключом к истине. Но когда они, наконец, разгадали тайну, особняк отделил себя от основного пространства реального физического мира. За окнами была белая пропасть, и в бездну шёл красный снег, падая в никуда. Они поняли, что не могут покинуть это место. Влас и Андрей осознали, что пуд зерна, который они нашли, был не просто ключом к разгадке, но и ловушкой. Они были пленниками своих воспоминаний и страхов, и теперь им предстояло найти способ выбраться из этого кошмара и вернуться в реальный мир. — Мы прошли, — сказал Андрей, глядя на Власа. — Мы не искали золото. Мы искали себя. Они

открыли сундук. Внутри — не сокровища. Не золото. Не драгоценности. А один-единственный пуд зерна. В старом мешке. С вышитым словом: «Живи». Они взяли его. И вышли из особняка. Уже не беглецы. Не жертвы. А те, кто прошёл испытание. И когда они вернулись в свой уютный дом, поставили мешок на стол — постер с женщиной вдруг потускнел. Будто она, наконец, успокоилась. Они знали: их жизнь не будет прежней. Но теперь она была настоящей. Последний сигнал зловещих эмоций поступил в их души именно отсюда — из старого заброшенного особняка, расположенного глубоко в лесу. Он был похож на скелет, выбеленный временем и ветрами, с пустыми глазницами окон, смотрящими в вечную ночь. Для двух больных шизофренией журналистов, одержимых городскими легендами и паранормальными явлениями, это место было последним рубежом. Наконец Влас и Андрей нашли ответы на свои вопросы «На самом деле...»

Плесень и инвалид

Глава 1

Наступило прохладное утро поздней осени, листья медленно кружились над мостовыми улицы, приветствуя новый день. Ева стояла возле высокого деревянного забора старинного особняка, нервно сжимая сумочку. Через пару минут появился молодой мужчина в элегантном костюме, уверенно шагающий навстречу девушке. Ева выглядела скромно, но стильно. Светлые волосы средней длины, собранные в аккуратный хвост, открывали нежное лицо с выразительными серыми глазами и тонким прямым носом. Кожа её была светлая, гладкая, с лёгким румянцем, свидетельствующим о свежем воздухе и активной жизни. Губы полные, естественно алые, чуть припухшие, будто готовые рассказать какую-нибудь увлекательную историю. Лицо её обычно сосредоточено, губы сжаты, выражение скорее печальное, чем радостное. Эта привычная маска возникает от постоянного напряжения и усилий поддерживать себя в форме. Она страдает частичным параличом ног вследствие перенесённого много лет назад заболевания нервной системы. Фигура её кажется истощённой из-за ежедневных тренировок и нагрузок, направленных на восстановление двигательных функций. Несмотря на сильное напряжение мышц спины и рук, её ноги едва слушаются команд мозга. Полупарализация заставляет передвигаться крайне медленно и осторожно, однако Ева научилась самостоятельно стоять и передвигаться небольшими шагами, не пользуясь опорой, хотя каждое такое перемещение сопровождается острой болью и тяжестью. Внешность Агента по недвижимости Павла Петровича вызвала у Евы противоречивые впечатления. Ей хотелось спросить его: «Ты мужик вообще?» Мужчина среднего роста, худощавый, с узкими плечами и длинными руками, напоминал ей вытянутую фигуру подростка-девушки. Гладкое, вытянутое лицо украшено маленькими яркими голубыми глазами, тонкими губами и высоким лбом, покрытым редкими светлорусыми волосами, зачёсанными набок. Его внешний вид контрастировал с его поведением — утончённые жесты, мягкие интонации голоса и мягкий взгляд придавали ему женственность, заставляя вспомнить облик юной девушки-модели. Элегантный деловой костюм, дорогой парфюм и ухоженные руки создали иллюзию уверенности и солидности, хотя тело его оставалось излишне хрупким и слабым. Этим контрастом Павел Петрович привлекает внимание клиентов, вызывая любопытство и интерес. — Добрый день, Ева, меня зовут Павел Петрович, ваш агент по недвижимости, — представился он, протягивая руку. Его ладонь оказалась тёплой и сухой, излучающей уверенность и надёжность. Ева слегка усмехнулась, чувствуя себя немного неловко. Она быстро представила себя и начала изучать обстановку. Её взгляд скользил по просторному кабинету Павла Петровича, агента по недвижимости. На стенах висели дипломы и сертификаты, подтверждающие его профессионализм и опыт. На столе лежали аккуратно разложенные документы и папки с проектами, которые он вёл. В углу кабинета стоял небольшой кофейный столик с чашками и блюдами, приглашая к уютной беседе. Ева обратила внимание на фотографии, развешанные на стенах, — это были снимки различных объектов недвижимости, которые Павел Петрович успешно продал или сдал в аренду. Она отметила, что каждая фотография была подписана, указывая на название объекта и его местоположение. В воздухе витал едва уловимый аромат кофе, создавая атмосферу комфорта и гостеприимства. Ева почувствовала, что здесь она может довериться профессионалу и получить квалифицированную помощь в решении своих вопросов. — Павел Петрович, — начала Ева, — расскажите подробнее о доме, который вы предлагаете. — Конечно, — ответил Павел Петрович, доставая папку с документами. — Это прекрасный загородный дом, расположенный в живописном месте. Он окружён лесом и имеет прекрасный вид на озеро. Внутри дома есть всё необходи-

мое для комфортной жизни: просторные комнаты, современная кухня, уютная гостиная и даже небольшой кабинет для работы. — А как обстоят дела с коммуникациями? — спросила Ева, внимательно изучая документы. — Всё в порядке, — улыбнулся Павел Петрович. — Электричество, вода, газ — всё подключено и работает исправно. Кроме того, дом оборудован системой отопления, так что зимой вы не замёрзнете. — А что насчёт инфраструктуры? — продолжила Ева. — Есть ли поблизости магазины, аптеки, больницы? — Да, конечно, — кивнул Павел Петрович. — В нескольких километрах от дома есть небольшой посёлок, где есть всё необходимое. Кроме того, до города можно добраться за полчаса на машине. — Хорошо, — сказала Ева, закрывая папку. — Думаю, стоит посмотреть дом лично. Когда мы можем поехать? — Сегодня же, — предложил Павел Петрович, поднимаясь из-за стола. — У меня есть машина, и мы можем отправиться прямо сейчас. Ева кивнула и последовала за Павлом Петровичем к выходу. Они вышли из кабинета и направились к машине. Павел Петрович открыл дверь, и Ева села на пассажирское сиденье. Машина плавно тронулась с места, и они отправились в путь. По дороге Ева продолжала задавать вопросы: — Павел Петрович, а как обстоят дела с безопасностью в этом районе? — Всё в порядке, — ответил Павел Петрович. — В посёлке есть своя охрана, и дом находится под видеонаблюдением. Кроме того, соседи — это в основном люди, которые живут здесь постоянно, так что проблем с безопасностью нет. — А как насчёт соседей? — спросила Ева. — Они не будут мешать? — Нет, — улыбнулся Павел Петрович. — Дом расположен в тихом месте, и соседи живут достаточно далеко, так что шума и беспокойства не будет. — Хорошо, — сказала Ева, глядя в окно. — Надеюсь, дом мне понравится. Павел Петрович кивнул и продолжил вести машину. Вскоре они подъехали к дому, и Ева вышла из машины, чтобы осмотреть его. Павел провёл девушку внутрь дома, показывая просторные комнаты, сохранившие следы прошлой эпохи: старую мебель, картины и антикварные предметы интерьера. Однако Ева сразу заметила некоторые тревожащие моменты — потрескавшиеся стены, местами облезшую краску и странный запах, исходивший откуда-то снизу. — Как давно последний ремонт проводился? — осторожно спросила Ева, стараясь скрыть своё волнение. — Ну, конечно же, многое требует обновления, — спокойно заметил Павел. — Но тут главная прелесть — атмосфера старины и особая магия места. Подвал недавно подвергся обработке против грибка и плесени, хотя было всего лишь небольшое заражение. Ева настоятельно посмотрела на Павла, отметив мягкость его тона и почти снисходительную манеру разговора. Всё-таки покупка дома — важное событие, и любая мелочь могла иметь значение. — А какая гарантия того, что плесень больше не появится? — задала прямой вопрос девушка. — Обработка прошла профессионально, использовалась специальная химия, рекомендованная лучшими производителями, — заверил Павел, подчёркнуто глядя ей в глаза. — Поэтому можете быть совершенно спокойны. Но Ева продолжала сомневаться. Перед принятием решения она знала, что лучше довериться своим ощущениям и здравому смыслу. Встреча закончилась коротким разговором, и молодая женщина ушла домой, крепко задумавшись над предложением агента. Ева стояла перед особняком, который могла бы назвать своим домом. Павел Петрович, агент по недвижимости, уверял её, что дом находится в идеальном состоянии, но Ева решила не полагаться на слова и провести дополнительную экспертизу. Она наняла профессионального эксперта — Александра Сергеевича Иванова. Александр Сергеевич был человеком среднего возраста, с аккуратной бородкой и внимательным взглядом. Он носил очки в тонкой оправе, что придавало ему вид учёного. Его одежда была простой, но опрятной: тёмные брюки и рубашка с коротким рукавом. В руках он держал планшет и несколько инструментов, необходимых для проведения экспертизы. — Здравствуйте, Ева, — начал Александр Сергеевич, протягивая руку. — Я внимательно изучил документы и готов приступить к осмотру. Давайте начнём с подвала. Ева последовала за ним, внимательно наблюдая за каждым его движением. Александр Сергеевич тщательно осмотрел стены, потолки и полы, используя специальное оборудование для выявления скрытых проблем. Он проверял наличие плесени, качество обра-

ботки помещения и состояние конструкции. — Здесь всё в порядке, — сказал он, закончив осмотр подвала. — Пройдёмте на первый этаж. На первом этаже Александр Сергеевич проверил каждую комнату, уделяя особое внимание состоянию стен и потолков. Он использовал тепловизор, чтобы выявить возможные проблемы с теплоизоляцией. — Стены сухие, плесени нет, — сообщил он. — Переходим на второй этаж. На втором этаже осмотр продолжался. Александр Сергеевич проверил состояние крыши, чердака и всех коммуникаций. Он использовал эндоскоп, чтобы заглянуть в труднодоступные места. — Всё в порядке, — заключил он, закончив осмотр. — Дом находится в отличном состоянии, без каких-либо признаков плесени или других проблем. Ева была рада услышать это. Она поблагодарила Александра Сергеевича и отправилась на вторую встречу с Павлом Петровичем. Во время второй встречи Павел Петрович подробно рассказал о преимуществах дома, его истории и особенностях. Ева внимательно осмотрела каждый уголок, оценивая его потенциал и возможности для обустройства. Она была впечатлена качеством строительства, дизайном и расположением особняка. Они встретились ранним утром следующего дня. Мягкий солнечный свет заливал улицу, приятно согревая воздух. Ева подъехала к дому на такси, выгрузив сумку с инструментами и ноутбук. Павел ждал её у входа, вежливо держа дверь открытой. — Доброе утро, Ева Александровна, прошу прощения за вчерашнее недоразумение, — начал он, принимая её багаж. — Сегодня покажу вам весь дом подробнее, расскажу обо всех нюансах. — Называйте меня просто Евой, пожалуйста, — ответила девушка, снимая пальто и разглядывая холл с интересом. — Итак, начнём экскурсию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.